ф/54/53265 580.

СЛОВАРЬ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗІИ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ОСТОЛОПОВЫМЪ,

Дѣйствительнымъ и Почетнымъ Членомъ разныхъ Ученыхъ Обществъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
Въ типографіи Императорской Россійской Академіи,
1821.

193 г.
Центральная библіотека при Коммиссіи по народному образованію въ С.-П.Б.
№ 4298
2 Bd.
85 G2
Fg166/660

Печатать позволено:

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи сей книги до выпуска изъ типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ для препровожденія куда слѣдуетъ.

С. П. Б. Ноября 13 дня, 1820 года.

Цензоръ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Ястребцовъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

З.

	стран.
Завязка	1.
Загадка	—
Заимословіе	5.
Заятіе	7.
Звукоподражаніе	9.

И.

Идиллія	9.
Іероглифъ	26.
Изложеніе	—
Изнанка	27.
Изображеніе	32.
Изобрѣтеніе	34.
Изрѣченіе	35.
Именей	—
Имнъ	—
Имнопедія	—
Интермедія	—
Интрига	36.
Іоническій	—
Иперболa	—
Иперкаталектическій	—
Ипотипозисъ	—
Ироида	—
Иро-Елегическій	37.
Ирои-Комическій	—
Ироическій	—
Ироническій	37.
Иронія	—

	стран.
Ифопія	38.

К.

Канева	38.
Кантата	—
Кантъ	43.
Каталектическій	—
Катахризисъ	44.
Кенизмъ	—
Кенотафія	45.
Комедія	—
Комическій	99.
Краестишіе	101.
Кретикъ	—
Куплетъ	—

Л.

Лаконизмъ	101.
Лаконическій	104.
Легкость	105.
Липограмматическій	110.
Лирическій	115.
Литтература	155.
Логогрифъ	156.

М.

Мадригалъ	166.
Макароническій	172.
Междудѣйствіе	174.

	стран.
Мелодрама	175.
Металипсисъ	177.
Метаморфозисъ	178.
Метапласмъ	—
Метафезисъ	179.
Метафора	180.
Метонимія	183.
Метръ	186.
Метрическій	—
Миктеризмъ	187.
Мимизисъ	—
Миміямбъ	—
Мимическій	188.
Мимодрама	—
Мимы	—
Многосоюзіе	189.
Моленіе	—
Молоссъ	190.
Монологъ	191.
Монометръ	—
Монорифмъ	192.
Мужескій	198.
Мѣлкія стихотворенія	—
Мѣра	199.
Мысль	—

Н.

Надгробіе	204.
Надпись	—
Наклоненіе	214.
Напряженіе	214.
Натура	215.
Натуральный	218.

	стран.
Неніа	219.
Нравственность	—

О.

Оаристъ	228.
Обращеніе	—
Ода	230.
Окончаніе	279.
Окруженіе	—
Омонимъ	—
Ономастихъ	282.
Опера	—
Описаніе	296.
Описательный	312.
Опредѣленіе	318.
Ораторія	323.
Отвѣтствіе	324.

П.

Палинвакхій	326.
Палиндромъ	—
Палинодъ	327.
Палинодія	328.
Панегирикъ	—
Панегирическій	—
Панкратовъ размѣръ	—
Пантомима	329.
Парабола	330.
Парагогъ	—
Парадъ	331.
Парафразисъ	—
Пародія	332.

	стран.
Пасторальный	343.
Пастушескій	—
Патетическій	356.
Пеанъ	357.
Пентакростихъ	360.
Пентаметръ	—
Пеонъ	362.
Переворотъ	363.
Перемѣна	—
Переносъ	364.
Періодъ	366.
Перипетія	367.
Перипетическій	—
Пиндарическій	—
Пиррихій	—
Планъ	368.
Плеоназмъ	—
Повтореніе	370.
Повѣствованіе	376.
Повѣствовательный	379.
Погрѣшности	—
Подобіе	385.
Подражаніе	387.
Подражательный	394.
Поэзія	399.
Поэма	418.
Поликолонъ	419.
Полиметръ	421.
Полустишіе	—
Поправленіе	422.
Портретъ	422.
Посланіе	—
Правдоподобіе	—
Превращенія	427.
Предложеніе	428.
Премѣненіе	—
Прерваніе	429.
Придиктическій	—
Призываніе	—
Принужденность	—
Приращеніе	432.
Природа изящная	—
Присовокупленіе	—
Притча	433.
Проза	—
Прозаическій	434.
Прозопографія	435.
Прозопопея	—
Прокелевсматикъ	436.
Прологъ	—
Проодическій	439.
Пропемтическій	440.
Просевхтическій	441.
Просфезисъ	—
Противоположеніе	—
Прохожденіе	442.
Пѣснь	443.
Пѣсня	—
Пятистопный	488.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОШИБКИ.

Часть II.

стран.	строки	напечатано	читай.
41	11	гордыхъ Паркъ,	грозныхъ Паркъ,
177	2	равномѣнно	равномѣрно
—	3	для простолю- димовъ вотъ	для простолюдимовъ. Вотъ
—		Мимодрами	Мимодрамъ

Bayerische
Staatsbibliothek
München

СЛОВАРЬ

ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ ПОЭЗІИ.

З.

ЗАВЯЗКА. Чрезъ завязку, узелъ или интригу разумѣютъ въ поэмѣ и во всякомъ драматическомъ сочиненіи совокупленіе разныхъ обстоятельствъ и препятствій, отъ которыхъ, во ожиданіи окончанія или развязки, раждается въ читателѣ и слушателѣ любопытство, нетерпѣніе.—См. *Драма*, *Епическій*, *Трагедія* и проч.

ЗАГАДКА, Aenigma, Griphus. — Загадка есть краткое сочиненіе, по большей части въ стихахъ, въ которомъ безъ наименованія вещи изъясняютъ ее чрезъ подобозначущія слова, чрезъ описаніе причинъ, дѣйствій, свойствъ и тѣмъ возбуждаютъ желаніе къ открытію ея значенія.

Загадка не должна быть такъ ясна, чтобъ отгадать ее почти никакого не стоило труда; она не должна быть и столько темна, чтобъ отгадать ее было не возможно. Въ первомъ случаѣ она не доставитъ отъ легкости своей ни малѣйшаго удовольствія, а въ послѣднемъ читатель скорѣе можетъ отказаться отъ небольшаго угожденія своему самолюбію, нежели получить пріятность несоразмѣрнымъ трудомъ. На семъ основано главное правило сочиненія *загадки*, то есть, она должна содержать въ себѣ нѣсколько такихъ принадлежностей своего предмета, которыя, какъ будто указывая намъ его, возбуждали бы въ насъ болѣе желанія и надежды къ *Отгадкѣ*; а между тѣмъ другія помѣщенныя въ той же загадкѣ обстоятельства затрудняли бы сію представляющуюся съ перваго взгляда удобность.

Двусмысленность, l'équivoque, весьма свойственна загадкѣ. Употребительнѣйшія въ ней фигуры могутъ быть Метафора, Антитезъ и Аллегорія, которая иногда продолжается съ начала до конца. — Примѣры:

Натура не дала ни глазъ мнѣ, ни ушей;
Я мертвъ, но предвожу въ пути слѣпыхъ людей.

Жезлъ.

Хожу я босикомъ, хотя и въ сапогахъ;
Хожу на головѣ, хотя и на ногахъ.

Гвоздь въ сапогѣ.

Люблю морозы я, въ теплѣ всегда страдаю;
Рожусь отъ матери и самъ ее раждаю.

Ледъ.

Въ Стихотвореніяхъ Дмитріева находимъ слѣдующую загадку, означающую Журналъ или какое либо Періодическое изданіе:

Нѣтъ голоса во мнѣ, а все я говорю,
И худо и добро; сержусь, благодарю,
Хвалю, браню, и ложь и правду разглашаю,
И въ тысячи мѣстахъ вдругъ слышенъ я бываю;
Всегда и важенъ и шутливъ,
Уменъ и глуповатъ, и дуренъ и красивъ.
Еженедѣльно я, иль въ мѣсяцъ возрождаюсь,
И только лишь рожусь, въ продажу отпускаюсь.
Я братьями богатъ, названье намъ одно;
Однако въ свѣтѣ мы зовемся не равно.
Узнали? нѣтъ? еще прибавимъ:

У насъ нѣтъ матери, за то
Мы сотни двѣ отцовъ представимъ,
И это не причтетъ въ обиду намъ никто.
Я бѣлъ и сѣръ, легокъ, бездушенъ и собою
Во многомъ сходствую съ молвою.

У Древнихъ сей родъ поэзіи былъ въ большемъ употребленіи. Едипъ не иначе могъ получить престолъ, какъ отгадавши предложенную ему Сфинксомъ загадку, означающую три человѣческіе возраста, дѣтство, мужество и старость, подъ видомъ животнаго, которое по утру ходитъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, а въ вечеру на трехъ. Ежели сіе происшествіе и несправедливо, покрайней мѣрѣ выдумка онаго показываетъ уваженіе Древнихъ къ *Загадкамъ*. Впрочемъ извѣстно и по исторіи, что Цари пересылали другъ къ другу загадки и щедро награждали умѣвшихъ отгадывать оныя. Лидійскій Царь Крезъ посылалъ по такому случаю Езопа къ Амазису, Царю Египетскому. Между прочими загадками, предложенными тамъ Фригійскому Фабулисту, слѣдующая заслуживаетъ вниманіе: какой это храмъ, который стоитъ на одномъ камнѣ, окруженъ двѣнадцатью башнями,

имѣющими по тридцати столповъ, во кругъ которыхъ поперемѣнно ходятъ женщины, бѣлая и черная? — Езопъ отвѣчалъ, что храмъ значитъ *свѣтъ*, камень—*годъ*, башни—*мѣсяцы*, столпы—*сутки*, женщины—*день и ночь*.

ЗАИМОСЛОВІЕ или Прозопопея, Prosopopaeia. Фигура предложеній: состоитъ въ томъ, когда то, что самому автору или представляемому отъ него лицу говорить должно, отдается другому лицу живому или мертвому, присутствующему или отсутствующему, иногда и бездушной вещи. — На пр:

Проснися, Сибаритъ! ты спишь,
Иль только въ сладкой нѣгѣ дремлешь,
Несчастныхъ голосу не внемлешь
И въ развращенномъ сердцѣ мнишь:
„Мнѣ мигъ покоя моего
„Пріятнѣй чѣмъ въ исторьи вѣки;
„*Жить для себя лишь одного*,
„*Лишь радостей умѣть пить рѣки*,
„*Лишь вѣтромъ плыть*, гнесть чернь ярмомъ;
„Стыдъ, совѣсть, слабыхъ душъ тревога!
„Нѣтъ добродѣтели, нѣтъ Бога.....

Державинъ.

По стогнамъ шумный гласъ несется
ЕЛИСАВЕТИНЫХЪ похвалъ,
Въ полкахъ стократно раздается
„Великій ПЕТРЪ изъ мертвыхъ всталъ,
„Мы пройдемъ съ нимъ сквозь огонь и воды,
„Предолимъ бури, непогоды,
„Поставимъ грады на рѣкахъ,
„Мы дерзкій взоръ враговъ потупимъ,
„На горды выи ихъ наступимъ,
„На грозныхъ станемъ мы валахъ.

Ломоносовъ.

Слово Прозопопея есть Греческое: *πρόσωπον*, лице, особа, и *ποιέω*, дѣлаю, творю; слѣдственно, литерально можно перевести оное словомъ олицетвореніе — и дѣйствительно сею фигурою или представляютъ присутствующими и говорящими такихъ людей, кои находятся въ отдаленности и никакого въ произносимой рѣчи не берутъ участія, либо придается чувственность вещамъ неодушевленнымъ, на примѣръ: Сія гробница вѣщаетъ Сіи стѣны упрекаютъ тебя въ вѣроломствѣ; онѣ ясно повторяютъ слова твои

ЗАЯТІЕ или Пролипсисъ, πρόληπσις, фигура предложеній: есть отраженіе противорѣчія, или сомнѣнія, которое могло бы быть предложено. На пр. Димосфенъ въ словѣ противъ Филиппа:—чаятельно, нѣкоторые здѣсь спросятъ: гдѣ нашъ флотъ къ берегу пристанетъ? война сама, Афиняне, война покажетъ и довольно научитъ, гдѣ нашъ непріятель слабѣе будетъ..... и проч.

Все слѣдующее сочиненіе Державина подъ названіемъ *Хариты* составляетъ объясняемую здѣсь фигуру:

По слѣдамъ Анакреона
Я хотѣлъ воспѣть Харитъ,
Фебъ во гнѣвѣ съ Геликона
Мнѣ предсталъ и говоритъ:
,,Какъ! и ты уже небесныхъ
,,Дѣвъ желаешь воспѣвать?
,,Столько прелестей безсмертныхъ
,,Хочетъ смертный описать!
,,Но бывалъ ли на высокомъ
,,Ты Олимпѣ у боговъ?
,,Обнималъ ли бреннымъ окомъ
,,Ты веселье ихъ пировъ?
,,Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,
,,Какъ, подъ звукъ пріятныхъ лиръ,

„Плясками онѣ своими
„Восхищаютъ горній міръ:
„Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ
„Важно павами плывутъ;
„Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ
„Голубками воздухъ вьютъ;
„Какъ вокругъ онѣ спокойно
„Величавый мещутъ взглядъ;
„Какъ ихъ всѣ движенья стройно
„Взору, сердцу говорятъ?
„Какъ Хитоны ихъ Эфирны,
„Льну подобные власы,
„Очи свѣтлыя, сапфирны,
„Помрачаютъ всѣхъ красы?
„Какъ Богини всемъ соборомъ
„Признаютъ: имъ равныхъ нѣтъ,
„И Минерва важнымъ взоромъ
„Улыбается имъ въ слѣдъ?
„Словомъ: видѣлъ ли картины
„Непостижныя уму?„
—Видѣлъ внукъ ЕКАТЕРИНЫ
Я отвѣтствовалъ ему.—
Богъ Парнасса усмѣхнулся,
Давъ мнѣ лиру отлетѣлъ;
Я струнамъ ея коснулся
И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

Пролипсисъ, *πρόληπσις*, составлено изъ *πρό*, до, предъ, и *λαμβάνω*, беру, принимаю, заимствую; на Латинской языкъ переводится въ разныхъ Риторикахъ трояко: *anteoccupatio*, *préoccupatio*, и просто *occupatio*.

ЗВУКОПОДРАЖАНІЕ. См. *Подражательный*.

И.

ИДИЛЛІЯ. Родъ пастушеской поэзіи. Идиллія и Еклога имѣютъ между собою едва примѣтную разность; однакожъ при всемъ томъ не должно ихъ смѣшивать, ибо Еклога требуетъ *дѣйствія*, а Идиллія довольствуется чувствованіемъ, нѣжностію и повѣствованіемъ, и болѣе старается описывать самую природу.

Буало прекрасно описалъ свойство Идилліи въ своей *Наукѣ стихотворства:*

Telle qu'une bergère, au plus beau jour de fête,
De superbes rubis n'orne point sa tête,
Et sans meler à l'or l'éclat des diamans,
Cueille en un champ voisin ses plus beaux ornemens;

Telle, aimable en son air, mais humble dans son style,
Doit éclater sans pompe une élégante Jdylle.
Son tour simple et naïf n'a rien de fastueux,
Et n'aime point l'orgueil d'un vers presomptueux.
Il faut que sa douceur flatte, chatouille, éveille,
Et jamais de grands mots n'épouvante l'oreille.

„Подобная пастушкѣ, которая въ праздничный день украшаетъ голову свою не богатыми рубинами, не драгоцѣнными алмазами и золотомъ; но сорванными на ближнемъ полѣ цвѣточками,—Идиллія, пріятная и скромная въ слогѣ, не удивляетъ насъ пышностію. Въ простыхъ и непринужденныхъ ея оборотахъ нѣтъ ничего блестящаго; гордость высокопарныхъ стиховъ ей противна. Она должна услаждать и нѣжить наши чувства своею пріятностію, и не пугать слуха громкими словами.„

Ежели Идиллія содержитъ какую либо страсть, то сія страсть должна быть самая умѣренная, и объясняема въ выраженіяхъ пріятныхъ и тихихъ. Иногда стихотворецъ дѣлаетъ въ ней сравненіе нашихъ заботъ, нашихъ пороковъ, нашихъ обязанностей съ удовольствіями, спокойствіемъ и невинностію пастуховъ, поль-

зуясь въ шакомъ случаѣ въ продолженіи всего сочиненія непрерывною *Аллегоріею*, взяшою ошъ свойсшва живошныхъ и даже вещей безчувсшвенныхъ, каковы цвѣшы, ручьи, водопады и пр, чшо можно видѣшь изъ слѣдующихъ ошрывковъ Идиллій, написанныхъ Госпожею Дезульеръ *) и переведенныхъ на Русскій языкъ Г. Мерзляковымъ.

Ид. Цвѣты.

Какъ мало время вашей славы,
Любезные цвѣшы, краса луговъ, полей!
Природа вамъ дала жесшокіе усшавы; —
Однажды ушро васъ, улыбкою своей,
На сердцѣ машернемъ уснувшихъ пробуждаешъ,
Одно лишь ушро васъ живишъ и умерщвляешъ! —

*) Аншуанеша дю Лижье де Лагардъ, по фамиліи своего мужа *Дезульеръ*, родилась въ Парижѣ въ 1633 году. — Издашель Французскаго Парнасса говоришъ о Госпожѣ Дезульеръ слѣдующее: въ ней наиболѣе должно удивляшься красошѣ чувсшвованій, пріяшносши выраженій, гармоніи сшиховъ и счасшливому расцоложенію рифмъ.—Никшо не говорилъ лучше о любви, никшо не умѣлъ украшашь нравсшвенносши сшоль просшыми, и вмѣсшѣ прелесшными цвѣшами. — Признашельные современники называли ее Сафою, десяшою Музою, Калліопою Французскою.—Изъ книги собранныхъ ея сшихошвореній видно, чшо она упражнялась въ сочиненіи пѣсенъ, Балладъ, Еклогъ, Еписшолъ, Идиллій, Сшансовъ и Одъ. Она занималась и Драмашическою поэзіею, и написала двѣ Трагедіи, Генсерика и Аншонія, изъ кошорыхъ первая имѣла около 40 предсшавленій. —

И тотъ изъ васъ счастливѣй всѣхъ,
Которому въ тѣни прохлады и утѣхъ,
Собрать двѣ, три росы случится,
Два, три дни солнцемъ веселиться! —
Утѣштесь, милые! — какая нужда въ томъ? —
Живете мало вы, живете вы блаженно;
У васъ все общее; вашъ лугъ — семейной домъ;
Ни ревность, ни корысть, ни мщенiе презрѣнно
Не могутъ мучить васъ! —
И самая любовь... увы! — не какъ у насъ! —
Ничто не отравитъ невинной вашей страсти;
Вы можете любить, безъ принужденья власти!
Пускай привыкнувшiй всечасно измѣнять,
Пускай Зефиръ къ другимъ перелетаетъ;
Вамъ это все равно: вамъ нечего терять!
Амуръ — тиранъ! — меня со мною разлучаетъ!
Легколь смотрѣть на милаго льстеца,
Которой холоденъ, умѣетъ притворяться,
Привыкъ терзать сердца! —
Для васъ плѣнить — лишь только показаться!
Для васъ и умереть, не то, что для людей!
Вы умираете безъ муки, безъ скорбей,
И даже смерть у васъ красотъ не отнимаетъ;
Для жизни новой васъ на время усыпляетъ!....
и проч.

Ид. Птицы.

.

О птички милыя, завиденъ жребій вашъ!
Вы вздумали любить и любите свободно!
Наскучило вамъ здѣсь: летите, въ доброй часъ!
Природа ваша мать: живите, какъ угодно!
Нѣтъ добродѣтелей, пороковъ нѣтъ для васъ.—
Весь вѣкъ довольны вы одеждою одною;
Не слыхано въ лѣсахъ, чтобъ Филинъ воз-
блисталъ
Павлина красотою;—
Чтобъ воронъ соловья напѣвы повторялъ!
Ахъ! искренность сія не наше достоянье!—
Пристойность строгая, права, образованье,
Все требуетъ отъ насъ печальнѣйшихъ услугъ!—
Что лести низкой хуже?—
Но лги—и будешь правъ! но льсти—и будешь
другъ!
Природа съ нами будто вчужѣ!
Или . . . признаемся, краснѣя отъ стыда!
Отмщая праведно за наши къ ней измѣны,
Намъ пищи не даетъ безъ горя и труда!—
Все, все противу насъ: стихійны перемѣны,
Огонь, земля, вода!—скрывайся непогодъ,
Одежду приготовь, посѣй, сбери плодъ нивы,

И послѣ трепещи за сей же самой плодъ!—
Ахъ, птички, вы счастливы!
Для васъ готово все: ни сѣять, ни хранить!
Осталось лишь лѣтать, пѣть пѣсни и лю-
бить! и проч.

Отдавая должную справедливость твореніямъ Г-ж. Дезульеръ, обязанностію почитаемъ однакожъ сказать, что во всѣхъ ея Идилліяхъ не безъ основанія замѣчаютъ излишество какой-то мрачной философіи, и находятъ сіе немалою погрѣшностію, ибо Идиллія требуетъ однѣхъ только пріятныхъ изображеній.—Доказано, что отъ несоблюденія принятыхъ всѣми вообще правилъ, не получаютъ и самыя превосходныя сочиненія желаемаго успѣха, а дѣлая изъ Идилліи сочиненіе философическое или Сатирическое, не значитъ ли устраняться отъ правилъ и смѣшивать различные роды поэзіи?—

Идиллія можетъ быть писана стихами всякаго размѣра; мы воспользуемся нѣсколькими сочиненіями, могущими вмѣстѣ съ симъ показать и свойства ея.

Друзья.

Идиллія изъ Феокрита *)

Притекъ наконецъ!—три дни и три ночи въ разлукѣ со мною!
Ахъ, много и дня одного, чтобы состарѣться въ разлукѣ!—
Пріятнѣй весна по зимѣ, и яблоко слаще орѣховъ,
Богатѣй волною овца предъ агницей новорожденной,
И дѣва милѣе вдовы, трекратно супруга терявшей,
Быстрѣе скачетъ тельца игривая серна въ долинѣ,
Любезнѣй звучитъ соловей предъ всѣми въ царствѣ пернатомъ!...
О, слаще всего мнѣ теперь увидѣть тебя по разлукѣ!
Какъ путникъ, солнцу палящу, спѣшитъ подъ развѣсисто древо,
Спѣшилъ, окрыленъ, я къ тебѣ во срѣтенье, другъ мой сердечный!

*) См. стопы Амфибрахій, и Анапестъ.

Да дышутъ надъ нами, въ насъ благодатные
геніи дружбы!
Да скажутъ объ насъ потомки святое и доброе слово:
„Здѣсь были и жили друзья, въ урокъ и веселье сосѣдей!
Сего нарицали *Любимъ*, а тому привѣтъ былъ: *Вѣрнѣйшій*;
(То значили точно ихъ имена въ языкѣ Фессалійскомъ)
Другъ друга любили равно и всегда.—Конечно, то были
Не нашихъ временъ сердца; то сердца вѣковъ первобытныхъ,
Гдѣ сладостно, нѣжно по смерть любовь любовью питалась!„
Да будетъ тако сіе, милосердый отче Кронидесъ! *)
Да такъ, не старѣясь въ любви, перейдемъ мы въ область безсмертныхъ,
И нѣкогда,—многимъ вѣкамъ, исполнившимъ свѣтлые круги, —
Пришлецъ отъ земли, на черныхъ брегахъ ненасытнаго Орка,

*) Юпитеръ.

Увидитъ насъ, тамъ, и речетъ обнявшимся
сладко: миръ съ вами!....
И нынѣ о двухъ неразлучныхъ—красная смерт-
ныхъ бесѣда!....
Но въ волѣ блаженныхъ силъ горнихъ, ис-
полнитъ наше желанье,
И въ волѣ отвергнуть его! — что нужды! о
другъ мой безцѣнный!
Тебя моя громкая пѣснь возвѣститъ гряду-
щимъ потомкамъ,
И скажетъ имъ чистую правду, предъ прав-
дой небесъ не краснѣя! —
Такъ! если когда, мой другъ, ненарочно, хоть
тѣнь оскорбленья
Я зрѣлъ отъ тебя: (и зрѣлъ ли?) стократной,
сладчайшею жертвой
Тогда же ты все замѣнялъ; и въ тѣни—яснѣ-
лось веселье!
Вы, укищренные веслами править, о чада
Мегары,
Вамъ слава и почесть!—васъ я привѣтствую
днесь благодарный!
Вы чтили, умѣли почтить Діоклеса любовь
неизмѣнну. —
Едва низойдетъ къ намъ съ небесъ весна на
луга златоцвѣтны,

Едва облекутся лѣса въ зеленыя, свѣтлыя ризы:
Почтенье зоветъ весь градъ на гробъ Діокклеса священный. —
Тамъ юношей радостный хоръ, тамъ сонмъ дѣвицъ черновласыхъ;
Надъ гробомъ склонившись, растетъ тамъ пальма злашыхъ поцѣлуевъ! —
И кто страстнѣй, кто любезнѣе милыхъ красавицъ цѣлуетъ,
Чьи пламенны вѣчно уста, того украшаютъ вѣнцами,
Того съ похвалою и пѣснями въ домъ ликъ дѣвъ провождаетъ
Къ матери, коя срѣтаетъ драгаго улыбкой, слезами! —
Но много блаженнѣе всѣхъ судья поцѣлуевъ сладчайшихъ,
Которому право дано лобызать всѣхъ, всѣхъ чередою! . . .
Счастливецъ завидный цѣлуетъ, и судитъ и рядитъ!
Онъ молитъ любимца, служащаго богу силъ Ганимеда,
Чтобъ были его уста, и пріятны, и крѣпки, и нѣжны,

Такъ вѣрны, какъ камень испытной, которымъ
гость чужеземной
Достоинство праведно злата узнавъ, даетъ
ему цѣну. —
Мерзляковъ.

Ид. Палемонъ.

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡
◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

Прекраснѣйшимъ утромъ зимою
Сидѣлъ Палемонъ въ шалашѣ подъ окномъ —
Дрова, запасенны порою,
Пылали въ горнушкѣ трескучимъ огнемъ. —
Онъ стужи въ теплѣ не боялся,
Съ улыбкою въ поле свой взоръ простиралъ,
Картиной зимы любовался
И въ мысляхъ возврата весны не желалъ.
,,О сколь ты, природа, прекрасна!
Ничто не измѣнитъ твоей красоты!
Гроза ли пылаетъ ужасна,
Ревутъ ли бореи, цвѣтутъ ли цвѣты —
Всегда ты, во всемъ совершенна!....
Какъ блещетъ равнина, сквозь легкій туманъ
Дрожащимъ лучемъ озаренна!
Какой безпредѣльный снѣговъ океанъ!....

*

Тамъ дубы стоятъ обнаженны;
На вѣтвяхъ ихъ иней пушистый нависъ;
Тамъ ели мелькаютъ зелены;
Мѣстами чернѣетъ густой кипарисъ.
Поля и луга опустѣли;
Не видно на паствѣ гуляющихъ стадъ;
Замолкли пастушьи свирѣли
И пѣвчія птички нахохлясь сидятъ.
Одинъ лишь снигирь краснобокой,
Чирикая скачетъ по гибкимъ кустамъ;
Лишь слышенъ глухой и далекой
Стукъ сильныхъ ударовъ цѣпа по гумнамъ;
Лишь изрѣдка смѣжной равниной
Съ дровами лѣнивый протащится волъ.„—
Старикъ помѣшалъ хворостиной
Въ горнушкѣ, и снова къ окну подошелъ.—
„Зима и моя наступила:
Разсыпался иней на черныхъ кудряхъ,
Оставила прежняя сила,
Погаснулъ румянецъ, игравшій въ щекахъ!
Но ахъ! сожалѣть ли о красной
Дней юныхъ, промчавшейся быстро веснѣ?
Кто младость провелъ не напрасно,
Тотъ съ ней потерялъ заблужденья однѣ.
Кто былъ добродѣтели вѣренъ,

Полезенъ семейству и ближнимъ своимъ,
Тотъ долженъ быть твердо увѣренъ,
Что вѣчно пребудетъ минувшее съ нимъ.
Когда я о немъ вспоминаю,
Мнѣ кажется, будто какого нибудь
Стариннаго друга встрѣчаю,
Иль вижу цвѣтами усыпанный путь!
Къ тому же, на что помѣняюсь
Любовью всеобщей моихъ земляковъ,
Которой теперь наслаждаюсь,
Достигнувши честно сѣдыхъ волосовъ?
Что можетъ иное сравниться
Съ утѣхой примѣрныхъ дѣтей воспитать,
Счастливымъ успѣхомъ гордиться,
Награду въ невинныхъ ихъ взорахъ читать? ...
Подобно какъ снова весною
Природа получитъ свою красоту,
Такъ жизнью моей молодою
Я въ миломъ Дametѣ моемъ разцвѣту!

Панаевъ.

Ид. Мечтатель Миртилъ.

Полдневные лучи съ высотъ небесъ лилися;
Зефиръ не шевелилъ листовъ;
Овечки берегомъ Ладона улеглися;

И уклонившійся въ прохладну сѣнь деревъ
Миршилъ, въ шошъ самый день съ Филлидой
обрученный,
Счастливѣйшій изъ пастуховъ,
Пѣлъ, въ сладкія мечшы и думы погруженный:
„Ахъ! вѣришь ли шому, чшо сбудешся со мной?
Уже ли въ самомъ дѣлѣ
Чрезъ двѣ иль шри недѣли
Я мужемъ назовусь Филлидѣ дорогой?....

О, проходи же время срока!
Повѣй, блесни скорѣе опіъ востока
То ушро радосшнаго дня,
Когда предъ олшаремъ Гимена
Съ Филлидой преклонивъ колѣна,
И шайныя мольбы сердецъ соединя,
Мы повшоримъ обѣшъ священный,
Который ушвердишъ союзъ на вѣки нашъ!
Съ какимъ воспоргомъ я, жрецомъ благосло-
венный,
Изъ храма поведу ее къ себѣ въ шалашъ!
Съ какими чувсшвами, вступивъ подъ кровъ
смиренный,
И милую обнявъ, скажу ей: я убогъ,
Вошъ все мое: шалашъ укромный и полсшада;
Но если наградилъ меня шобою богъ —

То я уже богатъ, мнѣ ничего не надо!
Но если ты со мной
То эта хижина мнѣ будетъ рай земной!
Скажу, и слезы умиленья
Блеснутъ у милой на глазахъ;
Я самъ на грудь ея паду тогда въ слезахъ.—
Сей первый день соединенья
Пройдетъ о будущемъ въ мечтахъ.
А завтра, раннею проснувшися порою,
Лишь чуть забрежжетъ свѣтъ надъ ближнею горою,
Собравъ овецъ своихъ, взявъ шляпы, посошки,
Пойдемъ на паству мы. Тамъ, на долинахъ злачныхъ,
Толпой сберутся къ намъ пастушки, пастушки;
Съ улыбкой встрѣтятъ насъ, супруговъ новобрачныхъ;
И утро въ дружеской бѣседѣ, ласкахъ ихъ,
Въ трудахъ, столь легкихъ для двоихъ,
Невидимо идетъ, минутой пролетаетъ.
Вотъ полдень наступаетъ;
Зной солнечный велитъ убѣжища искать,
И мы спѣшимъ въ лѣсокъ, подъ тѣнію древесной
Укрыться отъ него, въ прохладѣ отдыхать.

Журчанье ручейка, изъ подъ скалы навѣсной
Текущаго лѣниво межъ цвѣтовъ,
Шептаніе листовъ,
И тихія моей свирѣли
Трели —
Все, все невольно призоветъ
Пастушку къ сладкому покою:
Она разнѣжится, склонится головою
Въ колѣна мнѣ, заснетъ....
Что жь буду дѣлать я?—я буду наслаждаться
Ея спокойствіемъ, я буду любоваться
Филлидиной красой:
Лилейной груди бѣлизной,
И черными, съ плеча упавшими кудрями,
И алыми устами,
И свѣжимъ, розовымъ румянцемъ полныхъ щекъ,
Который каждый мотылекъ
Сочтетъ навѣрно зъ цвѣтокъ.
Но я и мотылька къ Филлидѣ приревную!
И, чтобъ ему не дать
Ее поцѣловать,
Самъ милую мою скорѣе поцѣлую.—
Но вотъ ужъ солнце за горой;
Ужъ вечеръ наступаетъ
И тѣни длинныя по лугу разстилаетъ;
Все съ пастбищъ и полей домой;

Пора и намъ идти; и мы, рука съ рукою,
Гоня передъ собою
Рѣзвящихся овецъ,
За ними же домой приходимъ наконецъ.
Теперь, когда ужъ солнце сядетъ,
И мѣсяцъ молодой изъ облаковъ проглянетъ,
Какъ соберутся всѣ въ кружокъ
Среди селенья на лужокъ,
Мы будемъ пѣть, плясать, мѣшаться въ хороводы,
Или—кто насъ лишилъ свободы? —
Пойдемъ вдвоемъ, она да я
Къ рѣкѣ, за шалаши, послушать соловья;
Смотрѣть, какъ тусклыя въ тиши струятся воды,
Какъ станетъ потухать вечерняя заря. —
Въ такомъ-то счастіи, годовъ не примѣчая,
Не только этотъ день, вся наша жизнь пройдетъ!
Ахъ! если къ этому Зевесъ намъ ниспошлетъ
Еще дѣтей, то, даже увядая,
При старости самой,
Не позавидуемъ четѣ мы молодой:
Все съ юными останемся сердцами!„

Такъ пѣлъ онъ и не зналъ, что тутъ же, за кустами,

В҃ двухъ отъ него шагахъ,
Филлида, съ сладкими слезами на глазахъ,
Разтроганна стояла,
И жребій свой въ душѣ благословляла.

Панаевъ. *)

Слово Идиллія по Гречески εἰδύλλιον есть уменьшительное отъ εἶδος, видъ, и значитъ маленькой образъ, представленьице—потому что предметъ сей поэзіи составляютъ наиболѣе изображенія.

Прим: Дабы имѣть подробнѣйшее свѣденіе о свойствахъ Идилліи, какъ поэзіи пастушеской, и особенно о разности ея съ Еклогою, надлежитъ прочесть статьи *Еклога* и *Пастушескій*; ибо здѣсь многія объясненія непомѣщены, во избѣжаніе повтореній.

ІЕРОГЛИФЪ см. *Гіероглифъ*.

ИЗЛОЖЕНІЕ. Симъ именемъ называется въ поэмѣ Епической та часть, въ которой повѣствуется самое происшествіе.—См. *Епическій*.

*) Г. Панаевъ сдѣлалъ въ прошедшемъ году пріятный подарокъ любителямъ Пастушеской поэзіи изданіемъ своихъ *Идиллій*, въ числѣ которыхъ находятся и прекраснѣйшія *Еклоги*.

ИЗНАНКА, выворотъ на изнанку. — Изнанкою называется описаніе шуточнымъ и даже низкимъ слогомъ тѣхъ происшествій, кои прежде по важности своей описаны были слогомъ высокимъ.

Изнанка не есть пародія, какъ многіе полагаютъ, ибо пародія состоитъ въ примѣненіи того же сочиненія къ другимъ происшествіямъ и къ другимъ лицамъ, съ перемѣною нѣкоторыхъ выраженій. — См. *Пародія.*

Примѣромъ *изнанки* мы имѣемъ Енеиду, *вывороченную* (что Французы называютъ travesti) Осиповымъ и Котельницкимъ. Первый переложилъ семь пѣсней, а послѣдній остальные пять. — Вотъ нѣкоторые отрывки! Для лучшаго показанія разности помѣщаемъ и переводъ Петрова.

Еолъ, въ первой пѣсни, даетъ слово Юнонѣ произвести бурю:

Онъ рекъ, и скипетра однимъ ударомъ въ мигъ
Бокъ тощія горы властительно раздвигъ;
Отверзтьемъ вѣтры симъ, рать нагла, вылетаютъ,
Свистятъ, и отъ земли пыль вихремъ возметаютъ;
Съ востока дующій и съ запада тиранъ

И южныхъ бурь отецъ, терзаютъ Океанъ;
Подъ пѣной волны, какъ подъ вѣчнымъ горы
снѣгомъ,
Перестизающи одна другую бѣгомъ
Все море изъ предѣлъ на сушу вонъ несутъ
И тяжкими брега ударами трясутъ.
Возносятъ крикъ пловцы средь общія напасти,
Трещатъ и ломятся натрученныя снасти;
Тучъ густость облежитъ небесный сводъ кру-
гомъ,
Гремитъ изъ края въ край катающійся громъ,
Отъ черной ночи день въ полудни померкаетъ,
И молнія сквозь мглу за молніей сверкаетъ;
Тамъ ужасъ очеса и слухи всѣмъ разитъ,
И очевидная отвсюду смерть грозитъ.
Еней сквозь моря ревъ, сквозь страшны грома
звуки,
Простря ко небесамъ трепещущія руки
„Блаженны вы, гласитъ, блаженны много кратъ
„Которые изшедъ изъ гордой Трои вратъ
„Близь стѣнъ отечества вели кровавы бои
„И при очахъ отцовъ скончались какъ герои!

У Осипова такъ начинается сей отрывокъ:

Еолъ ей низко поклоняся

Мѣшокъ поспѣшно развязалъ;
И самъ къ сторонкѣ притуляся
Онъ вѣтрамъ всѣмъ свободу далъ.
Вздурились вѣтры, засвистѣли,
Взвились, вскрутились, полетѣли,
Настала сильная гроза,
Иной пыхтѣлъ надувши губы,
Другой шипѣлъ оскаля зубы,
Иной дулъ выпуча глаза.

Горшокъ у бабы какъ со щами
Бурлитъ въ растопленной печи,
Такъ точно сильными волнами
Кипѣло море въ той ночи.
Со всѣхъ сторонъ вздымалась буря,
Все море сдѣлалось какъ тюря,
Не видно свѣта ни слѣда,
Ревѣла волкомъ вся пучина,
Настала въ морѣ чертовщина,
Бросало порознь всѣ суда.

.

Ревѣла буря громогласно,
Свистали вѣтры какъ сурки;
Суда качаясь ежечасно,
Ныряли въ воду какъ нырки.

Инаго сильною волною
Въ верхъ опрокинуло кормою,
Другой насѣдкой на мѣль сѣлъ,
Иной песку съ водой наѣлся,
Иной раздулся и разсѣлся,
На дно за раками пошелъ.

Еней какъ будто въ лихорадкѣ
Зубами хлопая дрожалъ;
Или въ падучемъ какъ припадкѣ
Кривлялся, корчился, зѣвалъ;
Взирая съ судна на пучину,
Бурлацки клялъ свою судьбину
И бабьимъ голосомъ ревѣлъ:
,,Ахъ! еслибъ въ Троѣ я остался,
,,То такъ теперь бы не скитался,
,,И столько бъ горя не терпѣлъ. . . . и проч.

И начало десятой пѣсни:

Се отверзаются небесные чертоги!
Приходятъ въ важное движенie всѣ боги.
Днесь полный ихъ соборъ Юпитеръ на совѣтъ
Передъ усыпанный звѣздами тронъ, зоветъ;
Предъ тронъ, съ котораго низводитъ онъ зѣницы,
На Фриговъ, Рутулянъ, на мiра всѣ границы.

„Возсѣли на мѣста; имъ тако тутъ Зевесъ:
„Велики жители превыспреннихъ небесъ!
„Что думу преложа, въ бореніи упругомъ,
„Вы тако сваритесь, враждуя, другъ со другомъ?—и пр.

Петровъ.

Раздался въ небѣ скрыпъ ужасный,
Отверзся звѣздный Магистратъ,
И боги всѣ за столикъ красный
Какъ водится засѣли въ рядъ,
Они лишь ждали Сенатора,
Владыку ихъ и Прокурора,
Что весь Олимпъ тогда собралъ.—
Вдругъ входитъ онъ — и отъ досады
На всѣхъ косые бросивъ взгляды,
Нелѣпымъ голосомъ вскричалъ:

Скажите, долго ли бѣситься
Вы будете на небесахъ,
Между собою здѣсь браниться
И то же заводить въ *людяхъ*;
Ей! господа поберегитесь,
И съ головою соберитесь
Иль я скрою по треуху!
Кто вамъ, скажите, далъ велѣнья

Безъ моего соизволенья

Такую заварить уху? и пр.

Котельницкій.

Изнанка требуетъ слога легкаго, шутливаго. — Надлежитъ также наблюдать, чтобы она въ *содержаніи* и въ *вымыслахъ* не имѣла никакой отъ подлинника отмѣны.

Кромѣ Енеиды, вывороченной, есть еще на Русскомъ языкѣ въ подобномъ вкусѣ написанная Г. Люценко небольшая поэма подъ названіемъ *Похищеніе Прозерпины.*

ИЗОБРАЖЕНІЕ. Фигура предложеній. Состоитъ въ томъ, когда сочинитель представляетъ вещь или дѣйствіе со всѣми обстоятельствами такъ живо, какъ будто бы онѣ точно предъ глазами слушателей или читателей находились. На пр: У Дмитріева въ стихахъ *на взятіе Варшавы.*

А ты, гремѣвшая со трона,
Любимица самихъ боговъ,
Достойна гимновъ Аполлона!
Воззри на цвѣтъ своихъ сыновъ:
Се вѣютъ шлемы ихъ пернаты,

Се ихъ бѣлѣютъ знамена!
Се ихъ покрыты пылью латы,
На коихъ кровь еще видна!
Воззри: се идутъ въ ратномъ строѣ!
Всякъ истый въ сердцѣ Славянинъ!
Не Марсаль въ каждомъ зришь героѣ?
Не всякъ ли рока властелинъ?
Они къ стопамъ твоимъ бросаютъ
Лавровы, свѣжіе вѣнки и пр.

У Державина въ стихахъ *Утро:*

Онъ зрѣлъ, какъ свѣта богъ съ морями лишь сравнялся,
То алый лучъ по нихъ восколебался,
Посыпались со скалъ
Рубины, яхонты, кристалъ
И бисеры перловы
Зажглися на вѣтвяхъ;
Багряны тѣни, бирюзовы,
Слилися съ златомъ въ облакахъ,
И все сіяніе покрыло.

У Ломоносова:

Такъ флотъ Россійскій въ понтъ дерзаетъ,
Такъ роетъ онъ поверхъ валовъ;
Надменна бездна уступаетъ,

Стеня отъ тягости судовъ;
Во слѣдъ за скорыми кормами
Бѣжитъ кипяща пѣна рвами;
Весельный шумъ, гребущихъ крикъ
Наносятъ Готфамъ страхъ великъ.

Сія фигура есть то же самое, что *Ипотипозисъ*.—См. *Описаніе*.

ИЗОБРѢТЕНІЕ. Inventio, excogitatio.— Изобрѣтеніе есть собраніе разныхъ мыслей, приличныхъ предлагаемой матеріи. Оно содержитъ въ себѣ правила, какимъ образомъ и откуда упомянутыя мысли почерпать можно. Источники сіи называются въ Риторикѣ *мѣстами Риторическими*, Loci topici, argumenta, и суть: 1.) Родъ и видъ, 2.) Цѣлое и части, 3.) Свойства, 4.) Имя, 5.) Дѣйствіе и страданіе; 6.) Время, 7.) Мѣсто, 8.) Происхожденіе, 9.) Причина, 10.) Предыдущее и послѣдующее, 11.) Признаки, 12.) Обстоятельства, 13.) Подобіе, 14.) Противное.

Какъ статья сія принадлежитъ совершенно къ Риторикѣ, то не распространяясь въ объясненіяхъ, просимъ читателя обратиться къ Риторикѣ Ломоносова и другимъ, ежели онъ желаетъ узнать по-

дробнѣе, въ чемъ состоятъ *мѣста Риторическія.*

ИЗРѢЧЕНІЕ. То же что Апофоегма. Въ Риторикѣ почитается фигурою предложеній.—На пр:

Могила храбраго отечеству священна. —
Любви одна любовь лишь можетъ быть наградой.—
Печаль милѣе двумъ, чѣмъ радость одному.

ИМЕНЕЙ. См. Гименій.

ИМНЪ. См. Гимнъ.

ИМНОПЕДІЯ см. Гимнопедія.

ИНТЕРМЕДІЯ. Симъ именемъ назывались небольшія сочиненія, игранныя между дѣйствіями (отдѣленіями) или актами театральнаго представленія. Сіе дѣлалось для увеселенія народа въ то время, какъ актеры отдыхали, или перемѣняли платье. —Въ древней Трагедіи въ *Интермедіяхъ* пѣлъ хоръ, для означенія, что актъ кончился.—Аристотель и Горацій правиломъ поставляютъ, что въ *Интермедіяхъ* должно пѣть, и что матерія сего пѣнія долж-

на быть взята изъ главнаго содержанія піесы. — Нынѣ между актами употребляются балеты, либо играетъ музыка. — См. *Антрактъ*, *Междудѣйствіе*.

ИНТРИГА см. *Завязка*.

ІОНИЧЕСКІЙ. Сіе прилагательное имя употребляется въ Греческой и Латинской поэзіи для показанія стопы, составленной изъ *спондея* и *пиррихія*. Когда слово начинается спондеемъ, какъ на пр: cantabimus, victoria, *μιμνασκετο*, се подвиги, то сіе называется *большимъ Іоническимъ размѣромъ*, Ionicus major, или à majore; а когда начинается пиррихіемъ, то называется *малымъ Іоническимъ размѣромъ*, Ionicus à minore, на пр: *πολυτεκνα*, разсвѣталъ день.

ИПЕРБОЛА С. *Гипербола*.

ИПЕРКАТАЛЕКТИЧЕСКІЙ. См. *Гиперкаталектическій*.

ИПОТИПОЗИСЪ См. Гипотипозисъ.

ИРОИДА. См. Героида.

ИРО-ЕЛЕГИЧЕСКІЙ. См. *Геро-Елегическій.*

ИРОИ-КОМИЧЕСКІЙ. См. *Герои-Комическій.*

ИРОИЧЕСКІЙ. См. *Героическій.*

ИРОНИЧЕСКІЙ. Заключающій Тропъ, называемый въ Риторикѣ Ироніею. — См. ниже.

ИРОНІЯ. Тропъ Риторическій. — Состоитъ въ томъ, когда съ видомъ насмѣшливымъ или шуточнымъ говорятъ противное тому, что думаютъ. Иронія, въ которой подъ видомъ похвалы бранятъ и подъ видомъ удивленія презираютъ, встрѣчается очень часто даже въ обыкновенныхъ разговорахъ. Иронію составляютъ: *Астеизмъ*, *Діазирмъ*, *Мимеза*, *Сарказмъ*, *Харіентизмъ* и *Хлеазмъ*. См. сіи слова.

Квинтиліанъ раздѣляетъ Иронію на два рода: одну причисляетъ къ тропамъ, а другую къ фигурамъ предложеній. Она, по мнѣнію его, бываетъ *тропъ*, когда состоитъ въ одномъ или двухъ словахъ, и *фигура*, когда заключаетъ противоположность словъ и мыслей въ продолженіи цѣ-

лой рѣчи.—Instit. orat. IX. III.—Иронія есть слово Греческое, εἰρωνεία; Квинтиліанъ переводитъ оное литтерально *насмѣшкою*, illusio.

ИФОПІЯ См. Описаніе.

К.

КАНЕВА или Канва, canevas.—Такъ называютъ у Французовъ стихи, написанные по музыкальному сочиненію, какъ то: по Симфоніи, по Концерту, по Польскому, по Контрдансу и пр. По сему слова, сочиненныя по Гаиднову *Сотворенію міра* могутъ назваться Канвою.—Иногда называется у нихъ симъ именемъ и *основаніе* какого-либо сочиненія.

КАНТАТА. Самое сіе слово, происходящее отъ *cantare*, пѣть, показываетъ, что *Кантата* должна быть сочиненіе написанное для пѣнія; однакожъ обыкновенно она состоитъ изъ двухъ частей: изъ *Повѣствованій* и изъ *Арій*, т. е. пѣсенъ, которыя всегда слѣдуютъ за повѣствованіемъ. Въ послѣднемъ Піитъ изображаетъ самый

предметъ, а въ аріяхъ изъявляетъ чувствія, или разсужденіе, произведенныя предметомъ. Повѣствованія пишутся обыкновенно шестистопными стихами, иногда и вольными; въ аріяхъ употребляются стихи кратчайшіе, которые могутъ быть всякаго размѣра, только бы удобны были къ положенію на голосъ.—Дабы не сдѣлать Кантату слишкомъ продолжительною, то принято за правило не помѣщать въ ней болѣе трехъ повѣствованій, и слѣдственно болѣе трехъ арій.

Содержаніемъ Кантаты должно быть происшествіе историческое, или баснословное, изъ котораго бы можно было извлечь нравственное разсужденіе. — Поэма сія требуетъ такого же изящества мыслей, такихъ же избранныхъ выраженій, какъ ода, но отвергаетъ ея отступленія и безпорядокъ.—Слогъ повѣствованія долженъ имѣть болѣе силы и возвышенности, нежели слогъ арій: сіи послѣднія отличаются чувствованіемъ и нѣжностію. — Ж. Б. Руссо почитается лучшимъ въ семъ родѣ писателемъ. Вотъ одна изъ его Кантатъ, переведенная Г. Востоковымъ:

Цирцея.

На сѣромъ камени пустынномъ и высокомъ,
Вершина коего касалася небесъ,
Цирцея блѣдная, въ отчаяньи глубокомъ,
Лила потоки горькихъ слезъ.
Оттуда по волнамъ глаза ея блуждали,
Казалось, что они Улисса тамъ искали.
Еще мечтала зрѣть героя своего!
Сія мечта въ ней грудь стѣсненну облегчаетъ;
Она зоветъ къ себѣ его,
И гласъ ея стократъ рыданье прерываетъ:
,,Виновникъ моего мученья,
,,Ахъ, возвратись въ страну сію;
,,Не о любви тебя молю,
,,Приди хотя изъ сожалѣнья,
,,Кончину ускорить мою!
,,Хоть сердце бѣдное мое сраженно
,,Есть жертва пагубной къ тебѣ любви,
,,Хотя обмануто тобой, презрѣнно,
,,Но пламень злой еще горитъ въ крови.
,,И ахъ! уже ли нѣжность преступленье,
,,Чтобы такое заслужить презрѣнье?
,,Ахъ, возвратись въ страну сію,
,,Виновникъ моего мученья!
,,Уже не о любви молю,

„Приди хотя изъ сожалѣнья
„Кончину ускорить мою.„
Такъ въ жалобахъ она скорбь сердца изливаетъ!
Но вскорѣ къ своему искуству прибѣгаетъ;
Чтобъ возвратить назадъ любви своей предметъ,
Всѣ адски божества она къ себѣ зоветъ:
Коцитъ и мрачный Стиксъ, Цербера, Тизифону,
Злыхъ Фурій, гордыхъ Паркъ, Гекату непреклонну.
Кровавы жертвы ужъ трепещутъ на кострахъ,
И въ мигъ ихъ молнія преобращаетъ въ прахъ!
Тяжелые пары свѣтъ солнца затмѣваютъ,
Боязненно свой бѣгъ планеты прерываютъ,
Рѣка со ужасомъ къ вершинамъ вспять бѣжитъ,
И самъ Плутонъ въ своихъ убѣжищахъ дрожитъ.

Гласъ ея страшный
Двигнулъ весь адъ;
Громы ужасны
Глухо гремятъ,
Облаки мрачны

Ясный день тмятъ.
Земля трепещетъ
Страхомъ полна,
Яростно плещетъ
Бурна волна;
Съ ужасомъ мещетъ
Взоръ свой луна.
И тѣни адскія, внявъ яры заклинанья,
Изъ бездны сумрака, блѣднѣя, поднялись;
Ихъ протяженныя, унылы завыванья,
Далеко въ воздухѣ со стономъ раздались —
И вѣтры съ наглостью заклепы горъ прорвали
И съ плачемъ трепетнымъ и страшнымъ тѣмъ смѣшали
Свой шумъ, и ревъ, и вой, и свистъ!
Усилья тщетныя—любовница несчастна!
Ты надъ всесильною любовію невластна!
Хоть землю можешь потрясти,
И адъ въ смятенье привести,
Того не сдѣлаешь ты яростью ужасной,
Чего твой взоръ прекрасной
Не могъ произвести.
Такъ, независимъ купидонъ;
Свои права онъ защищаетъ;
Не терпитъ принужденья онъ,
По волѣ смертныхъ надѣляетъ:

Предписывая всѣмъ законъ,
Законовъ самъ ничьихъ не знаетъ —
Гдѣ тронъ стоялъ зимы сѣдой,
Туда Зефировъ легкій рой
Съ прекрасной Флорой возвратится,
Эолу Алкіонъ *) отдастъ
Свою надъ моремъ кратку власть,
И паки ею насладится,
А отлетѣвшую любовь
Къ себѣ ты не залучишь вновь.

КАНТЪ, cantus, такъ назывались въ древности Гимны или пѣсни, воспѣваемыя въ честь и во славу Бога. — Пѣснь или *Кантъ* Моисея по переходѣ Чермнаго моря почитается между всѣми, написанными на Еврейскомъ языкѣ, самымъ превосходнѣйшимъ твореніемъ.

КАТАЛЕКТИЧЕСКІЙ см. *Иперкаталектическій*. — Слово сіе происходитъ отъ

*) Алкіонъ, птица, ищетъ любовника своего Цеикса на водахъ. Когда она вьетъ гнѣздо и высиживаетъ птенцовъ, тогда вѣтры изъ почтенія къ любви ея, удерживаютъ свое дыханіе, и море утихаетъ.—См. *Мифологію*.

κατὰ противъ и λέγω оканчиваю, т. е. конченный противъ правилъ.

КАТАХРИЗИСЪ. Въ Риторикѣ, тропъ рѣченій: есть перемѣна одного слова на другое, которое имѣетъ близкое къ нему знаменованіе—что дѣлается или для напряженія, или для послабленія какого нибудь дѣйствія, или свойства; на пр. бѣжать вмѣсто идти, бранить вм. выговаривать, лукавъ вм. хитръ, скупъ вм. бережливъ, и на оборотъ.

Слово сіе взято съ Греческаго: κατάχρησις значитъ злоупотребленіе, abusus, ибо изъ слова дѣлается употребленіе противное тому смыслу, въ какомъ оно обыкновенно полагается.

КЕНИЗМЪ. κοινησμὸς, отъ κοινὸς, общій. —Кенизмомъ называлась у Грековъ погрѣшность въ слогѣ, состоящая въ томъ, когда одно сочиненіе заключало въ себѣ различныя нарѣчія, Аттическое, Еолическое, Іоническое и Дорическое.

„У насъ впадаютъ, говоритъ Квинтиліанъ, (Instit, orat. VIII. 3.) въ подобный порокъ, когда безъ различія употребляютъ высокія и низкія выраженія, или слова

старинныя вмѣстѣ съ новыми, ибо изъ того выходитъ чудовище, подобное описанному Гораціемъ въ началѣ первой книги науки о стихотворствѣ.„ — Подобный порокъ бываетъ и у Россійскихъ писателей, когда они безъ разбора употребляютъ слова Славянскія и чистыя Русскія, простонародныя и высокія и пр.

КЕНОТАФІЯ. Родъ Епитафіи.—См. сіе слово.—Разность ея отъ послѣдней состоитъ въ томъ, что она пишется для отдаленно-умершихъ, или, какъ должно предполагать, вырѣзывается на памятникахъ въ честь ихъ воздвигаемыхъ, или на гробницахъ пустыхъ, то есть, не содержащихъ въ себѣ тѣла покойника, но поставленныхъ только для воспоминанія.

КОМЕДІЯ. — Комедія есть предложенное въ дѣйствіи подражаніе нравовъ, пороковъ, обыкновеній, странностей, видимыхъ между людьми.

Отличительное свойство *Комедіи* заключается въ искуствѣ смѣшить зрителей, какъ самымъ расположеніемъ происшествій, такъ и острыми изрѣченіями; а предметъ ея состоитъ въ томъ, чтобы

показывая намъ смѣшныя странности и даже пороки другихъ людей, исправлять зрителей, подъ опасеніемъ подобнаго осмѣянія. Ridendo castigat mores. — Впрочемъ пороки тогда только принадлежатъ *Комедіи*, когда они могутъ заставить смѣяться. Стихотворецъ обязанъ сокрыть все то, что могутъ они имѣть низкаго, презрительнаго, возбуждающаго негодованіе. Въ Комедіи никогда не должны мы видѣть человѣка порочнаго въ такомъ положеніи, которое могло бы произвести въ насъ ужасъ или соучастіе. Онъ долженъ только забавлять насъ на свой счетъ, и чѣмъ болѣе доставитъ намъ такой забавы, тѣмъ болѣе мы почувствуемъ, ежели только обратимъ на себя вниманіе, что онъ заставляетъ самихъ насъ остерегаться, дабы не подвергнуться подобному осмѣянію.—

Многими средствами воспользоваться можно къ надлежащему изображенію странностей и пороковъ. Первое состоитъ въ представленіи противоположныхъ между собою странностей, противоположныхъ пороковъ; на примѣръ, вмѣстѣ съ женою высокомѣрною и самовластною мужа робкаго и глупаго, каковы *Простаковы* въ Комедіи *Недоросль*; скупова отца и сына

мота, и пр. Второе состоитъ въ противоположеніи странностей и пороковъ поступкамъ благоразумнымъ и добродѣтельнымъ; представьте Мизантропа съ человѣкомъ учтивымъ и любящимъ общество, коварнаго льстеца съ человѣкомъ добрымъ и чистосердечнымъ, и пр. Третье средство заключается въ нѣкоторомъ увеличеніи изображаемыхъ предметовъ; ибо какъ оные, такъ сказать, видимы бываютъ на театрѣ въ отдаленіи, то и должно показать ихъ въ чертахъ разительнѣйшихъ, дабы они оставили по себѣ впечатлѣніе продолжительное.

Въ *Комедіяхъ*, также какъ и въ другихъ Драматическихъ сочиненіяхъ, надлежитъ наблюдать расположеніе и цѣль, *единство* дѣйствія или происшествія, единство времени и единство мѣста, *узелъ* и *развязку*. Комедія раздѣляется также на *акты*, то есть, отдѣленія или дѣйствія, а сіи на *сцены* или явленія.—См. *Драма*.—

Достоинство Комедій состоитъ наиболѣе или въ *узлѣ*, или въ *характерахъ*. Первый родъ содержитъ непрерывную цѣпь приключеній, умножающихъ вниманіе зрителя до самой *развязки*.—(См. сіе слово въ *Драмѣ*.) Но какъ въ такихъ Комедіяхъ

нравы и характеры описываются только поверхностно, то онѣ по сей причинѣ служатъ болѣе къ увеселенію, нежели къ исправленію сердца. Во второмъ родѣ представляется одинъ господствующій или главный характеръ, который составляетъ цѣль Комедіи. Къ сему характеру можетъ стихотворецъ присовокупить другіе характеры *низшіе*, не обременяя дѣйствія излишними приключеніями, что и показалъ Мольеръ въ своемъ *Мизантропѣ*, гдѣ изображены также характеры кокетки, женщины злословной и вертопраха. Бываютъ еще Комедіи *многохарактерныя*, то есть, составленныя изъ многихъ характеровъ одинакой силы, такъ что ни одного изъ нихъ не можно почесть *главнымъ*; таковы у Мольера въ *Школѣ мужей* характеры Изабеллы, Сганареля, Ариста и Леонора, въ *Школѣ женъ* Агнесы и Арнольфа. Требуется однакожъ, чтобы и въ сихъ Комедіяхъ *одно* или *два* лица имѣли нѣкоторое превосходство предъ прочими; другія, хотя и равныя съ ними, должны имѣть характеры противоположные. Въ тѣхъ же Комедіяхъ, гдѣ есть господствующій или главный характеръ, должно стараться, чтобы участіе зрителей обраща-

лось наиболѣе къ нему одному, чтобъ онъ былъ единственною причиною и *завязки* и *развязки*.

Въ характерныхъ Комедіяхъ описываются нравы и обычаи или *общіе* или *частные*. Сочиненіе, основанное на нравахъ общихъ, должно нравиться повсюду и всегда. Плавтова Комедія *Скупецъ*, около двухъ тысячъ лѣтъ уже написанная, по нынѣ нравится и будетъ пріятна позднѣйшимъ потомкамъ. Комедіи же, въ которыхъ описываются нравы *частные*, не могутъ доставлять такого продолжительнаго удовольствія: и сверхъ того онѣ имѣютъ успѣхъ въ одной своей родинѣ. Мы читаемъ съ большою пріятностію *Андріенну* и другія Комедіи Теренція потому только, что онѣ хорошо написаны, и хорошо расположены; но онѣ не могутъ быть для насъ занимательны, ибо мы видимъ въ нихъ единственно изображеніе тогдашнихъ Римскихъ нравовъ, совершенно отличныхъ отъ нынѣшнихъ.

„Всякая піэса комическая, говоритъ Мерзляковъ въ разборѣ оперы *Мѣльникъ*, тѣмъ постояннѣе, продолжительнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ слабость, порокъ или предразсудовъ въ ней осмѣиваемый, менѣе част-

ной и временной, но болѣе всеобщій и господствующій. Частныя и временныя слабости и пороки скоро изчезаютъ и замѣняются другими въ обществѣ; какъ скоро оригиналы пропали, тогда теряютъ занимательность ихъ копіи или подражанія. *Скотинины* и *Простаковы* повывелись —и мы, плѣняясь остроуміемъ фонъ Визина, давно уже находимъ натяжку и слишкомъ яркіе цвѣты въ его изображеніяхъ. При томъ сіи изображенія стали ниже насъ: онѣ оскорбляютъ самолюбіе отечественное, напоминая, каковыми были, и каковы изъ насъ, можетъ быть, къ сожалѣнію, еще есть нѣкоторые. Удовольствіе слабѣетъ: мы хладѣемъ къ піесѣ, при всѣхъ ея достоинствахъ. И такъ содержаніемъ Комедіи должно быть смѣшное, пріятное или забавное, которое не унижало бы нашей природы, или нашего о себѣ мнѣнія и льстило бы самолюбію нашему пріятнымъ времяпрепровожденіемъ на счетъ другаго„

Автору Комедіи болѣе всего надлежитъ сохранять правдоподобіе и стараться, чтобы дѣйствующія лица, какъ въ поступкахъ своихъ, такъ и въ рѣчахъ, казались *натуральными*, ибо онъ имѣетъ не-

премѣнною обязанностію заставить зрителя забыться, что находится въ театрѣ, заставить думать, что видитъ не произведеніе искуства, а дѣйствительное происшествіе.

Комедія требуетъ также, чтобы все было въ ней привлекательно. — Хотя не возможно предполагать равной живости и равной красоты въ продолженіи всего сочиненія, ибо необходимо должны быть сцены, не могущія плѣнять наравнѣ съ другими: однакожъ надобно стараться, чтобы и сіи слабѣйшія части, каждая по мѣрѣ своей, привлекали и возбуждали вниманіе зрителей.

Въ Комедіяхъ прекраснѣйшее дѣйствіе производитъ *внезапность.* Она состоитъ въ такомъ приключеніи, котораго зритель не могъ ни ожидать, ни предвидѣть; но надлежитъ наблюдать, чтобы такой *переломъ* или *переворотъ* дѣйствія былъ правдоподобенъ, натураленъ, и происходилъ изъ самой завязки.

Слогъ Комедіи долженъ быть простъ, легокъ. Уподобляясь обыкновенному разговору, онъ требуетъ также избранныхъ выраженій, но отнюдь не принужденныхъ, не выисканныхъ, и не терпитъ какъ словъ

высокопарныхъ, такъ обветшалыхъ и площадныхъ. Мысли должны быть ясны, натуральны, основаны на истинѣ и правдоподобіи. Комическій поэтъ обязанъ говорить языкомъ всѣхъ состояній, то есть такимъ, который бы понятенъ былъ какъ человѣку придворному, такъ и провинціалу, ученому и невѣждѣ. Впрочемъ надобно замѣтить, что въ Комедіи, также какъ и въ другихъ произведеніяхъ піитическихъ, слогъ можетъ измѣняться, сообразно званію говорящаго лица и положенію, въ какомъ находится оно: по сему Комедія можетъ имѣть въ нѣкоторыхъ случаяхъ слогъ возвышенный, даже равный величественной Трагедіи и Епопеѣ; въ иныхъ же случаяхъ самый простый, и, какъ сказано выше, подобный обыкновенному разговору.

Слѣдующіе отрывки изъ разныхъ комическихъ произведеній могутъ объяснить всѣ предложенныя здѣсь правила какъ вразсужденіи слога, такъ и въ изображеніи характеровъ:

1. *Хвастунъ*, Комедія—соч. *Княжнина.*

Дѣйст: II. явл. 3.

Чванкина, *Милена*, дочь ея, *Марина*,

служанка, *Полистъ* слуга *Верхолета*, называющійся его Секретаремъ.

Чванкина.

А! Господинъ Полистъ! ужъ вы забыли насъ!

Полистъ.

Никакъ, Сударыня! лишь только сей же часъ
У Графа рѣчь была о всячинѣ со мною.
Я—и объ васъ ему напомнилъ; онъ душою
На вашей дочери сей день жениться радъ.
Хоть это для него, по правдѣ, и не кладъ,
Но дѣлать счастье онъ другимъ всегда желаетъ;
При томъ же любитъ васъ и очень почитаетъ.
Уже объ этомъ онъ увѣдомилъ и Дворъ.

Чванкина съ радостію.

И дворъ увѣдомилъ! какъ въ милостяхъ онъ скоръ!
Такъ знаютъ во дворцѣ о насъ?

Полистъ.

Не только знаютъ,
Но и по комнатѣ о васъ лишь разсуждаютъ.

Чванкина съ радостію.

Ужъ и по комнатѣ!—Смотри, какая честь!

Полистъ.

И имя ваше тамъ не смѣютъ произнесть
Иначе, какъ всегда съ учтивостью, съ почтеньемъ.

Чванкина.

Съ почтеньемъ! — Спрячься дочь съ любовнымъ ты мученьемъ,
И надобно тебѣ изчезнуть отъ стыда.

Полистъ.

Того я и смотрю, что кучею сюда
Наѣдутъ наши всѣ придворны кавалеры;
И я, повѣрьте мнѣ, сударыня, той вѣры,
Что свадьбѣ надобно сегодни точно быть.
Вы это знаете: Дворомъ не льзя шутить.

Чванкина.

Такое мнѣ родство прелестно и священно;
И свадьбу кончимъ мы сегодни непремѣнно.

Милена.

Да какъ же?

Чванкина.

Перестань.

Милена.

Ахъ, матушка!

Чванкина.

—Не ври,

Замолкни—

Милена.

Я умру—

Чванкина.

Пожалуй ты умри,

Да только умирай Графиней—

Милена отходя.

Нѣтъ надежды!

Явленіе 4.

Тѣ же, исключая Милену, и *Верхолетъ*. Передъ нимъ выходитъ толпа лакеевъ, скороходовъ, гайдуковъ; онъ держитъ пукъ бумагъ, и притворясь, что никого не видитъ, говоритъ самъ съ собою громко:

Несносные невѣжды!—

Просители!—Они прохода не даютъ!

Какъ будто лишь для нихъ всѣ знатные живутъ;

Да еслибъ были хошь ихъ прозьбы справедливы!...
Безъ основанія докучливы, брюзгливы!
Ихъ всѣ желанія лишь только вздоръ одинъ....

Полистъ къ Чванкиной.

Смотрите, знатной какъ страдаетъ господинъ!

Марина.

За що какая жъ честь ему!

Чванкина.

Какая слава!

Верхолетъ не примѣчая никого, развертываетъ одну изъ бумагъ.

Вотъ-на еще какой! онъ мастеръ танцоватъ,
За що въ судьи; нѣтъ другъ, тутъ надо разсуждать
И дѣло головой вертѣть, а не ногами.

Развертываетъ другую бумагу.

А этотъ что поетъ? — „я разными стихами
Лѣтъ сорокъ всѣмъ служу; вельможъ я тѣшу, Дворъ;
Я старѣ всѣхъ теперь въ Россіи стихотворъ,
А старшинство мое другіе отнимаютъ,
И болѣе меня ужъ нравиться дерзаютъ!

Не льзя ли, Государь, мнѣ выходишь указъ,
Чтобъ мнѣ лишь одному принадлежалъ Парнасъ.,,
Ну, вошъ желаніе достойное поэта!

Развертываетъ еще бумагу.

Посмотримъ это что? — ,,изъ странъ далекихъ свѣта
Я дарованія мои принесъ пѣшкомъ.
Когда позволите, я къ вамъ приду съ мѣшкомъ,
Въ которомъ кроюшся проэктовъ важныхъ силы;
Для Государства всѣ они злашыя жилы;
Лишь только надо мнѣ впередъ сто тысячъ дать.,, —
Всѣ можно ль глупосши людей перечитать!
Гей! Господинъ Полистъ! гдѣ вы?

Полистъ.

Что Графъ прикажетъ?

Верхолетъ.

Любезный Секретарь меня весьма обяжетъ:
Все это разсмотрѣвъ, доложитъ послѣ мнѣ.

Полистъ указываетъ на Чванкину.

Оборотитесь вы къ этой сторонѣ.... *и пр.*

2. *Чудаки.* Ком. соч. *Княжнина.*

Дѣйст. I. явл. 1.

Лентягинъ недоодѣтый, въ креслахъ, и *Пролазъ*, наятый слуга.

Пролазъ.

Позволено ль слугѣ открытно разсуждать?
Сегодни въ службу къ вамъ, сударь, опредѣляся
И въ первый разъ я честь имѣя одѣвать,
Не смѣю......

Лентягинъ.

Говори, ни мало не бояся!
Я искренность люблю. Я чудный Господинъ,
Я странный человѣкъ, такъ свѣтъ о мнѣ болтаетъ;
Но Философія тѣ враки презираетъ.
Кажуся страннымъ я за то, что я одинъ
Таковъ, какъ должно быть. Скажи, кому мѣшаю,
Что я по дудочкѣ всемірной не пляшу?

Пролазъ.

За это васъ, сударь, я болѣ почитаю;
Но, баринъ.....

Лентягинъ.

Говори открытно, я прошу.

Пролазъ.

Извольте, все скажу, что на сердцѣ имѣю.
Вы согласитеся: у всякаго вѣдь есть
Своя—у бариналь, Царя ль, слуги ли—честь;
Однакожъ таки честь.

Лентягинъ.

Я это разумѣю,
И знаю, что не родъ приноситъ честь съ собой.

Пролазъ.

Вотъ точно я таковъ: униженъ хоть судьбой,
Но духомъ я высокъ.—Я не могу измѣрить
Какъ выше я другихъ, аршиномъ ли, двумя ль;
Да только честь люблю и въ томъ могу увѣрить.
Охъ, горько мнѣ, сударь! охъ, горько!

Лентягинъ.

Ужъ не я ль
Разгнѣвалъ чѣмъ тебя? не я ли досаждаю?

Пролазъ.

Такъ, вы, сударь. Я васъ впервые одѣваю;
Отъ девяти часовъ ударитъ скоро часъ,
А вы еще, а вы и вполы не одѣты!
Вотъ это честь мою и колетъ прямо въ глазъ.

Вы знаете, сударь, дурныхъ людей навѣты;
Злорѣчье скажетъ такъ: не баринъ виноватъ,
Слуга его одинъ и глупъ и не проворенъ.

Лентягинъ.

Весь свѣтъ лишь глупостью и злобою богатъ!
И въ платьѣ видно то, сколь свѣтъ сей золъ
и чоренъ.
Чтобы терзать меня и всѣхъ честныхъ людей,
Онъ бездну выдумалъ и петель и завязокъ,
И пуговицъ пустыхъ и пряжекъ и подвязокъ.—
На что? на то, чтобы, подобно какъ злодѣй,
День каждый мучася сжимался и давился,
И какъ невольникъ бы въ оковахъ я томился!
И думать нѣкогда! не бѣдныль мы, скажи?
Что свяжешь поутру, то къ ночи развяжи!
И вотъ у всѣхъ у насъ главнѣйше упражненье!

Пролазъ.

Все правда, но тому возможно бы помочь
И сократить, скорѣй одѣвшися, мученье.
Ужъ ровно пять часовъ не отхожу я прочь—
Въ такое время бы одѣлась и кокетка.

Лентягинъ.

Садись (*Пролазъ оглядывается*) садись, сударь,
я говорю тебѣ.

Пролазъ.

Какъ, мнѣ, сударь?

Лентягинъ.

Да, да.

Пролазъ.

Иль то отъ васъ навѣшка,
Что смѣло говорить я волю далъ себѣ?
Я замолчу, сударь.

Лентягинъ.

Ты думаешь пустое,
Мой другъ! я не сержусь.—Садись, и будь въ
покоѣ.

Пролазъ.

Да я вѣдь вашъ слуга.

Лентягинъ.

Такъ что жъ?

Пролазъ.

Гдѣ ни служилъ,
У мѣлкихъ, у Господъ, у всякаго народа,
При барахъ завсегда я стоя только жилъ
И думалъ, Господа совсѣмъ отмѣнна рода

Лентягинъ.

Кто честный человѣкъ, тотъ равенъ мнѣ во
всемъ.

Пролазъ.

Давно вертѣлось то, сударь, въ умѣ моемъ.
Я радъ, что разумъ вашъ съ моимъ сошелся
близко!
Чтобы слуга сидѣлъ, почто для баръ то низко?
И такъ, коль честному даете право сѣсть,
Безъ угрызенія моя садится честь.

Садится подлѣ Лентягина.

Лентягинъ.

Вотъ это я люблю. Простое обхожденье
И поступь дружеска милѣе мнѣ всего.
Какъ въ платьѣ, такъ во всемъ на свѣтѣ
принужденье,
А этого и нѣтъ несноснѣй ничего.
Пріемы вѣжливы, учтивые изгибы,
Коварства гнуснаго одинъ лишь только лакъ;
То сѣти грубыя для самой глупой рыбы,
Чему не вѣритъ, кто хоть мало не дуракъ.
Не правда ли, мой другъ, не правдаль?

Пролазъ протягиваясь на креслахъ.

Точно такъ.

Лентягинъ.

Не правъ ли я, когда со всѣми поступаю
Иначе отъ другихъ? (*надѣваетъ на себя колпакъ.*)
Надѣнь и ты колпакъ.

Пролазъ надѣваетъ.

Не льзя правѣе быть, я въ этомъ увѣряю.
То правда, что для всѣхъ покажется смѣшно...
Но что людей смѣшитъ, не все вѣдь то грѣшно.
Насмѣшки ихъ, сударь, считаю за пустое.
Пусть всѣ себѣ стоятъ, сидѣть мы будемъ двое.

....

Лентягинъ.

Ты видишь то, мой другъ, всѣ люди каковы;
Для насъ съ тобою—ихъ поступки не примѣры.

Пролазъ.

Изъ собственной все брать намъ должно головы;
Одни лишь люди мы, другіе лицемѣры,
Мы лучше всѣхъ.

Лентягинъ.

Еще одинъ лишь договоръ

Хочу, любезный другъ, я заключить съ тобою:
Не умножай меня ты говоря со мною,
Разсудку здравому не говори въ упоръ
Вы вмѣсто *ты*. О томъ пусть гордость лишь
хлопочетъ,
Котора въ пышности не стоя *одного*
На свѣтѣ *многими въ одномъ* казаться хочетъ.
Всѣ эти *вы* и *васъ* не значатъ ничего,
Когда *одинъ* ничто.

Пролазъ.

Всегда я думалъ то же *и пр.*

3. *Воздушные Замки*; соч. *Хмельницкаго.*

Аглаева.

.

. Мы время здѣсь теряемъ.
Пойдемте лучше въ садъ; я напою васъ чаемъ,
И это вѣрно насъ съ пріятностью займетъ.

Альнаскаровъ.

Ахъ, съ радостью!—но мнѣ позвольте напередъ
Здѣсь моему слугѣ отдать лишь приказанья.

Аглаева.

А я васъ жду.—Теперь прощайте, до свиданья.
(*Въ сторону*)
Я влюблена! —

Явленіе 9.

Альнаскаровъ одинъ.

И такъ все случай довершилъ;
Каковъ же я? пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа, кружитъ какъ головы имъ должно.
Но этимъ вздоромъ мнѣ прельщаться не возможно.
Судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему нибудь чудесному рожденъ!
Не помню гдѣ читалъ я анекдотъ прекрасной:
Что кто-то изъ морскихъ въ часъ бури пре-ужасной
Присталъ къ землѣ, дотоль незнаемой никѣмъ.
Онъ поселился тамъ, и кончилося тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою.

Викторъ входитъ и подслушиваетъ.
Альнаскаровъ продолжаетъ.

Онъ мудро управлялъ—и въ честь ему потомъ
Народа общій гласъ избралъ его Царемъ!
Что если бъ? — почемужъ! на счастье нѣтъ закона;
Да чѣмъ же, Боже мой! я хуже Робинзона?

И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ сдѣлавшись Царемъ.... построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами,
Устрою гавани, наполню ихъ судами —
И тутъ-то я до васъ, Алжирцы, доберусь!
Смиритеся!—не то.... пойду, вооружусь,
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой—лечу съ трофеями въ столицу—
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой.
Иду.... проходу нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
Да здравствуетъ нашъ Царь! да здравствуетъ великій!.....

Викторъ.

Монархъ!

Альнаскаровъ (въ жару мечтанья.)

Что хочешь ты?....надѣйся и вѣщай!

Викторъ.

Великій Государь! васъ просятъ—кушать чай.

и проч.

Явленіе 10.

Викторъ одинъ.

. Ну—баринъ мой проказитъ не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться—бездѣлица—Царемъ!
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда бъ не грѣхъ Царя просить мнѣ о
прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ?—но что ни говори,
А вѣрно не прыгнетъ изъ мичмановъ въ Цари.
Какъ въ голову войдетъ дурачество такое?
Вотъ я такъ напримѣръ, оно совсѣмъ другое:
Я лотерейной взялъ дорогою билетъ,
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ Газетъ,
Что скоро разыграть хотятъ часы съ лихими
Курантами, ну такъ, что не растался бъ съ
ними!
Рискнулъ—и за билетъ внесъ кровныхъ пять
рублей.
Въ сто тысячъ выигрышъ? да кто жъ себѣ
злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ твоей все это волѣ:
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ ты пошли его слугѣ!
А подлинно бъ, онѣ пришли мнѣ по рукѣ.

Что еслибъ мнѣ. хоть часть досталася
на долю. . . .
Что сдѣлаю. . . . тотчасъ я выкуплюсь на волю—
Тутъ въ службу, выслужусь и черезъ годъ
какъ разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнад-
цатый классъ!
О честолюбіе! оставь меня въ покоѣ—
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ
ты пустое.
Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ бары-
шомъ.—
Такъ, лучше. . . . рѣшено—я дѣлаюсь купцомъ,
Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ городскую Думу.
Тутъ я благословясь пущусь тотчасъ въ торги. . .
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги—
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйной,
Сперва въ полку, а тамъ пожалуй на Литейной!
Обзаведусь и самъ женюся наконецъ.
И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ вокругъ меня цыпляточки—малютки. . .
Я буду говорить имъ сказки, прибаутки,
И въ счастьи проживу конечно до ста лѣтъ!

Однакожъ посмотрѣтъ, здоровъ ли мой би-
летъ? *)

Шаритъ въ карманахъ.

Гдѣжь онъ? — кой чортъ! не то все въ руки
попадаетъ—

Билетъ! билетъ! — меня по кожѣ подираетъ!

Ахъ, Боже мой! и проч.

4. Разные отрывки, содержащіе портреты и описанія.

Изъ Комедіи К. Шаховскаго *Своя семья или Замужняя невѣста.*

Я знаю этихъ баръ, у всѣхъ одно и тоже;
Имъ нашего добра чужая грязь дороже.
Мадамамъ да мусьямъ за дрянь, за всякой
вздоръ,
Родныя денежки бросаютъ такъ какъ соръ.
Когда же въ городѣ порядкомъ проживутся,
И экономничать въ деревню уберутся,
То, Боже упаси! какой подымутъ шумъ!
У деревеньщины послѣдній выбьютъ умъ.
А года черезъ два, отъ барскаго пріѣзда,
Сосѣди барскіе изъ цѣлаго уѣзда

*) См. въ статьѣ *Драма о Монологѣ*.

Въ Ломбардъ свидѣтельства и плачутъ, да везутъ.
Охъ! наглядѣлась я, какую жизнь ведутъ
Воспитанницы ихъ Сіятельствъ. Нѣтъ! Богъ съ нею,
Не будетъ модница племянницей моею.....

Д. I. явл. 1.

Ахъ! домъ большихъ господъ — училище терпѣнья!
Вы въ маломъ видѣ тамъ найдете цѣлый свѣтъ:
Интригъ и происковъ.... чего въ немъ только нѣтъ!
Въ немъ крадутъ, грабятъ всѣ, крича на безпорядки;
И даже карлица беретъ съ дворецкихъ взятки.

— явлен. 5.

Покамѣстъ молода, такъ надо веселиться.
А ныньчежъ все не то, что было въ старину;
Хоть, правда, мужъ у насъ держалъ въ рукахъ жену
И часомъ припугнетъ, а были мы счастливы;
Теперь же нѣжатъ женъ, а всѣ онѣ чуть живы:
Точь въ точь усопшія! Богъ знаетъ отъ чего,
А нѣтъ веселаго лица ни одного, —

И тѣмъ, мой свѣтъ, онѣ тосклинвѣй, чѣмъ
моложе....

Д. 3. явл. 6.

Тажъ мода и въ Москвѣ—я тамъ зимой была
У мужниной родни—съ ума было сошла!
Трехъ дочекъ ужъ невѣстъ нашла я у золовки:
Большія модницы и страшныя мотовки;
Да этобъ не бѣда—кто молодъ не бывалъ?
Ну пусть бы ѣздили хоть всякой день на балъ,
И сколько ихъ душѣ угодно, веселились;
Анъ нѣтъ, совсѣмъ не то: онѣ перекрестились
Въ такія имена, что въ святцахъ нѣтъ у насъ:
Перетой, помнится, Параша назвалась;
Фаншетой Фенюшка; а старшую, Богъ съ нею,
Такъ назвали, что я и вымолвить не смѣю.
Въ двѣнадцатомъ часу онѣ изволятъ встать
И тотчасъ за перо, давай къ друзьямъ писать,
И разсылать людей въ трескучіе морозы:
Имъ это весело, а бѣднымъ людямъ слезы...
Эхъ, что я, весело? тоска веселье ихъ!
Сберутся къ вечеру, разложатъ кучу книгъ,
Всѣ сядутъ вкругъ стола: тутъ наши зачитаютъ;
А гости бѣдные безъ отдыха вздыхаютъ
Вплоть до заутрени. Золовушка жъ моя,

Которая ничуть неграмотнѣй меня,
Назавтра всѣмъ кричитъ: вчера у насъ читали,
И вечеръ такъ прошелъ, что мы и не видали.
И диво ль, что она увидѣть не могла?
Съ начала до конца, подъ чтенье, все спала.
Нѣтъ, матушка, нетакъ мы съ молоду живали:
Не знали моды мы крушиться безъ печали.
Въ Москву всегда ѣзжалъ отецъ мой по зимамъ,
И люди добрые не урѣжали къ намъ;
А пуще весело мы проводили святки:
Сберутся дѣвушки—шутъ пѣсни и загадки,
И фанты и жгуты, поднимемъ пыль столбомъ,
Такая бѣготня, что задрожитъ весь домъ....

тамъ же.

Изъ Комедіи того же автора *Урокъ Кокеткамъ*, или *Липецкія воды.*

Графиня Лелева говоритъ своимъ обожателямъ;

Я признаюся вамъ, что Липецкъ рай земной!
Любезность жителей и прелести природы
Мнѣ здѣсь полезнѣе, чѣмъ всѣ на свѣтѣ воды.
Нѣтъ! я вообразить безъ грусти не могу,
Что должно въ Петербургъ мнѣ будетъ возвратиться,
И важной знатности въ блистательномъ кругу

О Липецкѣ вздыхать и скукою томиться.
И что найду я тамъ? несносной этикетъ,
Обѣды званые и праздники нарядны,
Гдѣ съ скукой по поламъ кружится въ вальсахъ свѣтъ;
И ахъ! концерты тѣ, гдѣ голоса нескладны
И пальцы вялые хозяйскихъ дочерей
Безъ милосердія терзаютъ слухъ гостей;
Театры душные, въ которыхъ, для уморы
Несчастныхъ зрителей, злодѣи аматеры
Пищатъ, коверкаютъ Французскіе стихи.
А если попадусь я за мои грѣхи
Въ собранье важныхъ дамъ, на тетушку похожихъ,
Которыя отъ лѣтъ ударясь въ ханжество,
Въ разсказахъ не щадя ни дружбу, ни родство,
Бранятъ безъ милости проѣзжихъ и прохожихъ —
Тогда пропала я!—что можетъ быть скучнѣй
Злословья, клеветы и сплетней и вѣстей,
Которыхъ никогда такъ много не бывало,
Какъ нынче? если же и этаго все мало,
Чтобъ насъ морить тоской, политика сама
Въ минуту явится съ лганьемъ и новостями,
Засядетъ вкругъ стола, и громкими словами

Начнетъ витiйствовать безъ толку, безъ ума;
И споры тѣмъ рѣшитъ, что съ болью головною
Прiѣдутъ всѣ домой. Вотъ жизнiю какою
Мнѣ должно мучиться; а здѣсь, а съ вами я
Привыкла къ счастiю.—Ахъ! я цѣнить умѣю
Таланты, вкусъ и умъ!.....

Д. 3. явл. 5.

Слѣдующiй отрывокъ заслуживаетъ вниманiе наиболѣе по заключающемуся въ немъ *Астеизму*. (См. сiе слово).—Графиня такъ описываетъ Пронскому двоюродную сестру свою Олиньку:

— Я вашъ вкусъ
Хвалю и отдаю охотно справедливость
Прекрасной Олинькѣ, въ которой и сама
Безъ памяти люблю и скромность и стыдливость,
И сердца тишину, и власть надъ нимъ ума.
Я даже вамъ скажу, хотя признаться стыдно,
Мнѣ хладнокровiе ея всегда завидно.

Саша въ сторону.

Что дальше?

Графиня.

Ни къ чему въ ней лишней страсти нѣтъ.

Какое счастіе! въ ней все уму послушно:
На всѣхъ людей она такъ смотритъ равно-
душно,
Что панорамою ей кажется весь свѣтъ.
Ахъ! еслибъ у нее могла я научиться:
Но нѣтъ, я чувствую, что не возможно мнѣ,
И надо, какъ она, такъ счастливо родиться,
Чтобъ сердце быть могло всегда въ спокой-
номъ снѣ.

Д. 3. явл. 8.

5. Изъ Комедіи *Мизантропъ*. Соч. Мольера, переводъ Кокошкина.

Дѣйст. III. явл. 7.

Крупонъ и Княжна.

Княжна (по выходѣ Прелестиной)

Хоть не довольна мной отсель она пошла,
Но услужить, сударь, мнѣ лучше не могла,
Какъ случай мнѣ подавъ, бесѣдой насладиться
Того, знакомствомъ чьимъ всякъ долженъ здѣсь
гордиться.
Любить и почитать достоинства нашъ долгъ:
Вы не повѣрите, — свидѣтель въ томъ мнѣ
Богъ,—

Сколь много, сударь, васъ люблю и почитаю;
И истинно, никакъ того не понимаю,
Какъ справедливости вамъ всей не отдаютъ,
И ко Двору до сихъ васъ поръ не позовутъ?
Не только вамъ, сударь, мнѣ, мнѣ за васъ обидно,
Что васъ въ большихъ чинахъ досель еще не видно.

Крутонъ.

Меня, сударыня?—хотя бъ того желалъ—
Что я за важныя услуги оказалъ?
Скажите: сдѣлалъ что я важнаго на свѣтѣ,
Чтобъ отъ Двора имѣть награды мнѣ въ предметѣ?

Княжна.

И! и! сударь! не всѣ, которые въ чинахъ,
Служили съ славою; вѣдь въ нашихъ то глазахъ,
Что случай надобенъ и сильной благодѣтель!—
А если же, сударь, нужна и добродѣтель
Къ тому, чтобъ быть въ чинахъ и ленты заслужить,
Такъ кто же васъ того достойнѣй можетъ быть?
Вашъ умъ, достоинства и знаніе такое....

Крутонъ.

Оставьте вы мои достоинства въ покоѣ! —
Досугъ ли у Двора, среди заботы всей,
Искать.... выкапывать достоинства людей?

Княжна.

Отличное вездѣ достоинство извѣстно;
О васъ же говорятъ съ почтеньемъ повсе-
мѣстно;
И двое изъ господъ случайныхъ у Двора,
Повѣрьте, цѣлой часъ хвалили васъ вчера.

Крутонъ.

О! нынѣ хвалятъ всѣхъ, и все на свѣтѣ славятъ;
Да такъ, что похвалой худыхъ и добрыхъ
давятъ;
А въ восхищеніе приходятъ отъ всего!—
За то въ нашъ вѣкъ хвала не значитъ ничего.
Все славятъ здѣсь въ стихахъ и въ прозѣ,
въ мадригалахъ;—
И даже кучеръ мой поставленъ здѣсь въ жур-
налахъ.

Княжна.

Желалабъ, признаюсь, для вашего добра,
Чтобъ вамъ понравилось здѣсь мѣсто у Двора.

Извольте въ вашемъ лишь желаньи изъясниться,
А дѣломъ повернуть могу, сударь, я льститься.
Имѣю я друзей изъ первыхъ здѣсь господъ,
Которые къ Двору тотчасъ дадутъ вамъ ходъ.

Крутонъ.

Да что я у Двора, скажите, дѣлать стану?
Божусь вамъ! не рожденъ къ придворному я сану:
Тамъ все, все не по мнѣ; — быть можетъ, я не правъ,
Но видно небеса такой мнѣ дали нравъ.
Не только при Дворѣ не льзя мнѣ ждать успѣха;
Я вѣрно буду тамъ предметомъ жалкимъ смѣха.
Быть искреннимъ, вотъ даръ одинъ души моей!--
Не мастеръ лестью я обманывать людей;
А мыслей сокрывать кто не имѣетъ дара,
Тотъ долженъ отъ Двора бѣжать, какъ отъ пожара.
Я знаю: службою придворною въ нашъ вѣкъ
И знатенъ, и великъ быть можетъ человѣкъ;
Но въ скромной долѣ кто не ищетъ возвышенья,
По крайней мѣрѣ тотъ избавленъ униженья.
Играть роль жалкую: — спѣсь глупую сносить;
Къ тому, кого не чтишь, съ поклонами ходить;

Кого любишь не льзя, къ тому скрѣпясь ласкаться,
Стихами глупыми всѣхъ Графовъ восхищаться,
Дивиться остротѣ совсѣмъ неострыхъ словъ,
И слушать плоскости разпудренныхъ головъ.
и проч.

Дѣйст. 5. Явл. 1.

Крутонъ.

Все кончено, сударь, рѣшился я, довольно.

Людмилъ.

Не спорю, что терпѣть все это крайне больно;
Но чтобъ

Крутонъ.

Ты можешь все, что хочешь, говорить;
Но дѣло рѣшено: я не могу здѣсь жить. —
Нашъ вѣкъ разврата вѣкъ! — возможноль въ немъ ужиться?
Нѣтъ! съ обществомъ людей давно пора проститься! —
Соперникъ мой не разъ въ бездѣльствахъ обличонъ;
Все противъ плута, все: честь, совѣсть, самъ законъ!

Всѣ мнѣ твердятъ: ты правъ,—онъ ссылки де
доспоинъ;
И это истина.—Я правъ, такъ я спокоенъ.—
Чтожъ вышло наконецъ? не чудоль изъ чудесъ?—
Я по законамъ правъ, и проигралъ процесъ!
Подлецъ, о чьихъ дѣлахъ разбоиничьихъ всякъ
слышалъ,
Изъ омута бездѣльствъ, и сухъ, и честенъ
вышелъ!
Предъ казнями его слабъ истины уставъ;
Онъ, грабивши меня, умѣлъ остаться правъ.
Поклоны низкіе, коварная учтивость
То сдѣлали, что въ прахъ законъ и справед-
ливость!—
Но мало этого:—чтобъ плутни увѣнчать,
Безчестно подъ арестъ меня хотѣли взять!—
Прескаредное въ свѣтъ явилось сочиненье,
Предосудительно котораго и чтенье,
И право, стоитъ быть публично сожжено:—
Плутъ выдумалъ, что мной написано оно,—
И въ этомъ всякому безбожно здѣсь божится!...
А Знатовъ поддержать его въ томъ не стыдится:
Графъ Знатовъ! при Дворѣ, на степени вель-
можъ,

Которому я тѣмъ кажусь лишь не хорошъ,
Что правду говорю; который вдругъ, нахаломъ,
Присталъ ко мнѣ съ своимъ сонетомъ, какъ
съ кинжаломъ,
И требовалъ, чтобъ я чистосердеченъ былъ;
И чтожъ? за то, что я съ нимъ честно по-
ступилъ,
Сказалъ всю истину:—Сіятельный взбѣсился,
Оклеветать меня съ злодѣемъ согласился,
Врагомъ мнѣ явнымъ сталъ и будетъ мстить
мнѣ вѣкъ!
И вотъ, сударь, каковъ на свѣтѣ человѣкъ!
Вотъ славный образецъ людей всѣхъ свойствъ
прекрасныхъ,
Ихъ правилъ честности, ихъ мнѣній безпри-
страстныхъ!
Нѣтъ вонъ, вонъ, изъ тебя, разбойничій вер-
тепъ!
Споснѣе одному глодать засохлый хлѣбъ,
Чѣмъ видѣть, варвары, какъ звѣрски вы гры-
зетесь.
Нѣтъ, тигры! нѣтъ! меня къ себѣ вы не
дождетесь.
и проч.

О разности между Комедіи и Трагедіи. Трагедія подражаетъ изящному, величественному; Комедія подражаетъ смѣшному. Одна возвышаетъ душу и образуетъ сердце, другая чиститъ нравы и исправляетъ странности. Трагедія смягчаетъ насъ посредствомъ состраданія и удерживаетъ посредствомъ страха; Комедія снимаетъ съ насъ личину и представляетъ намъ зеркало, гдѣ можемъ ясно себя видѣть. Трагедія не позволяетъ смѣяться, ибо отъ безразсудныхъ поступковъ знаменитыхъ людей происходятъ несчастія (quidquid delirant Reges, plectuntur Achivi); Комедія смѣшитъ, потому что глупости незначущихъ людей не иное что суть, какъ глупости: послѣдствія оныхъ не опасны.

Комедію такъ опредѣляютъ: дѣйствіе *вымышленное*, въ которомъ представляется смѣшное, съ намѣреніемъ оное исправить; въ дѣйствіи трагическомъ заключается по большей части *истина* — по крайней мѣрѣ имена берутся изъ исторіи, но въ Комедіи все вымышлено. Сочинитель полагаетъ основаніемъ что нибудь правдоподобное, и сего достаточно; потомъ созидаетъ по своему произволенію, творитъ дѣйствіе, лица, умножаетъ ихъ

по представляющейся надобности, называетъ какъ хочетъ, и никто не можетъ упрекать его *Батте.*

Исторія Комедіи.—Изобрѣтеніемъ драматическаго искуства мы обязаны Грекамъ. Въ самомъ младенчествѣ своемъ Комедія и Трагедія смѣшаны были вмѣстѣ: обѣ состояли только изъ хоровъ. *Фесписъ*, рожденный на островѣ Архипелажскомъ Икаріи, и жившій за 536 лѣтъ до Р. Х. первый ввелъ одно говорящее лице. Актеры его, замаранные грязью, ѣздили по селеніямъ на колесницѣ, пѣли похвалу Бахусу, смѣшили и дразнили собиравшійся вокругъ ихъ народъ. По прошествіи немалаго времени стали отдѣлять шуточное отъ важнаго: тогда Комедія и Трагедія получили особенныя основанія. Поэты современные Феспису, *Хіонидъ*, *Магнесъ*, *Формисъ*, начали вводить по нѣскольку дѣйствующихъ лицъ, подчинили произведенія свои нѣкоторымъ правиламъ и украсили оныя болѣе всего благопристойностію. Сочиненія сіи не достигли до нашихъ временъ.

(Горацій упоминаетъ о трехъ комическихъ писателяхъ: о *Евполисѣ*, *Кратиносѣ*, *Аристофанѣ*, и присовокупляетъ, что *какъ*

*

сіи, такъ и другіе упражнявшіеся въ ономъ родѣ, осмѣивали пороки и даже лица съ чрезвычайною вольностію. Изъ сего видно, что упоминаемые Гораціемъ авторы не одни были, и не первые.)

Греческую Комедію раздѣляютъ на *древнюю, среднюю* и *новую.*

Древняя, которую Горацій почитаетъ показавшеюся послѣ *Есхила*, т. е. около 82 Олимпіады, представляла извѣстныя и подъ собственнымъ ихъ именемъ лица, съ подражаніемъ ихъ странностямъ и порокамъ. Сія вольность возрасла наконецъ до такой степени, что полководцы, градоначальники, философы, ораторы, дѣлались предметомъ и жертвою сихъ безжалостныхъ сатиръ; даже самое богослуженіе много отъ нихъ терпѣло. — По введеніи Аристократическаго правленія законы возстали противу сей вольности. *Ламахъ*, Афинскій полководецъ, изданнымъ около 404 года до Р. Х. повелѣніемъ, запретилъ называть на театрѣ кого либо собственнымъ именемъ. — Съ сего начинается Комедія *средняя.* — Однакожъ стихотворцы скоро нашли средство избѣгать сего принужденія: истинныя происшествія, сходство личинъ, одежды, тѣлодвиженій, го-

лоса, означали такъ хорошо осмѣиваемыхъ людей, что называли ихъ по имени при первомъ взглядѣ.

Александръ, овладѣвъ Греціею около 335 года до Р. Х. совершенно уничтожилъ всѣ сіи соблазнительныя выдумки, запретивъ представлять истинныя происшествія, и тѣмъ изгналъ съ театра всякую личность. Тогда стихотворцы увидѣли себя принужденными изобрѣтать и предметы для своихъ Комедій и имена дѣйствующихъ лицъ, что очистило и обогатило театръ, ибо Комедія престала тогда быть Мегерою, вооруженною факелами, а сдѣлалась только изображеніемъ человѣческой жизни. Съ сего началась Комедія *новая*.

Между великимъ числомъ Греческихъ поэтовъ, отличавшихся въ *старой* или *древней* Комедіи, извѣстенъ почти одинъ Аристофанъ, родившійся на островѣ Родосѣ около 455 года до Р. Х: его только творенія до насъ достигли. Онъ упражнялся и въ *средней* Комедіи — также какъ *Евполисъ* и *Кратиносъ*.

Менандръ, родившійся въ Афинахъ около 342 лѣтъ прежде Р. Х. и прозванный *Царемъ новой Комедіи*, извѣстенъ намъ только по отрывкамъ, показывающимъ,

что Плутархъ справедливо предпочиталъ его Комедіи Аристофановымъ. Въ сихъ отрывкахъ видны изображенія живыя, точныя и благопристойныя — Сатира на пороки и странности всегда тонкая и пріятная.

Кажется, во всей Греціи одни только Афины имѣли настоящую Комедію. Неизвѣстно, до котораго времени она тамъ продолжалась. Съ прочими искуствами перешла она въ Римъ въ продолженіи (по словамъ Сульцера) 135 Олимпіады, то есть около 514 года по основаніи Рима. Ее употребляли при священныхъ празднествахъ и, по свидѣтельству Тита Ливія, почитали средствомъ къ умилостивленію боговъ. *Ludi Scenici inter alia coelestis irae placamina instituti dicuntur.* Первымъ между Римлянъ комическимъ стихотворцемъ почитается *Ливій Андроникъ*, родомъ Грекъ, начавшій свои комическія представленія въ Римѣ около 240 года до Р. Х. — *Наконисъ* и *Енній* были его современники.—Расположеніе ихъ Комедій неизвѣстно. Цицеронъ говоритъ однакожъ, что творенія *Ливія* не могли быть читаны дважды. *Livianae fabulae non satis dignae iterum legantur.* Еннію послѣдовали Цецилій и Плавтъ

(родившійся въ Сарзинѣ, что въ нынѣшнемъ Урбинскомъ Герцогствѣ около 230 лѣтъ предъ Р. Х. — первый былъ его современникъ), кои также, какъ и бывшій послѣ нихъ Терренцій (род. въ Карфагенѣ, около 193 года нашего лѣтосчисленія, отпущеникъ Римскаго Сенатора Терренція Лукана) брали свои Комедіи изъ Греческаго театра. Первые подражали Аристофану, послѣдній Менандру. Цицеронъ и Квинтиліанъ удивляются въ Терренціевыхъ сочиненіяхъ какъ чистотѣ Латинскаго языка, такъ расположенію и характерамъ лицъ. Въ царствованіе Августа прославился Комедіями стихотворецъ Афраній, но до насъ не дошло ни одного изъ его твореній; онъ только тѣмъ отличался отъ Терренція, что избиралъ для своихъ Комедій Римскія лица.

У Римлянъ имѣла Комедія разныя названія, смотря по разнымъ обстоятельствамъ, ниже сего показаннымъ:

1.) Комедіи называемыя *motoriae* были тѣ, въ которыхъ все происходило въ дѣйствіи, какъ на примѣръ въ Плавтовомъ Амфитріонѣ.

2.) Комедіи *togatae* назывались отъ того, что представлявшіе въ нихъ акторы

имѣли на себѣ *тоги*. Сіи раздѣлялись еще на *togatae tabernariae* и *atellanae*. Называемыя *togatae* занимали средину между *pretextatae* и *tabernariae*, и были противоположны Комедіямъ *palliatae*. Сей родъ Комедіи обязанъ происхожденіемъ Стефанію.

Прим. Тога была одежда Сенаторовъ, происходящихъ отъ рода Патрикіевъ. Претекстою называлась одежда съ широкими рукавами и съ шириною по поламъ и по подолу опушкою багрянаго цвѣта: ее носили градоначальники.

3.) Комедіи *atellanae* получили названіе отъ города Ателлы. Онѣ отличались вольностію и даже неблагопристойностію; раздѣлялись на акты и заключали въ себѣ музыку, пантомимы и пляску.—Светоній въ сочиненіи о славныхъ Грамматикахъ говоритъ, что изобрѣтателемъ сей Комедіи былъ Мелиссъ, Меценатовъ библіотекарь; другіе полагаютъ, что Комедіи *atellanae* представляемы были не настоящими актерами, а молодыми людьми изъ гражданъ, что онѣ состояли изъ однѣхъ шутокъ, называемыхъ *Екзодіями*, и что Мелиссъ далъ имъ только лучшее образованіе.

4.) Комедіи *tabernariae* имѣли предметомъ подражаніе нравамъ простаго народа и назывались такъ потому, что на театрѣ представляемы были питейные домы и прочія подобныя мѣста, (taberna). Афраній и Енній отличались въ семъ родѣ.

5.) Комедіи *palliatae* имѣли содержаніе, почерпнутое изъ Греческихъ обычаевъ и назывались такъ отъ того, что актеры въ оныхъ имѣли Греческія мантіи, *pallium*. Сіи сочиненія назывались еще *crepidae* по имени обыкновенной Греческой обуви.

6.) Комедіи *pretextatae* были тѣ, въ коихъ содержаніе и лица заимствованы были изъ сословія, имѣвшаго право носить *toga pretexta*.

7.) Комедіи *trabeatae*, которыхъ изобрѣтеніе приписываютъ Каію Мелиссу, представляли славныхъ рыцарей. Актеры въ оныхъ были одѣты *in trabeis*.—Трабея была одежба Консульская во время мира, которую надѣвали также полководцы, торжествующіе послѣ войны одержанныя ими на полѣ брани побѣды.

8.) Комедіи *planipediae* получили названіе или отъ того, что актеры играли въ нихъ съ голыми ногами, или, по мнѣнію другихъ, отъ театровъ, въ которыхъ

были для зрителей ярусы (*plain-pied*). Сіи Комедіи имѣли низкое содержаніе, что видно изъ словъ Тасса, который говоря о разныхъ родахъ Комедій, присовокупляетъ *alcune altre per l'umiltà dell'argomento fur dette planipediae*, т. е. нѣкоторыя отъ низости содержанія были названы *planipediae*, слѣдовательно Тассъ не согласуется съ вышепоказанными мнѣніями о корнѣ сего слова.—Opere di T. Tasso. Vol. 5.

9.) Комедіи *statariae* заключали много разговоровъ и мало дѣйствія — какова на примѣръ Терренціева Комедія *Hecyre*.

10. Комедіи *mixtae*, сложныя, были тѣ, въ которыхъ одна часть происходила въ повѣствованіи, а другая въ дѣйствіи. Римляне говорили, что сіи Комедіи были частію *statariae*, и частію *motoriae*, и приводили въ примѣръ Терренціева *Евнуха*.

11.) Комедіи *rhintonicae* названныя по имени изобрѣтателя ихъ Ринтона, заключали въ себѣ несчастныя какія либо приключенія, и назывались еще *Hilaro-tragedia*, *Latina comedia* и *Comedia italica*.

Такова была Комедія у двухъ знаменитѣйшихъ народовъ.

О началѣ новѣйшей Комедіи ничего неизвѣстно. Можно только предполагать,

что въ Италіи сохранялось всегда воспоминаніе о Комедіи Римской, и что тамъ она по возрожденіи наукъ начала мало по малу приближаться къ прежнему своему совершенству; впрочемъ, говоритъ Сульцеръ, не стоитъ труда искать ее далѣе XVI вѣка; ибо извѣстно, что и въ семъ вѣкѣ, даже у просвѣщеннѣйшихъ народовъ, были однѣ только грубыя фарсы (шутовскія представленія) безъ малѣйшаго вкуса и правильности.

Испанцы прежде другихъ народовъ имѣли Комедію въ надлежащемъ видѣ. Лопецъ де Вега, родившійся въ 1562 году, написалъ Комедію *Лжецъ*, которой подражалъ извѣстный Французскій писатель Корнель: сіе подражаніе представлено было въ первой разъ въ Парижѣ въ 1642 году. Мольеръ усовершенствовалъ Французскую комедію. Первая Комедія его *Вертопрахъ* представлена была въ Ліонѣ въ 1653 году. Ренаръ, Детушъ, Пиронъ, наиболѣе отличились послѣ Мольера въ комическомъ родѣ. —Въ Англіи извѣстнѣйшіе комики суть: Драйденъ, Вичерлей, Ванбрукъ, Конгревъ, Стиль, Цибберъ и пр. — У Нѣмцовъ показались правильныя комическія и вообще драматическія представленія, не прежде

XVII столѣтія; и сіи сочиненія не иное что были, какъ слабые переводы съ Испанскаго и другихъ языковъ. Въ 1619 году за неимѣніемъ иныхъ сочиненій представляемъ былъ на театрѣ Гваринiевъ *Вѣрный пастухъ* (il pastor fido). Въ прошедшемъ столѣтіи Германія имѣла уже много весьма хорошихъ Комедій: Геллертовы *Богомолка* и *нѣжныя сестры* заслужили всеобщее уваженіе. Въ 1747 году представлена была въ Лейпцигѣ первая Лессингова Комедія *Молодой ученой.* Шлегель, Браве, Вейссе, и другіе какъ то: Реихардъ, Гаттеръ, Енгель, Баронъ Геблеръ, Бокъ, Везель, также съ успѣхомъ упражнялись въ комическомъ родѣ; но никто столько не писалъ въономъ, какъ Августъ фонъ Коцебу, кончившій жизнь свою трагически въ прошедшемъ 1819 году.—Италія, въ отношеніи къ сочиненіямъ комическимъ, не заслуживаетъ даже быть упомянута: ея лучшіе драматическіе писатели упражнялись или въ Трагедіяхъ, или въ Операхъ.

Что касается до Комедіи Россійской, то едва ли извѣстно было въ Россіи и названіе *Комедіи* прежде Царя Алексія Михайловича. При немъ Бояринъ Артемонъ Сергіевичъ Матвѣевъ выпросилъ дозволе-

ніе пріѣхавшей въ Россію одной иностранной труппѣ акшеровъ представишь нѣсколько театральныхъ сочиненій, и въ *розрядныхъ запискахъ* 1676 года написано о семъ слѣдующими словами:„ была Комедія въ Преображенскомъ; тѣшили Великаго Государя иноземцы, какъ Алаферна „Царица Царю голову отсѣкла (надлежало „бы сказать, какъ Царица Юдифъ Царю „Олоферну голову отрубила) и на органахъ „играли Нѣмцы, да люди дворовые Боярина Артемона Сергіевича Матвѣева. То„гожъ года другая Комедія тамъ же, какъ „Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, и „въ органы играли, и на фіоляхъ и въ „струменты и танцовали. Въ третіе „тамъ же тѣшили Великаго Государя на „заговѣнье Нѣмцы и люди Артемона Сер„гіевича на органахъ и на фіолахъ и на „струментахъ и танцовали и всякими по„тѣхами разными.—Всѣ сіи представленія были первыя въ Москвѣ, и то не на Рускомъ языкѣ. Уже при Царѣ Феодорѣ Алексіевичѣ появились первыя Славенорускія театральныя сочиненія, представленныя въ новозаведенной при немъ же Академіи въ Заиконоспаскомъ монастырѣ, а потомъ и при дворѣ. Сочинителемъ сихъ Комедій

(похожихъ болѣе на нынѣшнія драмы) былъ Іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, воспитанникъ Академіи Кіевской и учитель Царя Феодора Алексіевича: онѣ до нынѣ рукописными сохраняются въ Патріаршей библіотекѣ между сочиненіями Полоцкаго, а двѣ первая *о блудномъ сынѣ*, и вторая *о Царѣ Навуходоносорѣ и трехъ отроцѣхъ въ пещи*, напечатаны въ VIII части древней Россійской Вивліофики. (Изд. 2. Москва 1789.) При семъ же Государѣ переведена была на Славянскій языкъ первая не изъ числа духовныхъ Комедія Мольера: *Врачь противу воли* (medécin malgré lui) и была играна приватно при Дворѣ Царевною Софьею Алексѣевною съ благородными дѣвицами и мущинами. Въ Царствованіе Государя ПЕТРА I. сочинены были заиконоспаскими учителями многія духовныя и недуховныя Комедіи и представлены при разныхъ торжественныхъ случаяхъ; нѣкоторыя находятся въ IX части Древ. Рос. Вивліофики, а иныя печатаны особо. Сіе послужило поводомъ, что въ *Духовномъ Регламентѣ* 1722 года предписано уже было Семинаріямъ по нѣскольку разъ въ годъ для увеселенія учениковъ заставлять ихъ представлять Комедіи.—

до сего времени на придворныхъ театрахъ играны были по большей части сочиненія иностранныя; около 1748 года Кадеты въ Сухопутномъ Корпусѣ начали играть Рускіе Діалоги (разговоры безъ дѣйствія, actio.), представляли иногда въ присутствіи самой Императрицы и могли ей понравиться. Тогда Сумароковъ началъ помышлять о распространеніи вкуса къ отечественнымъ представленіямъ, и, можно сказать, онъ первый образовалъ нашу Комедію, равно какъ и Трагедію. За нимъ послѣдовали фонъ Визинъ и Княжнинъ, изъ которыхъ послѣдній такъ удачно умѣлъ пользоваться авторами иностранными, что въ самыхъ подражаніяхъ своихъ дѣлался оригиналомъ. Нынѣ театръ нашъ обогатился многими весьма хорошими комическими сочиненіями. . . .

Прим. Въ числѣ сочинителей Духовныхъ представленій почитаются: 1) Св. Димитрій Митрополитъ Ростовскій, родившійся въ Кіевѣ въ 1651 году и скончавшійся въ 1709. Онъ написалъ Драмы *Рождество Христово*, *Воскресеніе Христово*, *Есфирь и Агасферъ*, Аллегорическую Драму *Грѣшникъ кающійся* и еще двѣ Драмы подъ названіемъ *Успенская* и *Димитріевская*. Всѣ

сіи Драмы въ стихахъ съ рифмами сочинены по силлабическому размѣру. Св. Димитрій писалъ оныя еще въ Малороссіи, гдѣ драматическія представленія, въ его время, были въ частомъ употребленіи и въ уваженіи какъ у Духовныхъ, такъ и у свѣтскихъ; а послѣ онѣ играны у него бывали въ Ростовѣ. Драма *Есфирь и Агасферъ* однажды въ великій постъ представлена была и на Придворномъ театрѣ при Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ. Для представленія Іисуса Христа и Богородицы, вмѣсто дѣйствующихъ лицъ, всегда выставлялись только иконы. Списки нѣкоторыхъ изъ сихъ Драмъ есть въ Патріаршей библіотекѣ, а иныя въ Ростовѣ. — 2.) Феофанъ Прокоповичъ, Архіепископъ Новогородскій, род. 1681, въ Кіевѣ, и сконч. въ С. Петербургѣ въ 1736 году. Онъ написалъ *Трагедо-Комедію* на Рускомъ языкѣ подъ названіемъ *Владиміръ всѣхъ Славено-Россійскихъ странъ Князь и Повелитель*, представленную въ Кіевѣ Академистами въ 1705 году. Сія Драма писана силлабическими безъ скансіи стихами въ бытность еще его учителемъ поэзіи, по обыкновенію издавна въ Кіевской Академіи заведенному, чтобы каждый учитель

поэзіи ежегодно для лѣтнихъ рекреацій сочинялъ по одной Драмѣ. — Въ С. Петербургскихъ ученыхъ Вѣдомостяхъ, издававшихся въ 1777 году напечатана слѣдующая похвальная надпись Феофану, показывающая другія его упражненія и достоинства:

Великаго ПЕТРА дѣлъ славныхъ проповѣдникъ;
Витійствомъ Златоустъ, Музъ чистыхъ собесѣдникъ,
Историкъ, Богословъ, мудрецъ Россійскихъ странъ;
Таковъ былъ Пастырь стадъ словесныхъ Феофанъ.

И Князь Кантемиръ сказалъ объ немъ въ 3-й своей Сатирѣ:

Дивный Первосвященникъ, которому сила
Высшей мудрости свои тайны всѣ открыла
И всѣ твари, что міръ сей отъ вѣкъ наполняютъ,
Показала, изъяснивъ, отъ чего бываютъ.
Феофанъ! которому все то далось знати,
Здрава человѣка умъ что можетъ поняти. и пр.

3.) Георгій Кониской, Архіепископъ Бѣлорускій; род. въ Нѣжинѣ въ 1717, ск.

Bayerische Staatsbibliothek München

въ Могилевѣ въ 1795 году. Онъ также въ бытность свою при Академіи Кіевской, по вышеозначенному обыкновенію, написалъ нѣсколько Драмъ или Комедій духовныхъ; но онѣ остались въ рукописяхъ. — Слѣдующая надгробная надпись, которую сочинилъ онъ себѣ не задолго до смерти своей, чувствуя неминуемое приближеніе оной, можетъ показаться довольно любопытною:

Градъ Нѣжинъ колыбель, градъ Кіевъ мой учитель;
А въ тридцать восемь лѣтъ я сдѣлался Святитель;
Семнадцать лѣтъ потомъ боролся я съ волками,
И двадцать два провелъ въ покоѣ со овцами.
За претерпѣнные труды и непогоду
Архіепископомъ и Членомъ сталъ Синоду.
Георгій имя мнѣ; я изъ Конискихъ дому,
И въ жизни былъ коню подобенъ почтовому.
Сея-то падали зарылъ здѣсь грѣшни кости
Седмь сотъ отъ Рождества годъ пятый девяностый.

и 4.) Упомянутый выше Симеонъ Полотскій, родившійся въ Полотскѣ въ 1628,

и скончавшійся въ Москвѣ въ 1680 году.— Тредіаковскій въ *Разсужденіи* своемъ о *древнемъ, среднемъ и новомъ Россійскомъ стихотвореніи* полагаетъ Полотскаго образователемъ средняго Россійскаго стихотворенія, то есть, удалившагося отъ грубости древнихъ нашихъ Польско - Россійскихъ стихосложеній, но не достигшаго еще до чистоты Россійскаго слога. Къ чести Полотскаго можно здѣсь примолвить, что Ломоносовъ, образователь послѣдняго рода нашего стихотворенія, первыя свои понятія о красотѣ и величествѣ поэзіи заимствовалъ изъ его *Псалтири*.—См. Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина, Грекороссійскія церкви. С. П. Б. 1818.

Примѣч. Слово *Комедія*, по мнѣнію нѣкоторыхъ литтераторовъ, составлено изъ двухъ Греческихъ: κωμη село и ωδη пѣснь; и потому полагаютъ, что первыя Комическія представленія появились у Грековъ въ селахъ, а не въ городахъ.

КОМИЧЕСКІЙ. Названіе сіе придается автору, сочиняющему Комедіи; театральнымъ представленіямъ, заключающимъ

въ себѣ смѣшное, странное—и всему, что относится до Комедіи. Говорятъ: Комическій стихотворецъ, или Комикъ, Комическій характеръ, Комическое дѣйствіе и пр.

Комическое бываетъ двухъ родовъ: Комическое *въ дѣйствіи*, (actio) и Комическое *въ мысляхъ.* Первое происходя изъ самаго содержанія Комедіи, заключается въ положеніи дѣйствующихъ лицъ. Второе состоитъ въ острыхъ словахъ, въ шутливомъ или замысловатомъ разговорѣ. *Комическое въ дѣйствіи* есть, безъ всякаго противорѣчія лучшее, ибо оно можетъ увеселяя и поучать; *Комическое въ мысляхъ* также необходимо для украшенія, но не должно слишкомъ къ нему одному прилѣпляться.

Комическое дѣйствіе бываетъ еще *высокое* и *низкое.* Высокое — когда подражаетъ обращенію, разговорамъ, странностямъ тѣхъ людей, кои живутъ въ обществахъ, называемыхъ лучшими; низкое — когда заключаетъ въ себѣ происшествія, разговоры, странности, видимыя въ простомъ народѣ. Въ первомъ дѣйствуетъ наиболѣе умъ, и то, что извѣстно подъ именемъ тонкости вкуса; во второмъ поз-

волительны пословицы, игра словъ, и всякія благопристойныя шутки. Но дабы лучше успѣть въ обоихъ родахъ, потребно тщательное изученіе нравовъ и свойствъ каждаго состоянія, особливо *большаго свѣта*, потому что странности и пороки знатныхъ людей едва бываютъ примѣтны, скрываясь подъ личиною учтивства или приличія, словомъ сказать, Комическій стихотворецъ долженъ имѣть непремѣнно глубокое познаніе природы и сердца человѣческаго. — См. примѣры въ ст. *Комедія*.

КРАЕСТИШІЕ, краестрочіе.—См. Акростихъ.

КРЕТИКЪ, Creticus, Критская стопа, то же, что Амфибрахій.—См. сіе слово.

КУПЛЕТЪ.—См. Строфа.

Л.

ЛАКОНИЗМЪ. Качество слога. Изъясненіе чего либо въ краткихъ, сильныхъ, разительныхъ выраженіяхъ.

Сіе дарованіе особенно приписываемо было Лаконянамъ, или Лакедемонянамъ — отъ имени коихъ и слогъ Лаконическій получилъ свое названіе.

Россійскій полководецъ *Росславъ* (въ Трагедіи Княжнина сего имени) въ слѣдующихъ отвѣтахъ Христіерну даетъ прекрасный примѣръ *Лаконизма:*

Христіернъ.

Когда бы ты былъ Царь, несчастьемъ ввер-
женъ въ плѣнъ,
Твоею бъ дерзостью я не былъ удивленъ,
Царя бы чтилъ въ тебѣ, себя я уважая;
Но ты въ плѣненіи противъ меня дерзая,
И гнѣва моего не устрашаясь грозъ,
Чтобы не трепетать, кто ты таковъ?

Росславъ.

— Я Россъ.

Христіернъ.

Ты плѣнникъ дерзостный, ты рабъ мой.

Росславъ.

— Тотъ свободенъ,
Кто смерти не страшась, тиранамъ не угоденъ.

Христіернъ.

Внемли; хочу тебя въ послѣдне пощадить
И дерзости твоей въ послѣдній разъ простить,
Хочу тебя спасти.... зрю, что тебя смущаетъ
И тайны важной мнѣ открыть не допущаетъ:
Страхъ злобу заслужить отъ Князя твоего,
Но будь мой подданный, оставь, оставь его,
Отъ твоего твой рокъ зависитъ произвола;
Чего желаешь ты? скажи—

Рославъ.

Ниже престола.

Христіернъ.

Умри злодѣй! мое терпѣнье истребя,
Надежду на кого взлагаешь?

Рославъ.

На себя.

Христіернъ.

Во узахъ и въ моей стѣсненъ всевластной волѣ,
Оставленный отъ всѣхъ и въ самой жалкой долѣ,
Спасеніе во мнѣ одномъ могущій зрѣть,
Что можешь ты?

Росславъ.

Могу тебя и смерть презрѣть.

Христіернъ.

Увидь мученія, ужъ смерть тебѣ готова,
Когда велю терзать, откроешь все.....

Росславъ.

— Ни слова.

Въ Трагедіи Озерова подъ именемъ *Фингалъ*, также можно видѣть *Лаконизмъ* въ отвѣтѣ Фингала Старну:

Старнъ.

Ты въ областяхъ моихъ.

Фингалъ.

Я здѣсь не въ первый разъ.

Какая обширная мысль заключается въ сихъ краткихъ словахъ! онѣ значатъ, что Фингалъ не имѣетъ ни малѣйшей причины опасаться Старна, ибо и прежде бывалъ въ его областяхъ—всегда побѣдителемъ.

ЛАКОНИЧЕСКІЙ. Лаконическій слогъ есть тотъ, когда не многими, но рази-

тельными словами изображается какая либо обширная мысль.—См. *Лаконизмъ.*

Сей терминъ можно иногда выразить Русскимъ словомъ *отрывистый.*

ЛЕ, lai, родъ пѣсенки бывшей прежде въ употребленіи у Французовъ.— См. *Виреле.*

ЛЕГКОСТЬ. Качество слога: та небрежность, или непринужденность, которую чувствуютъ, когда поэтъ или ораторъ, совершэнно предается влеченію своихъ чувствій и мыслей, не изыскивая ни оборотовъ, ни выраженій.—Слѣдующіе отрывки изъ разныхъ стихотвореній лучше могутъ объяснить свойство *легкости:*

Отеческіе боги!
Да къ хижинѣ моей
Не сыщетъ ввѣкъ дороги
Богатство съ суетой;
Съ наемною душой
Развратные счастливцы,
Придворные друзья
И блѣдны горделивцы,
Надутые Князья!
Но ты, о мой убогой

Калека и слѣпой,
Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О воинъ, у меня;
Войди и обсушися
У яркаго огня.
О старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени
Про витязя съ нагайкой,
Что въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками
Какъ вихорь на поляхъ,
И вкругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ и пр.

Батюшковъ.—Мои Пенаты.

О гласъ Царя! о честь народа! пламень мщенья
Ударилъ молніей по вздрогнувшимъ сердцамъ!
Все бранью вспыхнуло! все кинулось къ мечамъ!
И грозно въ бой пошла съ насиліемъ свобода!
Тогда явилось все величіе народа,

Спасающаго тронъ и святость олтарей,
И тихій гробъ отцовъ, и колыбель дѣтей,
И старцевъ сѣдины, и младость дѣвъ цвѣ-
тущихъ,
И славу прежнихъ лѣтъ, и славу лѣтъ гря-
дущихъ!
Все въ пепелъ передъ нимъ! разлей пожары,
месть!
Стѣною рать! что шагъ, то бой! что бой,
то честь!
Предъ нимъ развалины и пепельны пустыни;
Кругомъ пустынь полки, и грозныя твердыни,
Вездѣ ревущія погибельной грозой—
И старецъ-вождь средь нихъ съ невидимой
Судьбой и пр.

Жуковскій. Импер. АЛЕКСАНДРУ.

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой Царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша,
Во всѣхъ ты чудо свѣта;
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ,
И только ты одна прекраснѣе портрета.
Потомство вѣдаетъ, что сей чудесный домъ,
Гдѣ жители тебя усердно обожали,
Сей храмъ твоихъ красотъ Амуры соружали,

Амуры украшали,
Амуры образъ твой повсюду тамъ казали.
Амуры наконецъ
Примыслили къ лицу, на всякой образецъ
Различные уборы и пр.

Желалъ бы описать подробно
Другія рѣдкости чудесныхъ сихъ палатъ,
Гдѣ все плѣняло взглядъ
И было безподобно:
Но всюду тамъ умомъ
Я Душеньку встрѣчаю,
Прельщаюсь, и потомъ
Палаты забываю, *и пр.*

Богдановичъ.

Въ Трагедіи Озерова *Фингалъ*:

Фингалъ.

О небо, доверши блаженство дней моихъ!
Моина, повтори пріятность словъ твоихъ;
Скажи, что моему ты не противясь счастью,
Не оскорбляешься моею нѣжной страстью,
Что ты довольна ей, что милъ тебѣ Фингалъ.
Когда бы знала ты, какъ много я страдалъ

Со дня, какъ въ первый разъ твои красы
увидѣлъ!
Дотолѣ мыслью дикъ, любовь я не навидѣлъ,
Считалъ ее мечтой и слабостью умовъ;
Какъ стужа нашихъ зимъ, былъ духъ во мнѣ
суровъ.
Твой взоръ перемѣнилъ нравъ дикій и суровый!
Онъ далъ мнѣ нову жизнь, далъ сердцу чувства новы,
И огнь, палящій огнь проливъ въ моей крови,
Мнѣ далъ почувствовать страданія любви,
Уныніе, тоску, отчаянье разлуки,
И страхъ не милымъ быть, и ревности всѣ
муки и пр.

Моина.

.

Любви лишь можетъ быть одна любовь наградой.
Люби меня, Фингалъ, и чувство то храня,
Въ родителѣ моемъ спокой, утѣшь меня

. . . .

Онъ не участвуетъ въ веселіи безвинномъ,
И стонетъ, какъ волна при берегѣ пустынномъ. и пр.

Въ стихахъ Державина *Рѣшемыслу:*

Веселонравная, младая,
Нелицемѣрная, простая,
Подруга Флаккова и дщерь
Природой даннаго мнѣ смысла!
Приди ко мнѣ, приди теперь
О муза! славить Рѣшемысла.

Приди!—иль въ облакѣ спустися,
Или хоть въ санкахъ прикатися,
На легкихъ, рѣзвыхъ, шестерней,
Оленяхъ бѣлыхъ, златорогихъ:
Какъ ѣздятъ барыни зимой
Въ странахъ Сибирскихъ, хладомъ стро-
гихъ и проч.

Сихъ примѣровъ достаточно для показанія, въ чемъ состоитъ *легкость* и какую разность имѣетъ она съ *принужденностію.* (См. с. с.) —Впрочемъ всякой можетъ замѣтить сію прелесть поэзіи въ сочиненіяхъ Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, Богдановича, Крылова, Карамзина *и проч.*

ЛИПОГРАММАТИЧЕСКІЙ происходитъ отъ λειπω, *не имѣю, не достаетъ,* и

отъ *γραμμα, буква, письмя*, а послѣднее слово отъ *γραφω*, *пишу*; значитъ *неимѣющій буквы.* Именемъ симъ называютъ сочиненія, въ коихъ какая нибудь азбучная буква оставлена безъ употребленія.

О семъ предметѣ слѣдующее написано въ *Менагіанѣ*, частъ III, стр. 329. изд. Париж: 1729.

„У Грековъ были сочиненія *Липограмматическія*, то есть неимѣющія которой нибудь азбучной буквы. Такимъ образомъ *Трифіодоръ* написалъ свою *Одиссею;* въ первой книгѣ не было у него буквы *α*, во второй *β*, и т. д. *Трифіодоръ*, присовокупляетъ издатель, сочинилъ Одиссею въ подражаніе *Липограмматической* Иліадѣ *Нестора*, Ларандскаго поэта, жившаго во время Императора Севера. *Лазосъ*, древнѣйшій стихотворецъ, написалъ оду и гимнъ безъ буквы *s*. Клеаркъ въ Афинеѣ также упоминаетъ объ одной одѣ безъ *s*, сочиненной въ подражаніе Пиндару. На Латинскомъ языкѣ есть одно прозаическое сочиненіе *Фабія-Клавдія-Гордіана-Фулгенція*, которое раздѣлено на 23 главы, по числу буквъ, и въ первой главѣ нѣтъ буквы *A*, во второй буквы *B*, въ третьей буквы *C* и такъ до конца.„

На Русскомъ языкѣ слѣдующія стихотворенія Державина могутъ назваться *Липограмматическими:* въ нихъ нѣтъ буквы *Р*.

Соловей во снѣ.

Я на хо̀лмѣ спалъ высокомъ,
Слышалъ гласъ твой, соловей,
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ
Внятенъ былъ душѣ моей;
То звучалъ, то отдавался,
То стеналъ, то усмѣхался
Въ слухѣ издалече онъ,
И въ объятіяхъ Калисты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкой сонъ.

Если по моей кончинѣ
Въ скучномъ, безконечномъ снѣ
Ахъ! не будутъ такъ какъ нынѣ
Эти пѣсни слышны мнѣ;
И веселья, и забавы
Плясокъ, ликовъ, звуковъ славы
Не услышу больше я:
Стануж жизнью наслаждаться,
Чаще съ милой цѣловаться,
Слушать пѣсни соловья.

Кузнечикъ.

Счáстливъ, золотой кузнечикъ,
Что въ лѣсу куешь одинъ!
На цвѣточной сѣвъ лужечикъ
Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ;
Всѣмъ любуяся на волѣ,
Воспѣваешь вѣкъ ты свой;
Взглянешь лишь на что ты въ полѣ,
Всемъ доволенъ, все съ тобой.
Земледѣльцовъ по сосѣдству
Не обидишь ты ничѣмъ;
Ни къ чьему не льнешь наслѣдству,
Самъ богатъ собою всѣмъ.
Пѣснопѣвецъ тепла лѣта!
Аполлона нѣжный сынъ!
Честный обитатель свѣта,
Всѣми Музами любимъ!
Вдохновенный гласомъ звонкимъ
На землѣ ты знаменитъ,
Чтутъ живые и потомки:
Ты Философъ! ты Піитъ!
Чистъ въ душѣ своей, не злобенъ,
Удивленіе ты намъ:
О! едва ли не подобенъ —
Мой кузнечикъ — ты богамъ!

Въ сочиненіяхъ Голенищева - Кутузова (часть IV. стр. 50) находятся три строфы, названныя *за споромъ дѣло стало*, изъ которыхъ въ первой нѣтъ буквы А, во второй Б, а въ третьей Р.

Безъ А.

Конечно не удобно, трудно
Устроить цѣлый рядъ стиховъ;
Но только было бы и чудно
Почесть то выше всѣхъ трудовъ,
Иль мнить, что это не возможно;
Но я увѣренъ въ томъ не ложно,
Что если Фебомъ кто любимъ,
Тотъ всяку трудность одолѣетъ,
Похитить огнь боговъ посмѣетъ
Ведомый Геніемъ своимъ.

Безъ Б.

Не мысльми пышными, не жаромъ
Піитъ въ трудахъ своихъ великъ;
Онъ можетъ сдѣлаться Икаромъ
Занявъ несвойственный языкъ.
За истину принявъ Химеру,
Онъ заскрыпитъ не въ тонъ, не въ мѣру

И слухъ и чувства отвратитъ;
Но Аполлономъ вдохновенной
Къ одной гармоніи священной
Душой и разумомъ паритъ.

Безб Р.

Любовь сама мнѣ повелѣла
Климену милую воспѣть;
Любовь, одна любовь умѣла
Мою холодность одолѣть.
Клоняся къ западу годами,
Сближаясь даже съ сѣдинами,
Мнѣ ль нѣжности водить съ собой?
Мнѣ ль съ Музами имѣть бесѣду,
Коль осень хладная побѣду
Уже стяжала надъ весной?

ЛИРИЧЕСКІЙ. Поэзія Лирическая есть самая древнѣйшая. — „Это, говоритъ Державинъ, отливъ разгоряченнаго духа, отголосокъ растроганныхъ чувствъ, упоеніе или изліяніе восторженнаго сердца. Человѣкъ изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности, долженъ былъ произнести *Лирическимб* во-

скликновеніемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звѣзды, моря, горы, лѣса и рѣки напояли живымъ чувствомъ и исторгали его гласы. Вотъ истинный и начальный источникъ оды (т. е. поэзіи Лирической); а потому она не есть, какъ нѣкоторые думаютъ, одно подражаніе природѣ, но и вдохновеніе оной, чѣмъ и отличается отъ прочей поэзіи. Она не наука; но огнь, жаръ, чувство.„

Сія поэзія названа *Лирическою* по тому, что у Грековъ употребляема была съ пріигрываніемъ на *лирѣ*; у другихъ народовъ, какъ на примѣръ, у Евреевъ, происходило пѣніе съ Псалтирью, съ гуслями *), а у нѣкоторыхъ съ арфою, съ цитрою, и съ прочими *струнными* инструментами.

Всякой другой родъ поэзіи, пишетъ Аббатъ *Батте*, имѣетъ главною цѣлію *дѣйствіе*; поэзія Лирическая совершенно посвящена чувствамъ — и потому, когда въ Епопеѣ или Драмѣ дѣйствіе прекращается, тогда поэзія изображаетъ однѣ ощущенія душевныя, тогда она бываетъ *Лирическою*; надлежитъ дать ей только

*) Исповѣдайтеся Господеви въ гуслехъ, въ Псалтири десятиструннемъ пойте ему.—Псал. 32. ст. 2.

надлежащую форму, чтобы сдѣлать способною къ пѣнію.

Къ *Лирической* поэзіи принадлежатъ: Имны, Оды, Пеаны, Дифирамвы, Сколіи, Кантаты, Ораторіи, Романсы, Баллады, Стансы и простыя пѣсни.—См. сіи слова. Въ статьѣ *Поэзія*, гдѣ говорится вообще о происхожденіи сего изящнѣйшаго искуства, увидитъ читатель происхожденіе и поэзіи *Лирической*.

Отрывокъ изъ Енциклопедіи. „Греки не только *пѣли* поэму Лирическую, но даже *сочиняли* ее примѣняясь ко звукамъ *лиры*; чрезъ сіе-то Греческая Лирическая поэма отличается отъ всего, что имѣетъ названіе поэзіи Лирической какъ у Римлянъ, такъ и у насъ, и у всѣхъ новѣйшихъ народовъ. Римляне, также какъ мы нынѣ дѣлаемъ, писали *пою* и не пѣли; говорили о звукахъ лиры, и лиры никогда у нихъ не было. Но преимущественная выгода Греческихъ Лирическихъ поэтовъ состояла въ важности ихъ званія, и въ дѣйствительной сущности ихъ восторга: они почитались нѣкоторымъ образомъ за служителей божества, за наставниковъ въ политикѣ и нравственности.

Греція болѣе всего уважала героевъ

своихъ—и поэтъ умѣвшій лучше другихъ воспѣвать ихъ подвиги, увѣренъ былъ, что народъ плѣнится его гласомъ. Живые завидовали мертвымъ: Фиміамъ, который при нихъ воскурялся въ почесть усопшимъ, не изчезалъ въ воздухѣ; стихи прославляющіе героевъ преходили изъ устъ въ уста и во всѣхъ сердцахъ напечатлѣвались. Греческіе Монархи искали дружбы поэтовъ, желая чрезъ нихъ спасти имя свое отъ забвенія.

Лира, по словамъ Гомера, была лучшимъ украшеніемъ пировъ Царскихъ: пѣвца принимали тамъ какъ друга Музъ и любимца Аполлона, и по причинѣ такого лестнаго одобренія, всѣ отличнѣйшіе въ Греціи дарованіями люди посвящали себя сему божественному искусству.

Вообще можно сказать, что поэма Лирическая или Ода у Римлянъ и у народовъ новѣйшихъ не иное что есть, какъ слабое подражаніе Греческой Лирической поэмы. Ни одинъ поэтъ, не выключая даже Горація, не старался дѣлать своихъ одъ способными къ пѣнію, а Горацій, кажется и совсѣмъ о томъ не думалъ, потому что весьма часто при окончаніи строфы, гдѣ пѣнію надлежало бы преры-

ваться, онъ оставлялъ мысль неоконченною, какъ то видимъ изъ сихъ стиховъ, столь исполненныхъ впрочемъ картинъ и мыслей:

Distructus ensis cui super impiâ
Cervice pendet, non Siculae dapes
Dulcem elaborabunt saporem;
 Non avium citharaeque cantus
Somnum reducent. Somnus agrestium
Lenis virorum non humiles domos
Fastidit, umbrosamve ripam,
 Non Zephyris agitata Tempe. и пр.

Lib. III. od. I.

(*Прим.* Клопштокъ въ одномъ изъ первыхъ изданій Мессіады помѣстилъ разсужденіе свое о подражаніи на Нѣмецкомъ языкѣ Греческимъ размѣрамъ, гдѣ между прочимъ говоритъ: онъ (Горацій) переноситъ весьма часто мысль изъ одной строфы въ другую, потому что сіе согласно съ Ентузіасмомъ слуха и воображенія; слухъ иногда требуетъ болѣе, нежели сколько содержитъ въ себѣ Поэтическій періодъ, заключающійся въ одной строфѣ; а воображенію нерѣдко также надобно скорѣйшее безостановочное теченіе мыслей. Горацій не слыхалъ, можетъ быть, при-

соединяетъ Клопштокъ, ни отъ современныхъ пѣвцовъ, ни отъ упражняющихся въ музыкѣ, что для пѣнія періодъ со строфою вмѣстѣ долженъ оканчиваться; или же зналъ это, но захотѣлъ меньшимъ правиломъ пожертвовать бо́льшему. — Опыты Лирич. Востокова. Ч. 2.)

Поэзія *Лирическая*, кромѣ Греціи у однихъ развѣ Евреевъ и, можетъ быть, еще въ сѣверныхъ климатахъ при Друидахъ и Бардахъ, могла имѣть настоящій свой величественный видъ. Въ древнемъ Римѣ болѣе уважаемо было краснорѣчіе—и сему народу, долгое время необразованному, занимавшемуся единственно войною, весьма бы смѣшно показалось, когда бы увидѣлъ онъ Марія или Брута съ лирою въ рукахъ: ему нужно было только краснорѣчіе для объясненія своихъ правъ и мечъ для защищенія оныхъ — и если бы какой нибудь Трибунъ или Консулъ, подобно Тиртею или Епимениду, явился съ пѣснями возбуждать къ чему либо или укрощать народъ Римскій, то бы не слишкомъ хорошо былъ принятъ.

Къ сожалѣнію большая часть Греческихъ Лирическихъ твореній не достигла до нашихъ временъ. Намъ извѣстны Си-

монидъ, Стезихоръ, Алкей, Тиртей, почти по одной только похвалѣ, какую воздавалъ имъ Горацій; ибо оставшіеся послѣ нихъ отрывки не заслуживаютъ удивленія. Сію же участь испытала и страстная Сафо, (родившаяся въ Митиленѣ на островѣ Лесбосѣ около 600 лѣтъ до Р. Х.) хотя и заслужила названіе десятой Музы. Словомъ, изъ всѣхъ Греческихъ Лириковъ, выключая Анакреона (см. *Анакреонтическій*) извѣстнѣйшимъ можетъ почесться Пиндаръ, родившійся въ Фивахъ около 500 л. до Р. Х.

У Римлянъ достойно заслужилъ названіе Лирика одинъ только Горацій Флаккъ, современникъ и другъ Виргилія: онъ соединилъ въ себѣ и Пиндара и Анакреона и Сафу.

Отрывокъ изъ Лагарпа. Желающій достигнуть до начала Лирическаго стихотворства, принужденъ бываетъ заблуждаться въ области вымысловъ и во мракѣ древности; всякое описаніе болѣе или менѣе погружено въ баснословіи. Кому точно извѣстно, когда положены правила гармоніи, къ которой человѣкъ имѣетъ отъ самой природы влиянную въ него наклонность? нѣтъ сомнѣнія, что она была

единственнымъ источникомъ поэзіи, и что отъ пѣнія до размѣрнаго шествія словъ весьма малое находится разстояніе. Вѣроятно, что въ самыя древнія времена лирическими піитами назывались люди, которые первые отличились въ семъ родѣ поэзіи, или которые преподавали другимъ первыя наставленія. Повѣствуемыя объ нихъ чудеса суть не иное что, какъ иносказательныя изображенія пріобрѣтенныхъ ими успѣховъ и власти надъ умами людей. *Линъ* почитается изобрѣтателемъ размѣра и сладкогласія т. е. что онъ первый умѣлъ соглашать мѣру звуковъ съ мѣрою стиховъ: онъ былъ первый любимецъ Музъ. Виргилій въ шестой Еклогѣ сказываетъ, что сей Лирикъ возсѣдитъ на Парнассѣ вмѣстѣ съ Музами, имѣя чело украшенное вѣнкомъ. Онъ былъ наставникомъ Орфея, который наконецъ славою превзошелъ своего учителя, ибо силою Музыки и Поэзіи заставилъ учредить въ Греціи духовные обряды, заимствованные имъ отъ Египтянъ. Онъ установилъ таинства Вакха и Цереры Елевзинской, по примѣру таинствъ Изиды и Озириса, которыя по имени его названы были Орфическими. До насъ дошли только нѣкоторые

отрывки сочиненныхъ имъ духовныхъ пѣсней. Онѣ особенное вниманіе заслуживаютъ потому, что содержатъ самыя возвышенныя и чистѣйшія понятія о единствѣ Бога и о всѣхъ Божіихъ свойствахъ, безъ малѣйшей примѣси многобожія. Здѣсь приведемъ въ примѣръ одну изъ его пѣсней сохраненную *Свидою*: „Единый Богъ существуетъ самъ собою, а все прочее имѣетъ бытіе свое отъ него. Онъ вездѣсущъ: онъ никому изъ смертныхъ невидимъ, но самъ видитъ все. По правдѣ и по суду своему наказуетъ онъ людей, нисосылая напасти, войну и болѣзни. Ему послушны вѣтры, воздвизающіе воздухъ и волны, его велѣніемъ блещетъ молнія. Возсѣдитъ превыше небесъ на златомъ престолѣ, и земля есть его подножіе. Десницу свою простираетъ до предѣловъ Океана, и отъ гласа его горы въ основаніяхъ своихъ трепещутъ. Онъ управляетъ вселенною: онъ начало, средина и конецъ.„

Свида, приведя въ примѣръ сей отрывокъ, заключаетъ, что Орфей читалъ Моисеевы книги и оттуда извлекъ все ученіе о Богѣ и его свойствахъ. Нѣкоторые покушались опровергнуть сіе мнѣніе, но всякой замѣтитъ, что въ приведенномъ

здѣсь примѣрѣ видны не только мысли, но даже выраженія Священныхъ книгъ, которыя за долго до Орфея существовали, и потому можно почесть за достовѣрное, что послѣдній выписалъ изъ перваго.—

Знаменитѣйшій изъ учениковъ Орфеевыхъ былъ *Музей*, который слѣдовалъ по стопамъ своего наставника, и котораго сдѣлали Афиняне начальникомъ Елевзинскихъ таинствъ. Виргилій въ шестой книгѣ Енеиды говоритъ, что Орфей въ поляхъ Елисейскихъ почитается первымъ изъ нравоучительныхъ (разумѣется языческихъ) стихотворцевъ, коихъ пѣсни достойны были самаго Аполлона, и которые посвятили жизнь свою наукамъ изящнымъ.

Алкей, Стезихоръ, Симонидъ и многіе другіе оставили намъ только свои имена и нѣсколько отрывковъ изъ своихъ сочиненій. Мы имѣемъ не болѣе двѣнадцати стиховъ отъ всѣхъ произведеній знаменитой Сафы, о которой сказалъ Горацій:

Огонь ея любви въ стихахъ ея пылаетъ.

Впрочемъ и малое число оставшихся послѣ нее стиховъ, по сильному въ нихъ выраженію любовной страсти, подтверждаетъ истину всего объ ней повѣствуе-

маго, и заставляетъ сожалѣть о ея сочиненіяхъ, до насъ не дошедшихъ.—*См. Ликей. часть 2. Изд. Росс. Акад.*

О пѣснопѣніи Евреевъ. Какъ всѣ роды Лирической поэзіи, выше въ сей статьѣ упомянутые, объясняются въ нашемъ Словарѣ каждый порознь подъ своимъ именемъ, а Еврейское пѣснопѣніе, коего принятый всѣми *прозаическій* переводъ, не принадлежитъ *по видимому* ни къ которому изъ нихъ, то мы почли за самое приличное сказать здѣсь что либо объ ономъ, пользуясь разсужденіями и преложеніями въ стихи, ниже сего означенными:

Пѣснь Моисея

По прехожденіи Израильтянъ чрезъ Черное море.

Въ шестой части *Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ* помѣщенъ разборъ сей пѣсни, въ которомъ между прочимъ сказано:

„Превосходная пѣснь Моисеева можетъ по справедливости почесться краснорѣчивѣйшимъ твореніемъ въ древности. Содержаніе оной величественно, мысли бла-

городны, слогъ высокъ и великолѣпенъ, выраженія сильны, обороты въ рѣчахъ смѣлы: все въ ней изобилуетъ такими предметами и мыслями, которые поражаютъ разумъ и плѣняютъ воображеніе. Сія пѣснь, сочиненная Моисеемъ въ стихахъ Еврейскихъ, превосходитъ все, что свѣтскіе поэты имѣютъ самаго лучшаго въ семъ родѣ. Виргилій и Горацій, хотя и совершенные образцы стихотворческаго витійства, не представляютъ ничего сему подобнаго. Кажется, что симъ обоимъ и другимъ свѣтскимъ поэтамъ благопріятствуетъ мѣра стиховъ, гармонія и красота слога; но Священное писаніе имѣемъ мы только въ переводѣ, а извѣстно, сколько самые лучшіе переводы Цицерона, Виргилія и Горація, отнимаютъ цѣны у сихъ авторовъ. И такъ надобно, чтобы много заключалось витійства въ Еврейскомъ подлинникѣ Священнаго писанія, когда и въ буквальныхъ переводахъ съ онаго осталось еще болѣе для насъ, нежели во всемъ Латинскомъ языкѣ древняго Рима, и во всемъ Греческомъ древнихъ Афинъ. Витійство Священнаго писанія кратко, отрывисто и чуждо всѣхъ украшеній постороннихъ, которыя служили бы

только къ погашенію его огня и живости. Избѣгая долгихъ распространеній, оно идетъ къ своей цѣли путемъ кратчайшимъ. Оно любитъ въ немногихъ словахъ заключать обиліе мыслей, дабы онѣ проникали въ сердце подобно стрѣламъ, и предметы отъ чувствъ отдаленнѣйшіе творитъ ощутительными посредствомъ живописныхъ и натуральныхъ картинъ. Словомъ сказать: витійство сіе имѣетъ выспренность, силу, выразительность съ величественною простотою, и сіи свойства поставляютъ его превыше всякаго краснорѣчія свѣтскаго.„

„Великое чудо, содѣланное Богомъ при переходѣ Израильтянъ чрезъ море Чермное, есть причина сей пѣсни. Намѣреніе Пророка состоитъ въ томъ, чтобъ предаться восторгамъ радости и удивленія при столь чудесномъ событіи, воспѣть хвалу Богу Избавителю, свидѣтельствовать Ему всеобщую торжественную благодарность и внушить народу такіяжъ высокія чувствія.„

Помѣщаемъ текстъ Славянскій:

Поимъ Господеви, славно бо прославися: коня и всадника вверже въ море. Помощникъ и покровитель бысть мнѣ во

спасеніе: сей мой Богъ, и прославлю Его: Богъ отца моего, и вознесу Его. Господь сокрушаяй брани, Господь имя Ему. Колесницы Фараоновы, и силу его вверже въ море: избранныя всадники триспашы потопи въ Чермнѣмъ мори. Пучиною покры ихъ: погрязоша во глубинѣ яко камень. Десница твоя, Господи, прославися въ крѣпости: десная твоя рука, Господи, сокруши враги. И множествомъ славы твоея стерлъ еси сопротивныхъ: послалъ еси гнѣвъ твой, пояде я яко стебліе. И духомъ ярости твоея разступися вода: огустѣша яко стѣна воды, огустѣша и волны посредѣ моря. Рече врагъ: гнавъ постигну, раздѣлю корысть, исполню душу мою, убію мечемъ моимъ, господствовати будетъ рука моя. Послалъ еси духа твоего, покры я море: погрязоша яко олово въ водѣ зѣлнѣй. Кто подобенъ тебѣ въ бозѣхъ, Господи, кто подобенъ тебѣ? прославленъ во святыхъ, дивенъ во славѣ творяй чудеса! простерлъ еси десницу свою, пожре я земля. Наставилъ еси правдою твоею люди твоя сія, яже избавилъ еси: утѣшилъ еси крѣпостію твоею во обитель Святую Твою. Слышаша языцы, и прогнѣвашася, болѣзни пріяша живущіи въ Филистимѣ. Тогда

потщашася владыки Едомстіи, и Князи Моавитстіи, пріятъ я трепетъ: растаяша вси живущіи въ Ханаанѣ. Да нападетъ на ня страхъ и трепетъ: величіемъ мышцы твоея да окаменятся, дондеже пройдутъ людіе Твои, Господи; дондеже пройдутъ людіе Твои сіи яже стяжалъ еси. Введъ насади я въ гору достоянія твоего, въ готовое жилище твое, еже содѣлалъ еси, Господи, святыню Господи, юже уготовастѣ руцѣ твои. Господь царствуяй вѣки, и на вѣкъ, и еще, егда вниде конница Фараонова съ колесницами и всадники въ море, и наведѐ на нихъ Господь воду морскую: сынове же Израилевы пройдоша сушею посредѣ моря.....

Какая величественная и усладительная простота! съ какою красотою и выразительностію описано славнѣйшее чудо, оказанное Творцемъ въ Ветхомъ завѣтѣ!— Г. *Мерзляковъ* преложилъ сію пѣснь въ Русскіе стихи; мы за нужное почитаемъ оные здѣсь помѣстить:

Пою Всесильнаго! онъ славой возсіялъ!
Онъ рекъ — и въ бездну водъ и конь и всадникъ палъ!—
Господь, владыка мой предвѣчный,

Господь мнѣ былъ покровъ! —
Богъ сердца моего, прими хвалы сердечны!
Прими мои хвалы, хвала моихъ отцовъ!
Кто грозный браней сокрушитель?
Кто сильный сильныхъ усмиритель?
Егова Царь Царей, владыка жизни, свѣтъ;—
Егова рекъ—и злобныхъ нѣтъ!
Гдѣ воинства твои, тиранъ ожесточенный?
Гдѣ колесницы воскриленны? —
Гдѣ сонмы избранныхъ твоихъ?
Какъ камень, бурею оторванъ съ горъ крутыхъ,
Погрязли въ безднѣ волнъ сѣдыхъ.
Твоя рука, Твоя тиранство наказала!
Десная, Господи, рука Твоя въ сей часъ
Чудесной крѣпостью и правдой возсіяла:
Сразилъ враговъ твой гласъ.
Какъ воспаленный вихрь плоды полей цвѣту-
щихъ,
Твой гнѣвъ пожралъ бѣгущихъ!—
Ты яростью дохнулъ на море съ облаковъ,
И воды разступились,
И въ стѣны ставъ скрѣпились,—
Уснуло мертвымъ сномъ бореніе валовъ!—
Врагъ рекъ: пойдемъ, постигнемъ, поженемъ,
Корысти раздѣлимъ!—се жертва намъ обильна!—

Упейся мечъ въ крови противника безсильна!—
Господствуй, отягчись рука моя на немъ! . . .
Врагъ рекъ,—но возшумѣлъ твой духъ;—
Пучина вздулася, и хлынетъ съ ревомъ вдругъ;
Какъ олово, погрязъ виновникъ нашихъ мукъ!
Гдѣ боги варваровъ?—гдѣ боги чужеземны?
Кумиры гордости, въ своемъ величьи темны,
Да станутъ предъ Тобой, Всесильный Богъ
боговъ!

Тираны мертвые слѣпыхъ своихъ рабовъ
Да явятся еще предъ нашими очами!—
Богъ велій — Богъ единъ! — кто равный, по-
стоитъ?

Ты страшенъ славою, Ты дивенъ чудесами,
Твое величіе сражаетъ и живитъ!
Ты руку простираешь—
Земля пожрала злыхъ!
Ты кротко провождаешь
Въ пути дѣтей своихъ!
Ты шествуешь предъ ними
Съ любовью и громами!—
Промчался всюду слухъ о имени Твоемъ,
Народы сильные со ужасомъ внимаютъ;
Блѣднѣетъ Филистимъ въ сіяніи своемъ;
Владыки Моавитъ на тронѣ воздыхаютъ;

Едомлянъ горду спѣсь вдругъ трепетъ оковалъ
И тучей мрачною на Ханаанъ упалъ.
Посли на нихъ твой страхъ,
Простри десницу разъяренну
На всю строптивую вселенну,
И ужасъ насади въ сердцахъ!—
Какъ скалы, къ сердцу горъ отъ вѣка при-
гвожденны,
Безъ силы, безъ движенья, блѣдны,
Да станутъ злобные вдали! —
Да ноютъ отъ досады тщетной,
Когда спокойно, ненавѣтно
Пойдетъ народъ Твой въ ихъ земли.
Народъ, искупленный Тобою
Веди, покрой своей рукою!
Да возрастетъ,
Да процвѣтетъ
Онъ на горѣ Твоей блаженной!
Да царствуетъ съ Тобой
Въ обители святой,
Твоей десницей сотворенной!
Да царствуетъ Господь
Для славы нашей въ родъ и родъ.

О Псалмахъ Давида.

Прим: Псалтирь есть книга Священ-

наго писанія, сочиненная Царствующимъ Пророкомъ Давидомъ и другими Богодухновенными людьми; собственно значитъ орудіе пѣсненное, на которомъ играли въ сонмищѣ Іудейскомъ стихи въ хвалу Бога, а по толкованію иныхъ *Псалтирь* толкуется *умъ, доблесть, арфа.* Псал. 80. 3.— Стихи въ Псалтири положенные сочинены по разнымъ случаямъ, и называются *Псалмы,* то есть *напѣвы* или *пѣсни,* коихъ числомъ 150; раздѣляются по церковному уставу на 20 *Кафисмъ*, то есть *сѣданій*, между которыми бываютъ чтенія, слушаемыя людьми сѣдящими, дабы нѣкое возымѣли отдохновеніе отъ службы церковной, кою стоя слушаютъ. — *См. Церковный Словарь.*

Святый Іеронимъ говоритъ, что Давидъ соединяетъ въ себѣ и Симонида, и Пиндара, и Алкея, и Горація. (David Simonides noster, Pindarus, Alcaeus, Flaccus quoque). И дѣйствительно, читая псалмы сего Пророка, находимъ въ нихъ все то, что Лирическая поэзія можетъ имѣть изящнѣйшаго; вездѣ величіе, сила; вездѣ видимъ человѣка истинно вдохновеннаго Богомъ. —Для примѣра приведемъ здѣсь одинъ 103

Псаломъ, и воспользуемся разборомъ Аббата Батте.

Священный пѣснопѣвецъ выражаетъ въ семъ псалмѣ свое удивленіе и благодарность при созерцаніи дѣлъ Божіихъ. И по сему содержаніемъ сего творенія есть чувство удивленія, произведенное премудростію, всемогуществомъ и благостію Создателя.

Благослови душе моя Господа.

Такъ начинается Псаломъ. Благословлять значитъ хвалить, прославлять, благодарить благодѣтеля. Давидъ открываетъ чувство, его одушевляющее, и которымъ преисполнено все пѣснопѣніе. Но какъ сіе чувство соединено съ предметами, его порождающими, то онъ предлагаетъ и сіи предметы, что видно изъ слѣдующихъ картинъ, раздѣленныхъ нарочно для того, чтобы ихъ удобнѣе и яснѣе видѣть.

1. *Господи Боже мой возвеличился еси зѣло; во исповѣданіе и въ велелѣпоту облеклся еси. Одѣяйся свѣтомъ яко ризою.*

Воображеніе долженствуетъ остановиться предъ сею картиною, чтобы ощутить все великолѣпіе оной. Пророкъ видитъ Бога во всей славѣ его—окруженна-

го блистающими огнями и лучами. Это одежда, Его покрывающая!

Давидъ, обратившй взоры на самаго Бога, и желавъ прежде осмотрѣть всѣ его творенія, долженъ былъ начать съ неба, гдѣ наиболѣе сіяетъ слава Его:—вотъ вторая картина.

2. *Простирай небо яко кожу; покрывай водами превыспренняя своя; полагай облаки на восхожденіе свое; ходяй на крилу вѣтреню. Творяй Ангелы своя Духи, и слуги своя пламень огненный.*

Вселенная для Творца Ея не иное что есть, какъ шатеръ. Онъ соорудилъ его въ одно мгновеніе, и столь же скоро можетъ разрушить. Небесныя воды составляютъ не измѣримый сводъ — *кристальное покрывало*, его украшающее: это собственное значеніе Еврейскаго слова. Подъ симъ-то великолѣпнымъ сводомъ Богъ летаетъ съ конца вселенныя на другой, и являетъ славу Свою. Облаки служатъ ему колесницею; вѣтры суть кони Его. Слуги Его— бури и всесокрушающій пламень. Нужно ли подъять волны, изсушить моря, напоять росою сухія мѣста? вѣтры стремятся и волю Его исполняютъ. Нужно ли разру-

шить развращенные грады, истребить народы мятежные? огнь нисходитъ—и отмщаетъ за Бога.

И такъ видѣли небо, воздухъ, облака̀, и Бога—на престолѣ его; теперь посмотримъ на землю, Его подножіе:

3. *Основаяй землю на тверди ея, не преклонится въ вѣкъ вѣка. Бездна яко риза одѣяніе ея; на горахъ станутъ воды. Отъ запрещенія твоего побѣгнутъ, отъ гласа грома Твоего убоятся: восходятъ горы, и нисходятъ поля въ мѣсто, еже основалъ еси имъ. Предѣлъ положилъ еси, его же не прейдутъ, нижѐ обратятся покрыти землю.*

Какое величіе въ сей картинѣ! земля въ равновѣсіи посреди воздуха, утвержденная на самой себѣ! неизмѣримая тягость, держащаяся безъ подпоры—и вѣки не поколеблютъ ее! она окружена моремъ *яко ризою*. Гомеръ употребилъ то же выраженіе: ποσειδὴς ἐννοσιγαῖος.

На горахъ *станутъ* воды здѣсь будущее время, вмѣсто прошедшаго; сіе производитъ красоту въ Еврейскомъ языкѣ, это Евреизмъ. Во время сотворенія міра, когда все еще смѣшено было въ хаосѣ, воды покрывали горы. Онѣ остановились;

но едва услышали грозный гласъ Творца— убѣгли съ ревомъ. Тогда горы возвысили свои вершины, долины низпустились, шаръ земный принялъ образъ ему предписанный. Какая живопись! воды удалились въ приготовленное имъ хранилище; онѣ движутся, воздымаются, но не смѣютъ преступить предѣла, перстомъ Божіимъ начертаннаго: *его же не прейдутъ.*

Въ слѣдующемъ изображеніи Пророкъ представляетъ себѣ источники, дожди небесные, плодородіе земли.

4. *Посылаяй источники въ дебрехъ, посредѣ горъ пройдутъ воды. Напаяютъ вся звѣри сельныя; ждутъ (воспріимутъ) онагри *) въ жажду свою. На тыхъ птицы небесныя привитаютъ, отъ среды каменія дадятъ гласъ. Напаяяй горы отъ превыспреннихъ своихъ, отъ плода дѣлъ твоихъ насытится земля.*

Пророкъ воображаетъ то время, когда послѣдовало сотвореніе міра. Онъ видитъ протекшіе источники, жаждущее животное ожидающее ихъ теченія. Мысль

*) Дивіи ослы, по переводу Амвросія, Архіепископа Московскаго.

прекрасная, показывающая довѣріе самихъ животныхъ къ Питающему ихъ!

Напаяяй горы отъ превыспреннихъ своихъ.—Долины и равнины орошаются рѣками; что же будетъ съ горами? Богъ помѣстилъ на нихъ водохранилища: облака разольются въ дожди, напоятъ ихъ. И такимъ образомъ вся земля, образованная Премудростію и Всемогуществомъ Создателя, будетъ повсюду плодородна! что же произведетъ она?—Сіе покажетъ слѣдующая картина:

5. *Прозябаяй траву скотомъ, и злакъ на службу человѣкомъ, извести хлѣбъ отъ земли. И вино веселитъ сердце человѣка, умастити лице елеемъ, и хлѣбъ сердце человѣка укрѣпитъ. Насытятся древа польская, кедри Ливанстіи, ихже еси насадилъ. Тамо птицы возгнѣздятся, Еродіево* *) *жилище предводительствуетъ ими. Горы высокія еленемъ, камень прибѣжище заяцемъ.*

Можно видѣть, съ какимъ жаромъ и съ какою силою изчисляются главныя

*) Аистъ—по переводу Амвросія, Архіепископа Московскаго.

произведенія земли—и въ то же время показывается польза ихъ. Все ясно, опредѣлительно. Кедрамъ Ливанскимъ, горамъ, даже утесамъ каменнымъ, показано особенное назначеніе. Они суть жилища, приготовленныя для разныхъ тварей, имѣющихъ нужду въ подобныхъ убѣжищахъ.

И такъ—человѣкъ водворенъ на земли, посреди всѣхъ благъ. Онъ наслаждается; но что будетъ въ продолженіи времени? человѣкъ, сотворенный по образу Божію, будетъ ли отличенъ отъ прочихъ животныхъ? не станетъ ли скитаться вмѣстѣ съ медвѣдями и львами? — нѣтъ. Создатель распредѣлилъ время и всякому назначилъ разные часы.

6. *Сотворилъ есть луну во времена̀, солнце позна̀ западъ свой. Положилъ еси тму, и бысть нощь, въ ней же пройдутъ вси звѣріе дубравніи: скимни рыкающіи восхитити, и взыскати отъ Бога пищу себѣ. Возсія солнце и собрашася, и въ ло̀жахъ своихъ лягутъ. Изыдетъ человѣкъ на дѣло свое, и на дѣланіе свое до вечера. Яко возвеличишася дѣла твоя Господи, вся премудростію сотворилъ еси: исполнися земля твари твоея.*

Пророкъ, очарованный симъ прекра-

снымъ порядкомъ, дѣлаетъ восклицаніе.— Солнце *познало* цѣль своего теченія. Оно довольно тѣмъ, что знаетъ оную, и въ молчаніи повинуется, стремясь беспрестанно къ достиженію оной.—Мракъ услышалъ гласъ Божій: и въ то время, когда онъ покроетъ землю, когда звѣзды токмо слабый свѣтъ доставлять будутъ, тогда звѣри дикіе *пройдутъ*—и оставятъ мѣста, неданныя имъ Богомъ. Что скажемъ о сихъ скимнахъ, *рыкающихъ и призывающихъ* Бога и просящихъ у Него такимъ образомъ пропитанія? Богъ внемлетъ ихъ и исполняетъ ихъ моленіе.—Солнце возсіяло и всѣ *собрашася*, всѣ вошли въ свои жилища, для того, чтобы оставить поле свободнымъ для человѣка, коему поручено его обработывать, и который имѣетъ право собирать съ него плоды.

Доселѣ говорено было о морѣ только мимоходомъ и потому, что оно принадлежитъ къ изображенію земли, которая служила матеріею третьей картины. Въ слѣдующей оно одно описывается:

7. *Сіе море великое и пространное, тамо гади, ихже нѣсть числа, животная малая съ великими. Тамо корабли преплаваютъ,*

змій сей, его же создалъ еси ругатися ему.

Пророкъ представляетъ неизмѣримое пространство, наполненное животными; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ чудовищную величину, презираютъ волны и бурю. Корабли летаютъ, и сія стихія, которая по видимому сотворена для разлученія народовъ, служитъ облегченіемъ торговли. — И такъ, земля, воздухъ, море, все наполнено животными, имѣющими ежедневно нужду въ пропитаніи. Одинъ Богъ доставляетъ имъ оное. Онъ только отверзаетъ руку и они насыщаются. Въ этомъ состоитъ осьмая картина.

8. *Вся къ тебѣ чаютъ, дати пищу имъ во благо время, давшу тебѣ имъ, соберутъ, отверзшу тебѣ руку, всяческая исполнятся благости.*

Такимъ-то образомъ рука, питающая птенцовъ дворовой птицы, отверзается и разсыпаетъ зерна, кои они съ жадностію собираютъ. Она готова для нихъ въ минуту нужды.

9. *Отвращшу же тебѣ лице, возмятутся, отъимеши духъ ихъ, и изчезнутъ, и въ*

персть свою возвратятся. Послеши духа твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли.

Какая живость и смѣлость въ описаній!—Отъ одного отвращенія лица Божія, все превращается въ прежнюю персть свою. Не безъ намѣренія употребилъ здѣсь Пророкъ слово *персть* — *ничтожество*, не было бы такъ сильно. Но отъ дуновенія Божія все снова оживляется.....

Всѣ сіи картины какъ бы слиты въ чувствѣ. Пѣснопѣвецъ ощущаетъ радость, удивленіе, обнаруживающееся особливыми и быстрыми оборотами: иногда говоритъ онъ Богу, иногда самому себѣ, а иногда всей природѣ. Его выраженія показываютъ повсюду изумленное воображеніе, душу восхищенную и вознесенную превыше самой себя.

10. *Буди слава Господня во вѣки, возвеселится Господь о дѣлѣхъ своихъ. Призираяй на землю, и творяй ю трястися, прикасаяйся горамъ, и дымятся.*

Призираяй на землю.... Подъ симъ разумѣются землетрясенія и огнедышущія горы, коихъ слѣды остались на зем-

номъ шарѣ. Между сими и предыдущими словами находится естественная связь. Пѣснопѣвецъ хочетъ сказать, чтобы Господь радовался во вѣки надъ своими твореніями, и проситъ, чтобы Онъ не разрушалъ впредь земли сильными землетрясеніями и всесокрушающими потоками огня. Сколь высоко выражены сіи страшныя явленія природы! Господь взираетъ на землю во гнѣвѣ: она трясется; касается горамъ: дымятся.

Воспою Господеви въ животѣ моемъ, пою Богу моему, дондеже есмь. Да усладится ему бесѣда моя, азъ же возвеселюся о Господѣ. Да изчезнутъ грѣшницы отъ земли, и беззаконницы, яко же не быти имъ: благослови душе моя Господа.

Вотъ заключеніе! оно состоитъ совершенно въ чувствѣ. Пѣснопѣвецъ, изобразивъ столь высокія картины, дѣлавшія на сердцѣ почти равныя впечатлѣнія, долженъ былъ открыть чувства свои особеннымъ, разительнымъ образомъ.—И сіе окончаніе также исполнено огня, порывовъ и необыкновенныхъ оборотовъ.

Ни въ одномъ изъ свѣтскихъ сочинителей (говоритъ Аб. Батте окончивъ

вышеприведенный разборъ) нѣтъ такихъ *высокихъ изображеній и мыслей*, какія находятся въ Священныхъ пѣснопѣніяхъ—отъ того, что свѣтскіе сочинители не имѣли ни подобнаго основанія въ своихъ матеріяхъ, ни подобнаго духа, который бы оживотворялъ оныя матеріи. Они воспѣвали ложную религію, геройство, худо понимаемое, сраженія, имѣвшія химерическую славу—и не имѣли ни одной искры огня, воспламенявшаго Пророковъ. Словомъ, если Горацій и Пиндаръ были внушаемы природою, то Давидъ и Моисей были внушены самимъ Творцемъ природы....

*

Дабы сдѣлать статью сію и полезнѣе и пріятнѣе, выписываемъ нѣсколько Псалмовъ, преложенныхъ извѣстнѣйшими нашими стихотворцами:

Псаломъ I.

Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста.....

Блаженъ, кто къ злымъ въ совѣтъ не ходитъ,
Не хочетъ грѣшнымъ въ слѣдъ ступать,

И съ тѣмъ, кто въ пагубу приводитъ
Въ единомъ мѣстѣ засѣдать.

Но мысль и волю подвергаетъ
Закону Божію во всемъ
И сердцемъ оный наблюдаетъ
Во всемъ теченіи своемъ.

Какъ древо онъ распространится,
Что близь текущихъ водъ растетъ,
Плодомъ своимъ обогатится,
И листъ его не отпадетъ.

Онъ узритъ слѣдствія поспѣшны
Въ незлобивыхъ своихъ дѣлахъ;
Но пагубой смятутся грѣшны
Какъ вихремъ восхищенный прахъ.

И такъ, злодѣи не возстанутъ
Предъ Вышняго Творца на судъ;
И праведны не воспомянутъ
Въ своемъ соборѣ ихъ отнюдь.

Господь на праведныхъ взираетъ,
И ихъ въ пути своемъ хранитъ;
Отъ грѣшныхъ взоръ свой отвращаетъ
И злобный путь ихъ погубитъ.

Ломоносовъ.

Псаломъ XVIII.

Небеса повѣдаютъ славу Божію, твореніе же руку Его возвѣщаетъ твердь

О славѣ Творческой намъ небеса вѣщаютъ,
И дѣло рукъ Его эфирна твердь явитъ;
День дни и ночи ночь свой голосъ пресылаютъ:
Премѣна стройна ихъ Отца вѣковъ гласитъ.
И нѣтъ словесъ и нѣтъ языка
Гдѣбъ гласы ихъ, что есть Владыка,
Не возвышалися во слышаніе всѣмъ.
Въ предѣлы свѣта отдаленны
Звучатъ ихъ струны напряженны
Несется ихъ глаголъ по всѣмъ земли концемъ.

Онъ солнцу сѣнь воздвигъ во областяхъ Эфира:
Оно, какъ младъ женихъ, весельемъ полна грудь,
Оставя свой чертогъ, грядетъ предъ взоры міра,
Ликуетъ, какъ готовъ подвижникъ славы въ путь.
Востока край его изводитъ,
И западъ съ кротостью исходитъ
Ему во срѣтенье грядущу съ высоты;
Ему торжественно текущу,
Вездѣ веселый блескъ ліющу—
Что можетъ отъ его сокрыться теплоты.!

Въ законѣ Господа пороку быть не можно;
Онъ новую душѣ Собою жизнь даритъ,
Вѣщаніе Творца и вѣрно и неложно:
Оно и отроковъ премудрыми творитъ.
Велѣнія Господни сладость,
Онѣ желанна мыслямъ радость,
И заповѣдь Его очамъ душевнымъ свѣтъ.
Господень страхъ пребудетъ вѣчно;
Онъ чистъ-зерцало онъ сердечно;
Неправоты и лжи въ судьбахъ Господнихъ нѣтъ.
И злата, и всего, что въ свѣтѣ драгоцѣнно,
Онѣ любезнѣе изяществомъ добротъ,
И вожделѣннѣе ихъ сладость несравненно,
Чѣмъ сладость, кою намъ ліетъ и медъ и сотъ;
И я, Твой рабъ, въ нихъ поучаюсь;
Благой надеждою питаюсь,
Что въ исполненьи ихъ мнѣ мзды Твоихъ даровъ.....
Но кто избѣгнетъ преткновеній?
Кто чистъ отъ всѣхъ грѣхопаденій?
Мнѣ, Боже! не вмѣни невѣденья грѣховъ.

И равно волею содѣянныя мною
Мнѣ беззаконія прости и пощади;
Да рабъ не буду имъ, но да владѣть собою,
Ты помощью меня, о Боже! утверди.

*

Тогда, невиненъ и свободенъ,
Во всемъ Тебѣ благоугоденъ,
Обрящу истинно достоинство души.
Спаситель мой, Творецъ, Владыка!
Вѣщанья устъ моихъ, языка,
И сердца помыслы Ты благостью внуши.

Костровъ.

Псаломъ XLV.

Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ обрѣтшихъ ны зѣло....

Богъ намъ прибѣжище и сила,
Помощникъ въ скорбѣхъ, средь враговъ!
Хотя бъ вселенная грозила,
И горы, двигшись съ береговъ,
Въ сердца морскія прелагались;
Не убоюсь—защитникъ Онъ!

Пусть громъ гремитъ, бурюютъ бури
И до небесъ восходитъ понтъ,
Сверкаютъ молньи по лазури
И рдѣетъ черный горизонтъ;
Но рѣкъ кипящихъ устремленье
Увеселитъ лишь Божій градъ.

Богъ посреди — священны стѣны
Не двигнутся Его никѣмъ—.
Со утромъ придутъ перемѣны:
Смятутся вражески тьмы темъ;
Уклонятся престолы, Царства,
Дастъ Вышній гласъ—вздрогнетъ земля.

Господь помощникъ мой, Спаситель—
Придите, зрите чудеса!
Заступникъ, жезлъ и покровитель,
Моя и слава и краса.
Онъ хощетъ — и враждебны сонмы
Оцѣпенѣютъ вкругъ меня.

Съ концевъ земныхъ сотхнетъ Онъ брани,
Лукъ сокрушитъ и копіе;
Блаженныхъ, мирныхъ пожеланій
Исполнитъ наше житіе;
Щиты желѣзны переплавитъ
Въ плуги, серпы и косы Онъ.

И упразднится злоба ада,
И разумѣетъ человѣкъ,
Что небо тѣмъ покровъ, ограда,
Кто въ правдѣ свой проводитъ вѣкъ.
Такъ, Богъ, Господь мой мнѣ заступникъ
И на Него надѣюсь я.

Державинъ.

Псаломъ XLIX.

Богъ Боговъ Господь глагола, и призва землю отъ востокъ солнца до западъ. . , . . .

Кто въ блескахъ молнiи нисходитъ,
Колеблетъ гласомъ горъ сердца,
И взоромъ въ трепетъ все приводитъ?
Природы ль вижу я Творца?
Онъ, онъ.—Се мечъ въ десной сверкаетъ,
А въ шуйцѣ вѣчные вѣсы;
Се къ вамъ, народы, онъ вѣщаетъ—
О грозны, страшные часы!

„Не мни—гласитъ—о родъ строптивый!
Загладить жертвами свой грѣхъ,
Когда во гнѣвѣ судъ правдивый
Приду изрѣчь на смертныхъ всѣхъ.
Что мнѣ до вашихъ всесожженiй,
До вашихъ жертвъ и тучныхъ стадъ;
Богъ пьетъ ли кровь своихъ творенiй?
Безсмертный чувствуетъ ли гладъ?„

„Я всю вселенную объемлю —
И въ длани жизнь ея ношу;
Я вздоху насѣкомыхъ внемлю,
Хощу—и солнце погашу.

Пожри же Мнѣ своей душою,
Очисти совѣсть отъ грѣховъ,
И непорочныхъ устъ хвалою
Да будетъ славимъ Богъ Боговъ.,,

,,Но да прильпнетъ языкъ къ гортани
Твоей, о грѣшный человѣкъ!
Страшись ко мнѣ простерти длани
И не блажи меня во вѣкъ;
Тебѣ ли Бога пѣснословить,
Коль духомъ не живешь о Немъ,
Коль адъ спѣшишь себѣ готовить
Въ порочномъ житіи твоемъ?,,

,,Изъ устъ твоихъ течетъ ядъ лести
И злоба ухищренныхъ змѣй;
Ты брату ковъ творилъ изъ мести,
Корысти раздѣлялъ татей.
О лицемѣры! вѣчноль стану
Я громъ удерживать въ рукахъ?
Вострепещите! гряну, гряну —
И уничтожу яко прахъ!,,

Дмитріевъ.

Псаломъ LXXXI.

Богъ ста въ сонмѣ боговъ, посредѣ же боги разсудитъ. Доколѣ судите неправду и лица грѣшниковъ пріемлете.....

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ:
Доколѣ, рекъ, доколь вамъ будетъ
Щадитъ неправедныхъ и злыхъ?

Вашъ долгъ есть сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

Вашъ долгъ спасти отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защитить безсильныхъ,
Исторгнуть нищихъ изъ оковъ.

Не внемлютъ!—видятъ и не знаютъ,
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

Цари!—я мнилъ—вы Боги властны,
Никто надъ вами не судья;

Но вы, какъ я, подобно страстны,
И также смертны, какъ и я.

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ,
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ.

Воскресни Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли;
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь единъ Царемъ земли.

Державинъ.

Окончимъ статью сію двумя псалмами знаменитаго Іеромонаха Симеона Полоцкаго. Сіе покажетъ какъ степень стихотворства нашего въ его время, такъ и то, какія образцы послужили къ развитію Піитическаго Генія Ломоносова. — О Полоцкомъ можно видѣть въ ст. *Комедія* при описаніи духовныхъ Драматическихъ сочинителей.

Псаломъ CXII.

Хвалите отроцы Господа, хвалите имя Господне

Отроцы, пѣсньми Господа хвалите,
И дѣвы, имя Его вознесите.

Благословенно всегда имя буди
Господне, вѣчно да славяшъ Е люди.
Отъ востокъ солнца, и гдѣ западъ знаешъ,
Всехвально имя Его да бываешъ.
Высокъ надъ всѣми Господь нашъ языки,
И выше небесъ славимъ есть во вѣки.
Кто равенъ тому, иже обитаетъ
Въ небѣ, а низу очи низпущаетъ;
Отъ земли мужа нища воздвизая,
Въ честь высоку дивнѣ возвышая;
Онъ же есть силенъ отъ гноища взяти,
Со Князи людей въ славѣ насаждати:
И неплодную въ домѣ веселити
Матерь, о чадѣхъ веселу творити.

Псаломъ CXXX.

Господи не вознесеся сердце мое.....

Господи, сердце мое
Не бяше высокое;
Ни очи вознесенни
Бяху ми, но смиренни.
Не тщахся великъ быти,
И дивенъ ся явити,
Аще же не смиряхся
Духомъ, но возношахся.

Да буду отдоенну
Подобенъ, ослезенну:
Еже плачъ изливаетъ,
Къ матери возглядаетъ.

На мнѣ месть сія буди.
Божіи въ бозѣ люди,
Выну да уповаютъ:
Дондеже пребываютъ.

ЛИТТЕРАТУРА, или словесность, есть познаніе правилъ и лучшихъ образцевъ въ поэзіи и краснорѣчіи. Человѣкъ, имѣющій сіи познанія, или при знаніи правилъ и образцевъ, упражняющійся въ сочиненіяхъ, называется *Литтераторъ* т. е. любитель Словесности, любословъ и пр. — Мармонтель дѣлаетъ различіе между Литтераторомъ и человѣкомъ ученымъ. *Упражняющійся въ Словесности*, говоритъ онъ, пользуется трудами человѣка ученаго, и ежели, посредствомъ послѣдняго, пріобрѣлъ онъ познанія лучшихъ образцевъ въ поэзіи, въ краснорѣчіи, въ исторіи, въ Философіи, въ политикѣ — то бываетъ совершеннымъ *Литтераторомъ*. Онъ можетъ не знать, что Комментаторы говорили о Гомерѣ, но онъ знаетъ, что говорилъ Го-

меръ; онъ не сличалъ произведеній Ювенала съ Аристофановыми, но читалъ и Ювенала и Аристофана......

ЛОГОГРИФЪ. Слово Логогрифъ составлено изъ двухъ Греческихъ: λόγος, verbum, слово и γρῖπος или γρῖφος, rete, сѣти—*словосѣтіе*, *сѣтословъ*, сѣть поставленная для слова. Griphus, γρῖφος, значитъ также *загадка*. И такъ—

Логогрифъ есть загадка, сокрывающая не вещь, а слово. Когда чрезъ отдѣленіе нѣкоторыхъ буквъ отъ слова, или черезъ переставленіе слоговъ и буквъ, выходятъ другія слова, ясный смыслъ заключающія, и каждое изъ сихъ вновь открытыхъ словъ, также какъ и то, изъ коего произошли онѣ, описываются въ видѣ *загадки* — (см. сіе слово) — то сіе составленіе, сіе цѣлое называется *логогрифомъ*. Цѣлому слову Французы даютъ имя *тѣла* corps, а части онаго, то есть слова произведенныя, называютъ *членами*, membres.

Способнѣйшія для *логогрифовъ* слова суть тѣ, въ которыхъ болѣе заключается малыхъ словъ или *членовъ*. — Выбравъ такія слова сочинитель имѣетъ полную волю начать объясненіемъ ихъ въ такомъ

порядкѣ, какой принять вздумаетъ; однакоже лучше сдѣлаетъ, когда *однородныя* слова, какъ то имена людей, названія животныхъ, растѣній и пр. будетъ помѣщать вмѣстѣ; отъ него же зависитъ начать свое сочиненіе *приступомъ* или безъ онаго. Легкость и шутливость придаютъ большую пріятность *логогрифу*.—На Русскомъ языкѣ логогрифъ можетъ быть писанъ стихами всякаго размѣра, но Ямбическіе, и притомъ вольные, предпочитаются.

Дабы лучше объяснить какъ составляются логогрифы, возьмемъ какое нибудь слово, напримѣръ *кипарисъ;* раздробляя оное, то есть отдѣляя и переставляя буквы и слоги, находимъ слѣдующія рѣченія: *парисъ*, *пассъ*, *парикъ*, *пика*, *парки*, *киръ*, *аписъ*, *паръ*, *кипа*.—Теперь слѣдуетъ приступить къ описанію сихъ рѣченій или *членовъ*. Стихотворецъ начинаетъ сіе краткимъ приступомъ:

Послушайте, друзья! вы въ трехъ слогахъ моихъ
Найдете въ мигъ
На поприщѣ любви извѣстнаго героя,
Которымъ ввергнута была въ погибель Троя (1);
Словцо печальное бостонныхъ игроковъ (2);

Прикрасу головы (3), оружье козаковъ (4);
Трехъ сестръ, могущихъ во мгновенье
Разрушишь радость и мученье (5);
Персидскаго Царя (6), Египтянъ божество (7);
То вещество,
Которое изъ водъ всечасно вылетаетъ (8);
Что съ кучею почти одно же означаетъ (9);

Потомъ описывается цѣлое, называемое *тѣломъ*:

А цѣлое мое, скажу теперь я вамъ,
Склоняетъ къ горестнымъ мечтамъ
И аромапы льетъ по окрестнымъ мѣстамъ.

Сей логогрифъ вообще можетъ послужить надлежащимъ образцемъ въ сочиненіи сего рода загадокъ.—Онъ написанъ Г. *Покровскимъ*.

Слѣдующій логогрифъ, означающій слово *муха*, составленъ чрезъ отдѣленіе отъ *цѣлаго* по одной буквѣ:

Всегда изъ четырехъ частицъ я составляюсь
И кровію людей, какъ хищный звѣрь, питаюсь.

Вотъ опредѣленіе *цѣлаго*.—Надлежитъ замѣтить, что для удобнѣйшей отгадки, въ логогрифахъ при опредѣленіи *цѣлаго* почти всегда означаютъ число составляю-

щихъ оное слоговъ, называя ихъ *гастями.* —Впрочемъ сіе не почитается необходимымъ правиломъ, только бы непремѣнно было *опредѣленіе.* — Части или члены сего логогрифа такъ описаны:

Когда же голову отнимешь отъ меня,
Увидишь, иногда питаю и тебя,

То есть *уха*, извѣстное кушанье.

Когда же по поламъ меня ты раздѣляешь,
То въ смѣхъ вторую часть мою употребляешь.

Сіе значитъ *ха*.

Когда же только хвостъ одинъ ты мой возмешь,
То въ азбукахъ его и даже здѣсь найдешь

То есть букву *А*.

Сей логогрифъ написанъ въ подражаніе Лапинскимъ; каковы слѣдующіе:

1. Nil erimus, totas si vis existere partes;
Omnia (scinde caput) Lector amice, sumus.

S—omnia

Si caput est, currit, nec non cum ventre volavit.
Adde pedes, comedes; et sine ventre bibes.

Mus-ca-tum.

2. Primum tolle pedem, tibi fient omnia fausta;
Inversum, quid sim dicere *nemo* potest.

N—omen.

Сей тѣмъ еще любопытнѣе, что заключаетъ и обратное значеніе слова; но слѣдующій долженъ обратить бо́льшее вниманіе:

3. Cortice sub gelido reserant mea viscera flammam.
A capite ad calcem resecare ex ordine membra
Si libeat, varias assumam ex ordine formas:
Spissa viatori jam nunc protenditur umbra;
Nunc defendo bonos et amo terrere nocentes;
Mox intrare veto; sum denus denique et unus.
Unica si defit mihi cauda, silere jubebo.

Silex, ilex, lex, ex, x, sile.

Послѣдній логогрифъ написанъ Г. Ла Кондаминомъ, тѣмъ самымъ, который извѣстенъ своими Астрономическими и Физическими наблюденіями.

Вотъ еще одинъ Латинскій логогрифъ, составленный чрезъ преложеніе слоговъ, и потому принадлежащій равномѣрно и къ *Анаграммѣ*:

4. Quem mea praeteritis habuerunt maenia saeclis
Vatem, si vertas, hoc modo habent.

Maro—Roma

На Русскомъ языкѣ появились логогрифы, также какъ и шарады (см. сіе слово) въ началѣ текущаго столѣтія. Для удовольствія читателей нашихъ выписываемъ нѣсколько логогрифовъ изъ разныхъ Періодическихъ изданій:

I.

Пишите *Логогрифъ*, сказалъ мнѣ журналистъ—
Съ охотою. — И такъ подайте
Чернильницу, перо, бумаги листъ. —
Смотрите жъ, отгадайте!
Прошу лишь только не бранить,
Когда пріятнаго здѣсь не найдете слога:
Вѣдь логогрифъ не шутка сочинить!
Хотя черезъ него къ безсмертью не дорога,
Хотя писателей такихъ стиховъ
Пускаютъ на Парнасъ—не далѣе порога;
Однакожъ *логогрифъ* готовъ.
Послушайте: въ немъ три лишь слога,
А больше дюжины различныхъ словъ!
Вы въ немъ могильное найдете украшенье (1);
Писанье Готфскихъ мудрецовъ (2);
Вещь славную, которой лишь рѣченье
Осталось для пѣвцовъ (3);
И то, чѣмъ молодцовъ

Никто не называетъ (4);
И также даръ, который отличаетъ
Поэта отъ писцовъ (5).
Вамъ скучно? нѣтъ, не торопитесь,
А на себя получше оглянитесь:
Вы землю роете и то сыскать трудитесь,
Чего премножество у васъ въ рукахъ (6);
Что носятъ многіе изъ насъ на головахъ
И часто слышимъ мы на карточныхъ играхъ (7)....
Вотъ нашихъ воиновъ любимый крикъ раздался (8)!
Врагъ человѣчества, свободы (9) побѣжденъ!
Какъ вихремъ деревца частица (10) воздымался
И въ положеніе безродныхъ (11) приведенъ!
Смотрите, вотъ мадамъ здѣсь кстати показалась,
Которая своимъ писаньемъ отличалась (12)....
Теперь словъ парочка еще осталась,
И вы отъ берега недалеки!
Узнавъ старинное названіе рѣки,
Которая въ Россіи протекаетъ (13),
И что зимой бѣлью отмѣнно помогаетъ (14),
Достигли наконецъ.—Пора и отгадать!
Еще для ясности намѣренъ вамъ сказать,

Что въ *цѣломъ* можете узнать
Животное—и доброе и злое,
Съ умомъ и съ глупостью; не самое большое,
А многоплодное: живетъ лишь для дѣтей,
Которыми друзья по добротѣ своей
Его нерѣдко надѣляютъ;
Которыхъ по рукамъ другіе разбираютъ,
Которые, скажу вамъ наконецъ,
Почти всегда скорѣе умираютъ,
Чѣмъ ихъ отецъ.

2.

Читатель! обо мнѣ извѣстны всѣ народы;
Во мнѣ игру найдешь, что вышла ужъ изъ моды,
Увидишь сколько ты высокимъ сотворенъ,
И то, чѣмъ для рѣчей съ другими одаренъ.
Частицу изъ меня ты часто выметаешь,
Другую ты казнишь, а третьей убѣгаешь;
Большая жъ часть моя придворнымъ отдана.
Во мнѣ орудье зришь, чѣмъ каждая страна
Себя отъ голоду всегда предохраняетъ;
Во мнѣ и то найдешь, что слухъ собой плѣняетъ.—
Ну, знаешь ли теперь? постой, еще скажу:
Я часто, признаюсь, людей съ ума свожу,

Учу ихъ иногда и прогоняю скуку,
А болѣе всего имъ доставляю муку;
Скажу, чтобы скорѣй меня ты отгадалъ,
Ты вѣрно безъ меня сего бы не читалъ.

3.

Такова росту я бываю,
Какова хочетъ мой отецъ.
Ему я прибыль доставляю
И даже иногда безсмертія вѣнецъ
Черезъ меня онъ получаетъ,
А онъ меня за то въ оковы заключаетъ,
То къ дереву, то къ камню прикуетъ
И воли не даетъ.
Возможно ли съ дѣтьми такъ обходиться строго?
Скажу вамъ, что во мнѣ достоинствъ очень много,
И множество вещей могу представить вамъ:
Веревку толстую, и съ ней огонь потѣшный,
И то, что по гнилымъ находится водамъ;
И то, куда никакъ попасть не можетъ грѣшный.
Взгляните на меня, и вашимъ въ мигъ глазамъ

Представится чудовище морское
Претолстое и пребольшое,
И тутъ же маленькая тварь
Впередъ и взадъ ходячая поволѣ;
Когдажъ разсмотрите поболѣ,
Вамъ явится Персидской Царь
Несчастный въ бранномъ полѣ;
И наконецъ
Съ братоубійцею предстанетъ
Нѣмецкой тутъ мудрецъ. —
Но кто разсматривать такъ долго станетъ!
Скажу еще: во мнѣ увидите вещь ту,
Которая приводитъ въ нищету;
Другую на войнѣ не рѣдко получаютъ....
Но вѣрно, ужъ теперь читатели скучаютъ
И просятъ перестать —
Съ охотою!—извольте отгадать.

Значатъ сіи Логогрифы: 1) *Журналистъ*—тутъ находятся слова *урна*. *руна*, *лира*, *старъ*, *жаръ*, *жила*, *туръ*, *ура*, *тиранъ*, *листъ*, *сиръ*, *Жанлисъ*, *Ра*, *настъ*.—2) *Стихотворство*. Въ семъ словѣ: *вистъ*, *ростъ*, *ротъ*, *соръ*, *воръ*, *ровъ*, *хитрость*, *сохи*, *хоръ*. — 3) *Картина*—здѣсь *канатъ*, *ракита*, *тина*, *рай*, *китъ*, *ракъ*, *Киръ*, *Каинъ*, *Кантъ*, *карта*, *рана*.

М.

МАДРИГАЛЪ. Небольшое сочиненіе въ стихахъ: нѣкоторый родъ Епиграмы; тѣмъ только отличается отъ нее, что Епиграма бываетъ колка и язвительна, или лучше сказать, употребляется къ осмѣянію какой либо странности, а *Мадригалъ* обращается наиболѣе къ похвалѣ, и что въ немъ острая мысль, обыкновенно при концѣ выражаемая, должна непремѣнно раждаться отъ нѣжности и чувствительности. — Разность сію удачно показалъ Г. Дмитріевъ въ стихахъ на одного стихотворца:

Поэтъ Оргонъ хваля жену свою не въ мѣру,
Въ стихахъ своихъ ее съ Венерою сравнялъ—
Безъ умысла женѣ онъ сдѣлалъ *Мадригалъ*
 И *Епиграму* на Венеру.

Неизвѣстно отъ чего произошло названіе *Мадригала*: нѣкоторые производятъ оное отъ Испанскаго городка сего имени, такъ какъ слово *Водевиль* отъ Вирской долины (Val-de-vire или Vaux-de vire); но такое словопроизведеніе не можетъ показаться удовлетворительнымъ. Древніе не

знали слова *Мадригалъ*, сказалъ одинъ Литтераторъ, но многія мѣлкія сочиненія Анакреона, Сафы, Овидія, Тибулла и Катулла, по пріятности своей, могли бы почесться прекраснѣйшими *Мадригалами*; новѣйшимъ писателямъ принадлежитъ честь изобрѣтенія сего слова: за то какъ мало мы видимъ теперь хорошихъ *Мадригаловъ*!

Мадригалъ на Рускомъ языкѣ пишется по большей части вольными Ямбическими стихами, однакожъ всякая мѣра употреблена быть можетъ; заключается иногда въ двухъ стихахъ, иногда въ четырехъ, шести и т. д. но не долженъ имѣть болѣе двѣнадцати. Слога требуетъ легкаго и пріятнаго—и можно ли употребить другой слогъ въ такомъ сочиненіи, которое, по словамъ Буало, *дышетъ пріятностію, нѣжностію и любовію.*

Мы имѣемъ нѣсколько весьма хорошихъ примѣровъ для *Мадригала*:

Ты въ мрачномъ Октябрѣ родилась—не весною,
Чтобъ сѣтующій міръ утѣшенъ былъ тобою.

Карамзинъ.

Когдабъ всесильнымъ быть природа мнѣ судила,

Я бъ одарилъ тебя любезностью, умомъ,
Душъ нѣжныхъ свойствами, плѣнительнымъ лицомъ—
Но, мудрая, она меня предупредила.

Милоновъ.

Любуяся на дняхъ собою
Амуръ предъ зеркаломъ стоялъ
И съ роду онъ своей красою
Еще довольнѣй не бывалъ;
Но хвастунишка ошибался,
Онъ былъ передъ простымъ стекломъ
И Софьи красотой плѣнялся,
Къ стеклу подкравшейся тайкомъ.

Кн. Вяземскій.

По чести, отъ тебя не можно глазъ отвесть;
Но что къ тебѣ влечетъ?—загадка не понятна!
Ты не красавица, я вижу а пріятна!
Тыбъ лучше быть могла, но лучше такъ какъ есть.

Дмитріевъ.

На подаренную цѣпочку.

Какъ прелестью своей красы,
Равно искуствомъ ты плѣняешь:

Цѣпочку—вяжешь на часы,
А цѣпь—на сердце налагаешь.

Г. Салтыковъ.

Ты хочешь, другъ мой, знать:
Любовь моя къ тебѣ надолголь продолжится?
Страшусь тебѣ сказать!....
Но должно мнѣ во всемъ открыться:
Та страсть, которая пылала въ насъ,
Во мнѣ, быть можетъ, прекратится
Чрезъ день, или чрезъ два—кто знаетъ смерти часъ!

N. N.

Прелеста!—я сказалъ, что ты не хороша;
Что одѣваться ты со вкусомъ не умѣешь;
Сказалъ, что ты ума ни капли не имѣешь,
Что сверхъ того еще дурна твоя душа;
Сказалъ—а для чего?—я не запрусь и въ этомъ:
Хотѣлъ, для рѣдкости, поспорить съ цѣлымъ свѣтомъ.

П. Сумароковъ.

Темира шумный свѣтъ плѣняетъ красотой,
Лариза гордая искуствомъ въ одѣяньи,
Блестящая умомъ Клодина—остротой,
И Лиза ловкостью чудесной въ танцованьи—

А ты? имъ скрытый путь—ты путь къ серд-
цамъ нашла:
Мила въ поступкахъ, въ разговорѣ,
Мила въ простомъ уборѣ,
Въ небрежности мила!
Я торжествующей Темирой восхищаюсь,
Ларизѣ убранной невольно удивляюсь,
Клодины умъ съ восторгомъ я хвалю,
Любуюсь Лизою: тебя—тебя люблю.

N. N.

Къ * * *

Которая хотѣла испортить часы.

Ахъ, Лиза! мнѣль за то сердиться,
Что хочешь ты часы испортить, изломать?
Тѣмъ лучше: я не буду знать,
Когда съ тобою разлучиться.

Дмитріевъ.

Нѣкоторые Русскіе стихотворцы, какъ то Тредіаковскій, Сумароковъ (А. П.), Николевъ, писали *Мадригалы* на разные торжественные случаи, на примѣръ, находимъ *Мадригалы* на взятіе Бендеръ, на побѣду при Кагулѣ, а Тредіаковскій написалъ даже *Мадригалъ* въ похвалу Аудіенцъ-залѣ, или

по его Орфографіи *Салѣ.* Сей Мадригалъ напечатанъ въ книгѣ Тредіаковскаго *Новый и краткій способъ къ сложенію Россійскихъ стиховъ въ С. П. Б. 1735.* Зная, что сію книгу рѣдко нынѣ видѣть можно, и надѣясь по многимъ причинамъ доставить читателямъ удовольствіе, выписываемъ сей *Мадригалъ:*

Слава воспоетъ больше ужъ крылата,
Коль Монарша здѣсь сала есть богата;
Пирамиды нежъ пѣла та Мемфійски,
Дивнаго труда стѣны Ассирійски,
Нежели Царя Томбъ высокъ Мавзола,
Отъ Ефесска честь такъ же богомола
Діанѣ, чей храмъ чудно былъ приправный;
Про Фаросъ свѣтящій,
Нежъ верьхомъ горящій;
Дельскъ, иль про кумиръ, что Аммоновъ, славный;
Нежъ огромность, сверхъ, Родскаго ужасну
Колосса, и красну.
Но чтобы воспѣть, коль велика АННА,
Въ Монархиню намъ Богомъ что избранна,
И пречудна коль вся Ея держава:
Свѣта, но всего, развѣ можетъ слава.

Безъ сомнѣнія, Буало, прочитавъ сей Мадригалъ, не сказалъ бы

Jl respire la douceur, la tendresse et l'amour.

МАКАРОНИЧЕСКІЙ. Родъ шуточной поэзіи, состоящій въ смѣшеніи разноязычныхъ словъ съ простонародными.

Иные полагаютъ, что сіе названіе произошло отъ Италіанскаго слова *macarone*. значущаго грубой, простой человѣкъ; а другіе производятъ оное отъ макароновъ (à macaronibus), почитаемыхъ простолюдинами за превосходное кушанье, и которые приготовляясь съ разными приправами, образуютъ нѣкоторую *смѣсь*.

Въ примѣръ макароническаго слога приводятъ слѣдующіе стихи, написанные отъ лица хвастливаго воина:

Enfilavi omnes scadrones et regimentos.

или сіи:

Archeros pistoliferos furiamque manantum
Et grandem esmeuvtam quae inopinum facta Ruellae est,
Toxinumque alto troublantem corda clochero.

Слѣдующіе Италіано-Латинскіе стихи также принадлежатъ къ сему роду стихотворства. Они сочинены Ганимедомъ Са-

вериномъ. Латинскіе взяты изъ Виргилія:

Gli honor non canto del rapito Ideo,
Ne laude ad Imeneo di nozze vago,
Legiferae Cereri, Phaebo, patrique Lyeo,—*Екл. 4.*
Qui Ninfa non è già di fiume, o lago,
Di selva, campo, prato, o di piagge erte,
Saturnusque senex, Janique bifrontis imago.—*Екл. 7.*

Изобрѣтеніе сего стихотворенія приписываютъ Бенедиктинскому монаху *Феофилу Фоленгію*, жившему въ Мантуѣ около 1520 года.

На Русскомъ языкѣ нѣтъ стиховъ *Макароническихъ*; развѣ почесть оными слѣдующіе, написанные для шутки Княземъ И. М. Долгорукимъ:

De l'inconstance adieu приманки!
Femme je prends, полно дурить;
Jolis tendrons, сердца тиранки!
Plus n'est permis мнѣ васъ любить и пр.

И сіи его же:

Dès ce moment j'arrive отъ дяди,
A sa campagne обѣдалъ я;
De me revoir, ахъ! вы не ради;
Votre froideur крушитъ меня;

Mais si vous dites останься съ нами,
Quel bonheur будетъ для того,
Qui veut à tout moment быть съ вами,
Pour qui vous êtes милѣй всего.

МЕЖДУДѢЙСТВІЕ или *Антрактъ*. Симъ именемъ называются въ театральномъ представленіи промежутки между актами или отдѣленіями, коимъ дано у насъ securing названіе *дѣйствій*.

У Грековъ театръ никогда почти пустъ не былъ; междудѣйствія наполнялись хорами.

Должно замѣтить, что въ *антрактахъ* прерывается только вниманіе зрителя, но не самое дѣйствіе (actio): предполагается, что лица тогда дѣйствуютъ; и между тѣмъ, какъ актеръ отдыхаетъ за кулисами, надобно почитать его дѣйствующимъ. Поэтъ долженъ распредѣлить происшествія въ своемъ сочиненіи такимъ образомъ, чтобъ онѣ не прерывались между однимъ актомъ и другимъ, и чтобы зрители знали, или по крайней мѣрѣ догадывались о томъ, что происходитъ во время *антракта*.

Театральное дѣйствіе часто имѣетъ неизбѣжную обширность, пустыя и скуч-

ныя подробности, а зритель ничего такъ не опасается, какъ непріятнаго такого позорища: для сего авторъ предлагаетъ ему однѣ только происшествія привлекательныя, скрывая въ *антрактахъ* все то, что можетъ доставить скуку.—Съ *Антрактами* сопряжена еще сія выгода, что происшествіямъ предполагаемымъ въ оныхъ, даютъ болѣе времени, нежели тѣмъ, кои глазамъ представлены бываютъ.—См. *Драма*.

МЕЛО-ДРАМА есть Драматическое сочиненіе, въ которомъ музыка выражаетъ тѣ же самыя душевныя движенія, кои были предъ тѣмъ выражены словами. По сему она имѣетъ свою увертюру, какъ Опера, и въ промежуткахъ разговора дѣйствующихъ лицъ, равно какъ и послѣ каждаго отдохновенія въ Монологѣ, музыка играетъ речитативъ, соотвѣтствующій смыслу того, что было сказано. Не рѣдко речитативъ замѣняется одними только аккордами, приличными словамъ Монолога. Слово Мелодрама есть Греческое и составлено изъ *μέλοσ*, *голосъ*, *пѣніе*, и *δράμη*, *дѣйствіе*. Содержаніе сихъ Мелодрамъ по большой части берется или изъ ужасныхъ и

рыцарскихъ романовъ, или изъ истинныхъ, но чудесныхъ и необыкновенныхъ произшествій; часто даже изъ волшебныхъ сказокъ. Лучшими писателями въ семъ родѣ почитаются Жильберъ-Пикзерекуръ (Gilbers Pixérécours) и Викторъ, сочинитель, Мелодрамы: *Калась.* Нравственная цѣль большей части сихъ Мелодрамъ, прекрасныя декораціи, довольно хорошіе балеты, музыка и нерѣдко пѣніе, дѣлаютъ сей родъ драматическихъ представленій пріятнымъ. Мы имѣемъ многіе переводы Мелодрамъ, по большей части передѣланныхъ или въ драмы, или въ оперы. Таковы на пр: *Сорока Воровка*, *Обріева Собака*, *Убійца* и *Сирота* и т. п. Сюда можно также причислить недавно данное на Петербургскомъ театрѣ Романтическое представленіе: *Иваной.*

Къ роду Мелодрамъ должно отнести и *Мимодрамы*, въ которой дѣйствіе состоитъ отчасти въ разговорахъ, отчасти же въ Мимическихъ движеніяхъ по музыкѣ. Изобрѣтатели сего новаго рода драмы Гг: Франкони, кои ввели въ число дѣйствующихъ лицъ, живыхъ лошадей, дѣлающихъ эволюціи, падающихъ и умирающихъ на сценѣ. Музыка, балеты, военныя эволюціи,

сраженія, пѣніе и декораціи, служатъ равномѣнно украшеніемъ сихъ піесъ и приманкою для простолюдимовъ вотъ названія нѣкоторыхъ Мимодрами: *Солдатъ земледѣлецъ, смерть Клебера, смерть Понятовскаго, Золотые часы и пр.*

МЕТАЛИПСИСЪ. Въ Риторикѣ, тропъ рѣченій. Слово сіе взято изъ Греческаго языка и происходитъ отъ предлога μετὰ, через, означающаго въ словосочиненіи *перемѣну*, и отъ λαμβάνω, понимаю, разумѣю. Изъ сего выходитъ, что *Металипсисъ* даетъ понимать другое, нежели что представляетъ собственный смыслъ рѣченія; но какъ это есть свойство всякаго тропа, то *Металипсисъ* опредѣляютъ такимъ образомъ, что онъ есть перенесеніе слова чрезъ одно, два, или три знаменованія отъ своего собственнаго, которыя одно изъ другаго слѣдуютъ, и по оному разумѣются. На пр:

Какъ десять жатвъ прошло, взята пространна Троя.

Здѣсь через жатву разумѣется лѣто, а через лѣто цѣлой годъ.—Или: *помнить* союзъ, вмѣсто хранить; *знать* Бога вм.

бояться. — *Я не узнаю тебя*, вм. ты перемѣнился.

МЕТАМОРФОЗИСЪ см. *Превращеніе*.

МЕТАПЛАСМЪ. Слово Греческое: μεταπλασμος, transformatio, преобразованіе; отъ глагола μεταπλάσσω, transformo, преобразую; составлено изъ предлога μετα, trans, пре, чрезъ, и простаго глагола πλασσω, formo, образую: — Общее названіе всѣхъ перемѣнъ, бывающихъ въ словахъ по какой нибудь причинѣ, какъ то для избѣжанія стеченія многихъ гласныхъ или согласныхъ, для уменьшенія или умноженія слоговъ, составляющихъ стопы и пр. По сему *Метаплаcмъ* бываетъ трехъ родовъ: 1) по прибавленію, 2) по убавленію, и 3) по перестaвкѣ. Метаплaсмъ по прибавленію дѣлается въ началѣ, въ срединѣ, или на концѣ слова, и составляетъ три фигуры: *Просфезу*, *Епенфезу* и *Парагогъ*. См. сіи слова. — Метаплaсмъ по убавленію производитъ также три фигуры: *Аферезисъ*, *Синкопе* и *Апокопе*. См. сіи слова. — Наконецъ Метаплaсмъ по перестaвкѣ или по перемѣнѣ бываетъ, когда изъ одной двоегласной дѣлаются два слога, или когда

соединяются два слога въ одинъ, или когда буквы бываютъ переставляемы; изъ сего происходятъ четыре фигуры: *Дiерезисъ*, *Метафезисъ*, *Сокращенiе* (contractio) и *перемѣна* (commutatio). См. сiи слова. — Всѣ различныя свойства Метапласма объяснены въ слѣдующихъ стихахъ:

Prosthesis apponit capiti, sed *Aphaeresis* aufert;
Syncope de medio tollit, sed *Epenthesis* addit;
Abstrahit *Apocope* fini, sed dat *Paragoge*:
Ut valet in binas difflare *Diaeresis* unam,
Haud aliter binas *contractio* cogit in unam;
Littera si legitur transposta, *Metaphesis* exstat;
Si mutata fuit, tunc *Commutatio* vera est.

Сюда же принадлежитъ дѣлаемый иногда въ Латинскихъ стихахъ *выпускъ*, Elysio, Simaloephe, состоящiй въ томъ, когда выпускается гласная литера и наиболѣе e для уменьшенiя числа стопъ, или для приведенiя словъ въ извѣстный размѣръ.

МЕТАФЕЗИСЪ, metathesis, transpositio, родъ Метапласма; слово сiе происходитъ отъ μετα, trans, чрезъ, и τιθημι, pono, кладу, полагаю: преложенiе, переставленiе, переставка. Состоитъ въ томъ, когда буквы въ словѣ полагаются не въ первопроизвод-

номъ порядкѣ. Такъ Виргилій (Aen. X. 394) сказалъ:

Nam tibi, *Tymbre*, caput Evandrius abstulit ensis.

Вмѣсто *Tymber*, какъ написано тремя стихами выше, и это, по примѣчанію Сервія, сдѣлано для мѣры стиха, metri causâ. Также употребляется *Teucre* вм. *Teucer*, *corcodillus* вм. *crocodilus* и пр.—См. *Метаплясмъ*.

МЕТАФОРА, въ Риторикѣ, тропъ реченій. — Метафора есть переносъ реченія отъ собственнаго знаменованія къ другому, для изъясненія нѣкотораго между ними подобія; что бываетъ: 1) когда реченіе приличное бездушной вещи придается живошному, на пр. *каменное* сердце, *твердой* человѣкъ, мысли *колеблются*. 2) Когда реченіе, надлежащее къ одушевленной вещи придается бездушной, на пр: *угрюмое* море, *лице* земли, луга *смѣются*. 3) Когда слово отъ бездушной вещи къ бездушной же переносится, на пр: *въ волнахъ кипящій песокъ, небо звѣздами разцвѣтаетъ*, и 4) когда реченія переносятся отъ одушевленныхъ къ одушевленнымъ вещамъ, на пр: *парящее воображеніе, алчный взоръ, лающій Зоилъ*.—Чрезъ сіе идеи пред-

ставляются великолѣпнѣе и живѣе, нежели просто. При чемъ наблюдать должно: 1) чтобы Метафоръ не употреблять чрезмѣру часто, но токмо въ пристойныхъ мѣстахъ, ибо излишне стѣсненныя въ рѣчь переносныя слова больше оную затмѣваютъ, нежели возвышаютъ. 2) Къ вещамъ высокимъ и важнымъ непристойно переносить реченій отъ вещей низкихъ и подлыхъ, на пр. *небо плюетъ* не хорошо сказать вм. *дождь идетъ;* но ежели вещи, отъ которыхъ слово переносится, не очень низки, то могутъ быть еще возвышены именами прилагательными: такъ ежели *громъ* назвать *трубою*, то будетъ Метафора низка, однако съ прилагательнымъ *труба небесная* употреблена быть можетъ. 3) къ низкимъ и подлымъ вещамъ также непристойно переносить реченія отъ высокихъ и важныхъ, на пр. *громогласный комаръ*. 4) Чтобы Метафоры сообразовались съ натурою, а принужденность, неясность, суть погрѣшности нестерпимыя въ ономъ тропѣ, на пр. если бы кто сказалъ *у него Везувій въ груди* для означенія человѣка снѣдаемаго любовію, то бы погрѣшилъ противъ правилъ сего тропа, также бы какъ и въ

сихъ реченіяхъ *омою руки мои во волнахъ власовъ твоихъ* вм. выдеру тебя за волосы. 5) Когда бываетъ нѣсколько Метафоръ вмѣстѣ, то надобно стараться, чтобъ не было въ нихъ такихъ идей, кои соединены быть не могутъ, на пр. если бы кто говоря объ ораторѣ сказалъ *онъ подобенъ часъ отъ часу болѣе воспламеняющемуся источнику*, то Метафора была бы несправедлива, ибо *пламя* и *вода* не могутъ быть совокупны. Противъ сегоже погрѣшилъ авторъ, который въ одѣ къ герою написалъ:

Въ десницу взявъ перунъ ты шествуй льву
подобно.

Надлежалобы лучше сказать *подобно Юпитеру*, ибо понятіе о *львѣ* нимало не согласуется съ понятіемъ о вооруженіи его перуномъ или громомъ. 6) Надлежитъ избѣгать Метафоръ иностранныхъ, несвойственныхъ языку нашему, какъ на пр. на Латинскомъ языкѣ можно сказать *ad radicem montis*, но на Россійскомъ *при корнѣ горы* не говорится, а употребляется *при подошвѣ*; или Французскую Метафору *le coup d'oeil* странно было бы видѣть переведенною *ударъ ока* вм. *взглядъ*, также

faire les doux yeux, дѣлать сладкіе глаза, вм. умильно взглядывать, и пр.—

Метафору можно смягчать сими словами: *такъ сказать*, *ежели можно* или *позволено такъ сказать*, *выразить*, *объясниться*, на пр: искуство должно быть, ежели позволено такъ сказать, *привито къ натурѣ*: натура поддерживаетъ искуство и служитъ ему основаніемъ, а искуство украшаетъ и дѣлаетъ натуру совершеннѣе.

Слово Метафора есть Греческое, происходитъ отъ *μετὰ*, что значитъ *черезъ* и отъ *φόρω* ношу, и такъ *μεταφορὰ*, собственно означаетъ *переносъ*.

МЕТОНИМІЯ. Въ Риторикѣ тропъ реченій. Состоитъ въ томъ, когда вещей, имѣющихъ между собою нѣкоторое соотношеніе, имена взаимно переносятся, или, какъ другіе опредѣляютъ, *Метонимія* есть тропъ, въ которомъ слово, вмѣсто понятія, заключающагося въ собственномъ его значеніи, выражаетъ другое, имѣющее съ первымъ нѣкоторое соотношеніе. — Что бываетъ: 1) когда принимается причина за самое дѣйствіе, на пр: *жить своею работою* т. е. покупать что либо на деньги, получаемыя за работу; *у него прекра-*

сная рука вм. онъ прекрасно пишетъ (рукою). Язычники думали, что Церера научила людей сѣять хлѣбъ, а Бахусъ научилъ дѣлать вино, по сему хлѣбъ называли они иногда Церерою, а вино Бахусомъ. Виргилій сказалъ: *Implentur veteris bacchi*, старой Бахусъ, вм. стараго вина, или Терренцій говоритъ *Sine Cerere et Libero friget Venus*, (Eun. IV. 5), безъ Цереры и безъ Бахуса скучаетъ Венера, а сіе значитъ: о любви тогда не думаютъ, какъ не чѣмъ жить.—По Метонимiи же называется *Іаковомъ*, *Ізраилемъ*, *Іудою* народъ Іудейскій; сюдаже принадлежатъ и сіи выраженія *Имѣете Моисея и Пророковъ*; *читаете Гомера*, *Виргилія* вм. ихъ твореній.—2) Когда принимается дѣйствіе за причину, на пр: Овидій говоритъ, что *гора Пеліонъ тѣни не имѣетъ* nec habet Pelion umbras, то сіе значитъ, что тамъ нѣтъ деревъ, составляющихъ причину тѣни, и тѣнь, которая есть дѣйствіе деревъ, взята здѣсь за самыя деревья. — Поэты говорятъ *блѣдная смерть* отъ того, что смерть дѣлаетъ блѣднымъ. 3) Содержащее за содержимое.— Ломоносовъ сказалъ

Востокъ и льдистый Океанъ
Свои колѣна преклоняютъ.

т. е. люди живущіе на востокѣ и при Ледовитомъ Океанѣ.—Говорятъ *гнѣздо птицъ* вм. самыхъ птицъ въ гнѣздѣ находящихся, и въ просторѣчіи: *онъ любитъ чарочку*, т. е. любитъ вино, наливаемое въ чарку. 4) Имя мѣста, гдѣ вещь дѣлается, берется за самую вещь. — Фаянсъ есть городъ въ Италіи; тамъ нашли особенный родъ глины для дѣланія различной посуды, которую называютъ фаянсовою; теперь говорятъ, что прекрасной *фаянсъ* дѣлается въ Голландіи, въ Руэнѣ, въ Кіевѣ. — Сюда же принадлежитъ названіе винъ, на пр. медокъ, шато-лафитъ и пр. 5) Признакъ вмѣсто самой вещи. На пр. Орелъ вм. Россійской Имперіи, Луна вм. Турціи, сѣдина вм. старости.

О Россъ! твоя лишь добродѣтель
Такихъ великихъ дѣлъ содѣтель,
Лишь твой *Орелъ луну* затмилъ....

6) Когда дѣйствіе или свойство принято будетъ вмѣсто дѣйствующаго, на пр. *убійство* достойно смертной казни вм. убійца достоинъ... отъ *злобы* погибаю, вм. отъ злыхъ людей. 7) Когда вмѣсто вещи полагается тотъ, кто ею владѣетъ:—На пр: у Виргилія Jam proximus ardet Ucalegon (Aen.

II. 32), горитъ Укалегонъ, вм. домъ Укалегона.

Слово Метонимія составлено изъ μετὰ, чрезъ, пере.... и отъ ὄνομα имя: перемѣна имени.

МЕТРЪ. Въ поэзіи называется симъ именемъ всякая стопа или мѣра, входящая въ стихосложеніе. Аристидъ опредѣляетъ метръ *системою стопъ*, составленныхъ изъ разныхъ слоговъ извѣстнаго числа. Въ семъ смыслѣ *метръ* значитъ тоже, что *родъ стиховъ*, genus carminis. Наука о метрахъ называлась у Римлянъ *Ars metrica*. Слово сіе значитъ на Греческомъ языкѣ *мѣра*.

МЕТРИЧЕСКІЙ. Такъ называется стихъ, заключающій извѣстное число стопъ, состоящихъ изъ долгихъ и краткихъ слоговъ, или *имѣющій стопы*, каковы на примѣръ, стихи Греческіе, Латинскіе и нынѣшніе Русскіе; но прежніе наши стихи, каковы Кантемировы и его современниковъ, также какъ Польскіе, Французскіе и пр. называются *Силлабическими*, ибо не стопы, но число слоговъ, въ себѣ заключаютъ.—См. *Стихосложеніе*.

МИКТЕРИЗМЪ. Родъ Ироніи. — *См. сіе слово.*—Употребляется тогда, когда о комъ либо говорится съ большимъ пренебреженіемъ: имѣетъ большое сходство съ *Сарказмомъ.*—С. с. сл.—Μυκτηρισμὸς, пишетъ Воссій (partit. orat. IV. X. 6.) fit quum naso suspenso quempiam subsannamus: quod et nomen indicat; nam μυκτυρ, nasus.—Сіи слова *naso suspenso* очень хорошо описываютъ положеніе гордеца, поднимающаго носъ, дабы смотрѣть съ пренебреженіемъ на тѣхъ людей, которыхъ хочетъ онъ унизить передъ собою.

МИМИЗИСЪ, родъ Ироніи, которою повторяютъ совершенно все то, что другой сказалъ, съ подражаніемъ тѣлодвиженію и голосу, дабы сказанное обратить чрезъ то въ посмѣяніе.

Мимизисъ есть имя Греческое: Μιμησις значитъ *подражаніе*, но подражаніе Ироническое, насмѣшливое.—Сія фигура часто употребляется нынѣ въ Комедіяхъ, какъ прежде составляла главнѣйшее свойство *мимъ*, что показываетъ и самое ея названіе.

МИМІЯМБЪ. Родъ стиховъ Ямбическихъ, употребляемыхъ въ Мимахъ.

МИМИЧЕСКІЙ. Принадлежащій къ Мимамъ.

МИМОДРАМА.—См. *Мелодрама.*

МИМЫ. У древнихъ Мимами назывались шуточныя театральныя представленія, въ которыхъ съ дерзостію подражали дѣяніямъ, рѣчамъ, голосу и даже тѣлодвиженіямъ какой либо извѣстной особы. Онѣ употреблялись обыкновенно между актами.—Греческое слово *μιμέομαι*, значущее *подражатель*, подало поводъ къ сему названію.

Плутархъ (Simp. Lib. VII. probl. 8.) раздѣляетъ представленія Мимическія на два рода. Однѣ именовались *ὑποθέσεις*, были благопристойны и приближались къ Комедіи; другія назывались *παίγνια* и заключали въ себѣ шалости и дерзкія шутки.

Изобрѣтателемъ благопристойныхъ и нравственностію исполненныхъ *Мимъ* почитаютъ Сиракузца Софронія, жившаго во времена Ксеркса. Увѣряютъ, что Платонъ съ удовольствіемъ читалъ *Мимы* сего писателя.

Мимы нравились также и Римлянамъ: онѣ употреблялись даже при похоронахъ. Взявшій на себя такое представленіе

шелъ передъ гробомъ, изображая тѣлодвиженіями дѣянія и нравъ покойника.

МНОГОСОЮЗІЕ, polycyndeton. Въ Риторикѣ фигура реченій. Состоитъ въ томъ, когда многія реченія или части періода союзомъ *и* соединяются. На прим: *и* малые, *и* великіе, *и* старые, *и* младые, *и* богатые, *и* убогіе, хвалятъ добродѣтель, но не всѣ послѣдуютъ ей.

У Жуковскаго въ сочиненіи *пѣвецъ во станѣ Рускихъ воиновъ:*

Внимайте! въ полѣ шумъ глухой!
Смотрите, станъ воспрянулъ,
И кони ржутъ, грызя бразды,
И строй сомкнулся съ строемъ,
И вождь летитъ передъ ряды,
И пышетъ ратникъ боемъ.

Или въ Трагедіи Озерова *Фингалъ:*

Со мною говорятъ *и* вѣтровъ страшный ревъ,
И моря грозный шумъ, *и* томный скрытъ деревъ.

Сей фигурѣ противополагается *Безсоюзіе.* —См. сіе слово.

МОЛЕНІЕ, прошеніе, или умоленіе.

Deprecatio, obsecratio.—Въ Риторикѣ фигура предложеній: есть представленіе сильнаго хотѣнія съ уклонностію предъ тѣмъ лицемъ, къ которому оное относится, на пр. въ переведенной Востоковымъ Кантатѣ, *Цирцея* говоритъ:

Виновникъ моего мученья!
Ахъ, возврапись въ страну сію!
Не о любви тебя молю;
Приди хотя изъ сожалѣнья
Кончину ускоришь мою.

И у Державина въ одѣ на *Счастіе*:

Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое,
Сокровище и божество!
Слети, причти къ твоимъ любимцамъ....

Искуство сей фигуры состоитъ въ томъ, чтобы представлять предметы самые удобнѣйшіе къ умилостивленію или къ приведенію въ жалость.

МОЛОССЪ или *Тримакръ*. Симъ именемъ называется въ Греческой и Латинской поэзіи стопа, состоящая изъ трехъ долгихъ слоговъ; на примѣръ: cantabant, vir-

tutem, σῶτεσθαι; шелъ, сталъ, палъ. Знакъ ея: — — —.

Слово сіе произошло или отъ *Молоссовъ*, Епирскаго народа, или отъ того, что въ храмѣ Юпитера *Молосскаго* пѣты были *имны*, въ коихъ сія стопа наиболѣе употреблялась, или отъ стиховъ дѣланныхъ въ честь *Молоссу*, сыну Пирра и Андромахи. Иные производятъ сіе названіе отъ того, что *Молоссы* отправляясь на сраженіе пѣли воинскую пѣснь, въ которой всѣ почти стихи составлены были изъ слоговъ долгихъ. Древніе называли еще стопу сію volumnius, extemipes, hippius и chanius. (Denis. III. 475). — Стопа, противоположная *Молоссу*, состоящая изъ трехъ краткихъ слоговъ (◡ ◡ ◡) называется *Триврахій*. См. сіе слово.

МОНОЛОГЪ. Когда дѣйствующее лице бываетъ на театрѣ одно и говоритъ, то сія рѣчь называется *Монологомъ*. — См. *Драма*.—Отъ μόνος одинъ, и λόγος слово.

МОНОМЕТРЪ. Стихъ, заключающій одинъ метръ, т. е. одну какую либо мѣру или стопу. Стихъ *одномѣрный*. Отъ μόνος одинъ и μετρον мѣра.

МОНОРИФМЪ. Монорифмомъ, или по произношенію Французовъ *Моноримомъ* (monorime) называется сочиненіе, написанное на одну рифму.—*Монорифмъ* сочиняется по большей части для шутки и правила особеннаго не имѣетъ. Слово сіе происходитъ отъ слова *рифма* и отъ *μόνος* одинъ.—Примѣромъ можетъ служить слѣдующій, написанный на заданныя рифмы:

Разсужденіе

О жизни, смерти и любви.

Чѣмъ я начну теперь? я вижу, что *баранъ*
Нейдетъ тутъ ни къ чему, гдѣ рифма *барабанъ*;
Вы лучше дайте мнѣ зальцъ-вассеру *стаканъ*
Для подкрѣпленья силъ; вранье не *алкоранъ!*
Извѣстно вамъ, друзья, что галка не *фазанъ*
И что въ поэтахъ я козакъ, а не *Гетманъ;*
Но васъ душей люблю и это не *обманъ.*
Разсмѣйтесь, я счастливъ. Послушайте! — *Арманъ.*
Былъ доброй человѣкъ. Что наша жизнь? *романъ!*
Онъ часто говорилъ. Что наша смерть! *туманъ.*
А лучше что всего? бифстексъ и *лабарданъ.*

А еслижъ я умру, пусть трупъ мой хищный *вранъ*,
Какъ хочешъ, такъ и ѣстъ; смерть, грозный *великанъ*,
Уноситъ все съ собой. И дубъ и *маранъ*,
И червь и человѣкъ въ рукахъ ея—*воланъ*,
Поймаетъ въ мигъ она и спрячетъ въ свой *карманъ*;
Оттуда неуйдешь ни въ Лондонъ, ни въ *Миланъ*.
Арманъ мой справедливъ; смерть лютый звѣрь, *кабанъ*,
Гіенна, Леопардъ; могила не *диванъ*;
Когда подумаю, что лѣзть мнѣ въ *чемоданъ*,
Что тамъ изчезнетъ все, и голова и *станъ*,
Поморщусь и вздрогну. Я въ *Музулипатанъ*
Согласенъ хоть сей часъ; пройду *Меридіанъ*,
Но пусть я буду живъ! пусть жизни *караванъ*
Въ дорогѣ будетъ ввѣкъ. Французъ и *Молдаванъ*
Твердятъ, что смерти путь и труденъ и *пещанъ*;
А въ жизни мило все, крапива и *тюльпанъ*.
Живу, люблю, горю. Амуровъ мнѣ *капканъ*
Не страшенъ никогда; уродливый *Вулканъ*

И Марсъ и Аполлонъ, Добрыня и *Полканъ*
Амура чтили всѣ; стамедъ и *тарлатанъ*,
Прекрасно все на той, которой онъ *колчанъ*
И стрѣлы далъ свои. Амуръ—*Левіафанъ!*
Въ романахъ говоритъ извѣстный *де Трессанъ;*
Амуръ, богъ радостей, гласитъ намъ *Унцельманъ.* *)
Прекрасной вѣрю *я.* И Грекъ и *Музульманъ*
Готовы въ ротѣ быть, Эротъ гдѣ *Капитанъ;*
Захочетъ сильный богъ, красавецъ и *губанъ!*
Пойду съ Темирой *я* въ огонь и въ *Океанъ.*

В. Пушкинъ.

Бываютъ еще Монорифмы *сложные*: въ нихъ сочетаваются двѣ рифмы. — Въ сочиненіяхъ Голенищева-Кутузова находимъ цѣлую Епистолу, написанную такимъ образомъ, что каждая строфа, состоя изъ 16 стиховъ, имѣетъ 8 одинакихъ рифмъ:

Строфа 1.

Ты мнѣ велишь, любезный другъ!
Чтобъ *я* къ тебѣ писалъ стихами;
Читай *же* вздоръ, когда досугъ,

*) Актриса въ Германіи.

Когда не занятъ ты дѣлами.
Хоть сталъ я смысломъ очень тугъ,
Чтобъ знаться съ чистыми сестрами;
Онѣ въ число пріемлютъ слугъ
Головки съ бѣглыми умами;
Какъ камень сталъ мой мозгъ упругъ
Томясь надъ рифмами, стопами;
Ни неба сводъ, ни лѣсъ, ни лугъ,
Не грѣютъ лиры со струнами;
Но развѣ дружество огнями
Разширитъ мой стѣсненный кругъ;
Обильна дружба чудесами!
Она творитъ Піита вдругъ.

Строфа 3.

Прошло то время дорогое,
Какъ я въ цвѣтущей былъ веснѣ,
Какъ, сидя въ сладостномъ покоѣ
Съ природою наединѣ,
Смотря на поле золотое
Терялся мыслей въ глубинѣ,
Трава, иль деревцо какое,
Казалось, все внушало мнѣ
Стихосложеніе простое
Въ честь дружбѣ, славѣ, тишинѣ,

Хореи, ямбы въ сладкомъ строѣ
Являлись мнѣ и въ самомъ снѣ;
Но нынѣ ужъ совсѣмъ другое!
Къ осенней ближусь я странѣ,
Прогнавъ мечтаніе слѣпое,
Что льстило, вижу то во снѣ.

Строфа 4.

Приближась вѣка къ серединѣ,
Какой-то гласъ твердитъ всегда:
Мой другъ! о будущей судьбинѣ
Размыслить должно иногда;
На что, и по какой причинѣ
Пришелъ ты странствовать сюда?
На толь, чтобъ быть въ великомъ чинѣ
Безъ дарованій, безъ труда?
Или бродить въ лѣсу, въ долинѣ,
Не знавъ что скука и бѣда?
Или при знатномъ господинѣ
Тереться, ползать завсегда?
Сластей валяться въ гнусной тинѣ
Себѣ и ближнимъ для вреда,
И даже о своей кончинѣ
Въ чаду не мыслить никогда? и пр.

Монорифмы, или однорифменные стихи, съ успѣхомъ употреблены быть могутъ между другими и въ большихъ поэмахъ, сочиняемыхъ *вольными* стихами, и заключающихъ матерію веселую, либо шуточную. — Въ поэмѣ Богдановича *Душенька* нерѣдко встрѣчаются такіе стихи. На пр:

Но всѣ, при каждомъ шагѣ
Встрѣчали новый страхъ:
Ужасныя *пещеры*
И къ верху крутизны,
И въ безднѣ глубины,
Безъ вида и безъ *мѣры*;
Инымъ являлись тамъ *Мегеры*,
Инымъ летучи *Дромадеры*,
Инымъ Драконы и *Церберы*,
Которы ревами, на разные *манеры*,
Глушили слухъ,
Мутили духъ........

Пѣснь 1.

Амуры, кои тутъ Царевну окружали,
И устъ улыбками и радостьми *очесъ*,
Отвсюду тѣ слова согласно подтверждали.
Не въ долгомъ времени, Зефиръ ее *вознесъ*

Къ незнаемому ей селенію *небесъ*,
Поставилъ средь двора, и вдругъ отполь *изчезъ*.
Какая Душенькѣ явилась тьма *чудесъ*!
Сквозь рощу миртовыхъ и пальмовыхъ *древесъ*
Великолѣпные предстáвились чертоги.....

П. 2.

Венера здѣсь *тайкомъ*!
Бѣжитъ отъ всякой чести!
Венера за *столбомъ*!
Венера подъ *платкомъ*!
Венера въ сарафанѣ!
Пришла сюда *пѣшкомъ*!
Во храмъ вошла *тишкомъ*!
Конечно съ *пастушкомъ*....

П. 3.

См. *Баллада* и *Буриме*.

МУЖЕСКІЙ. Мужеская рифма. — См. *Рифма*.

МѢЛКІЯ или *мѣлочныя* стихотворенія. —Симъ именемъ называются разныя небольшія сочиненія въ стихахъ, какъ то: Пѣсенки, Епиграмы, Мадригалы, Сонеты и пр.

МѢРА. То же самое что *Метръ.* — См. сіе слово.

МЫСЛЬ. Мысль есть представленіе чего либо въ умѣ; выраженіе есть представленіе мысли словами.

Мысли бываютъ различныхъ видовъ:

1. *Общія, обыкновенныя*—которыя свойственны всякому здравомыслящему человѣку, которыя раждаются отъ самаго предмета безъ всякаго усилія, и служатъ, такъ сказать, основною нитью всякаго прозаическаго или стихотворнаго сочиненія. Ихъ можно уподобить тѣмъ обыкновеннымъ и однообразнымъ мѣстамъ, кои не представляютъ путешественнику ничего достойнаго вниманія, и не производятъ въ немъ ни отвращенія, ни удовольствія.

2. *Рѣзкія* или *быстрыя*—изображающія предметъ въ немногихъ словахъ. Онѣ поражаютъ умъ слушателя поспѣшно, съ быстротою, или такимъ же образомъ уничтожаютъ представляемыя противъ нихъ возраженія. Такова мысль въ отвѣтѣ Фингала на слова Старна: ты въ областяхъ моихъ—*Я здѣсь не въ первый разъ.* Сіи мысли называются иногда *сильными.*

3. *Высокія.*—Сіи мысли имѣютъ одинаковое свойство съ вышепоказанными, то есть, рѣзкими или быстрыми: онѣ также не терпятъ распространенія, а отличаются единственно важностію своего предмета, ибо по большей части изображаютъ всемогущество Божіе, доблести героевъ, торжество добродѣтели и пр.—См. *Высокое.*

4. *Богатыя*—изображаютъ не только самый предметъ, но также образъ его существованія, и другіе предметы, имѣющіе съ нимъ какую либо связь. Отъ рѣзкихъ или быстрыхъ мыслей то имѣютъ отличіе, что не требуютъ въ выраженіи большой краткости. Примѣромъ можетъ служить стихъ Озерова въ Трагедіи *Едипъ въ Афинахъ.*

Есть громы . . . но въ сей часъ на небѣ тишина.

Здѣсь Антигона описываетъ не одну естественную тишину, но и медленность, оказываемую въ то время богами въ наказаніи несправедливыхъ враговъ отца ея.

5. *Смѣлыя*—которыя, выходя изъ границъ обыкновеннаго порядка вещей, поражаютъ своею чрезвычайностію. Такъ у

К. Долгорукаго сказано, что подъ старость нашу Природа

Перешептавшись съ небесами -
Въ аптеку выучитъ ходить.

Впрочемъ сіи мысли требуютъ отъ сочинителя величайшей осторожности: невѣрное уподобленіе, преувеличенная Иперболa, и другія подобныя погрѣшности, весьма легко могутъ сдѣлать ихъ *смѣшными*, или, лучше сказать, достойными осмѣянія.

6. *Острыя.*—Такъ называются тѣ мысли, которыхъ изъ предшествовавшихъ предложеній никакъ не можно было ожидать: сія нечаянность составляетъ главнѣйшее ихъ свойство. Острымъ мыслямъ весьма много способствуетъ *умѣдленіе*, которое, возраждая въ читателѣ нетерпѣніе, дѣлаетъ чрезъ то самую мысль разительнѣе.—Мысли сіи могутъ быть и *нѣжными*, и *пріятными*, и *язвительными*. Примѣры можно видѣть въ Мадригалахъ, Епиграммахъ и другихъ мѣлкихъ стихотвореніяхъ.

7, *Новыя* — которыя представляютъ или совершенно неизвѣстныя понятія, или уже извѣстныя, но въ новомъ видѣ, въ новыхъ оборотахъ. Примѣры такихъ

мыслей предоставляемъ находить самимъ читателямъ, убѣждая ихъ при томъ не забывать, что и мысли и обороты *новые*, по естественному порядку вещей, также дѣлаются *старыми*.

8. *Простыя*, или отъ простодушія происходящія.—Сіи требуютъ отъ сочинителя величайшаго искуства, наиболѣе потому, что онъ обязанъ сокрыть въ нихъ искуство. Съ какимъ простодушіемъ признается у Крылова *любопытный*, что онъ, разсматривая въ Кунтскамерѣ и букашекъ и козявокъ, *не замѣтилъ слона!*— Басни Хемницера также изобилуютъ сими мыслями.

9. *Шуточныя*—иногда представляютъ самые величественные предметы въ выраженіяхъ обыкновенныхъ и даже простонародныхъ:

> Юнона только лишь узнала,
> Что сѣлъ на корабли Еней,
> Какъ бѣшеная заплясала....

Иногда употребляется въ нихъ сравненіе, или уподобленіе вещей, не имѣющихъ, по видимому, никакого между собою соотношенія:

Раздувшись мѣсяцъ, какъ волынка,
Свѣтилъ намъ выпуча глаза.....

Осиповъ.

Иногда дѣлаетъ ихъ таковыми несообразность съ правдоподобіемъ:

Уснулъ—и мнѣ земля представилась столомъ,
Всѣ горы сдѣлались кувшинами съ виномъ,
И небо въ окорокъ Вестфальской превратилось.....

И даже слишкомъ замѣтная точность или истина:

Моя отчизна въ той странѣ,
Въ которой я на свѣтъ родился;
Когдабъ отецъ мой не женился,
Не быть бы, говорятъ, и мнѣ.....

Лишь только я отсталъ отъ мамы,
Въ любви успѣхи я нашелъ:
За мной всегда ходили дамы,
Когда я передъ ними шелъ..... и пр.

Не смотря на сіи различные виды, каждая мысль требуетъ естественности и правдоподобія. Сочинитель наиболѣе обязанъ удерживать сіи качества при упо-

требленіи Метафоръ, Иперболъ, сравненій —и никогда не уклоняться отъ правила, предписывающаго соразмѣрять свойства Физическія съ нравственными: однѣ только *шуточныя* мысли могутъ быть исключены изъ сего правила, однакожь и сіи чѣмъ болѣе заключаютъ въ себѣ естественности и правдоподобія, тѣмъ болѣе нравятся.

Н.

НАДГРОБІЕ, надгробная надпись.—См. *Епитафія*.

НАДПИСЬ. Надпись есть краткое чего либо замѣчательнаго описаніе, какъ то вещи, дѣянія, особы; иногда же заключается въ ней одно только выраженіе чувствій сочинителя.

Надлежитъ наблюдать, чтобы въ *надписи* помѣщены были такія описуемаго предмета принадлежности, коими онъ наиболѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе, и коими отличается отъ всѣхъ прочихъ предметовъ.

Надписью сіе сочиненіе называется потому, что оно дѣйствительно бываетъ *надписано* на своемъ предметѣ, или на изображеніи онаго, или покрайней мѣрѣ пишется въ такомъ видѣ, какой бы имѣло оно, если бы надписано было на предметѣ.

Источниками для изобрѣтенія *надписи* бываютъ свойства и дѣйствія вещи или особы.—Ясность, краткость и многозначительность суть главнѣйшія достоинства *надписи*.

Какъ *надпись* дѣлается съ тѣмъ предположеніемъ, что всякой будетъ читать ее *мимоходомъ*, то по сему и должно быть ей краткою и ясною. Бываютъ *надписи* въ двухъ или трехъ словахъ состоящія, но заключающія въ себѣ смыслъ обширный — какова на примѣръ слѣдующая на монументѣ:

ПЕТРУ I. ЕКАТЕРИНА II.

Что касается до правдоподобія, то сочинитель до невѣроятности возвысившій или унизившій свой предметъ, лишается у читателя довѣрія, и слѣдственно не производитъ въ немъ желаемаго своею надписью дѣйствія.

Надпись требуетъ также естественности слога, ибо она должна казаться не-

произведеніемъ размышленія и труда, но внезапнымъ изліяніемъ рожденныхъ въ сочинителѣ чувствованій. Впрочемъ, въ такомъ краткомъ сочиненіи никакая вообще погрѣшность не простительна.

Слѣдующія надписи могутъ служить образцами:

Къ портрету ПЕТРА Великаго.

Россія тьмой была покрыта много лѣтъ;
Богъ рекъ: да будешъ ПЕТРЪ! и бысть въ
России свѣтъ.

Херасковъ.

— Суворова.

Се Россъ, Авгарянъ бичъ, Сарматовъ покоритель,
Защитникъ Австріи, Италіи спаситель.

Дмитріевъ.

— ЕКАТЕРИНЫ Второй.

Вселенну слава пролетая
Велитъ рѣшить вопросъ вѣкамъ:
По имени она *Вторая*
Но кто же *первый* по дѣламъ?

Державинъ.

— *Кн. Я. Ѳ. Долгорукаго.*

Коварство, хитра лесть его страшились взора;
Любя отечество, онъ правду богомъ чтилъ;
Безстрашно какъ герой въ совѣтахъ говорилъ;
Царю былъ вѣрный другъ, народу былъ подпора.

N. N.

—*Ѳеофана Прокоповича* *).

Россійской церкви столпъ, совѣта мудрый мужъ,
Философъ, Богословъ, Историкъ, Пастырь душъ;
Витійствомъ словъ его до днесь Россія блещетъ:
ПЕТРОВЫМЪ похваламъ вселенна совосплещетъ.

Державинъ.

—*М. М. Хераскова.*

Пускай отъ зависти сердца въ Зоилахъ ноютъ;
Хераскову они вреда не принесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ, щитомъ его покроютъ,
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Дмитріевъ.

*) См. ему же надпись въ ст. *Комедія*, въ примѣчаніи.

— Г. Р. Державина.

Державинъ въ сихъ чертахъ блистаетъ!
Потребно ли здѣсь больше словъ
Для тѣхъ, которыхъ восхищаетъ
Честь, правда и языкъ боговъ?

Дмитріевъ.

— Къ монументу ПЕТРА I.

Колоссъ Родосскій, днесь смири свой гордый видъ!
И Нильски зданія высокихъ пирамидъ
Престаньте болѣе считаться чудесами!
Вы смертныхъ бренными содѣланы руками.
Нерукотворная здѣсь Росская гора,
Внявъ гласу Божію изъ устъ ЕКАТЕРИНЫ,
Пришла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины
И пала подъ стопы Великаго ПЕТРА.

Рубанъ.

Однакожъ не одно удивленіе или уваженіе къ знаменитымъ подвигамъ и лицамъ должно быть источникомъ надписи: дружба и любовь также бываютъ причиною сихъ произведеній. — У Дмитріева находятся сему примѣры:

1.

Что мнѣ объ ней сказать?
Къ другимъ и я бывало
Легко могъ надписи писать;
Но милую хвалить, какъ ни хвали, все мало.

2.

Вотъ милый всѣмъ творецъ! иль сердцемъ, иль умомъ
Грозитъ тебѣ онъ плѣномъ:
Въ Аркадіи онъ былъ счастливымъ пастушкомъ,
Въ Афинахъ Демосфеномъ.

Надписи Карамзина къ статуѣ Купидона отличаются пріятностію и остротою. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

На голову.

Гдѣ трудится голова,
Тамъ труда для сердца мало,
Тамъ любви и не бывало,
Тамъ любовь однѣ слова.

На глазную повязку.

Любовь слѣпа для свѣта
И кромѣ своего

Безцѣннаго предмета
Не видитъ ничего.

На сердце.

Любовь Анатомистъ: гдѣ сердце у тебя,
Узнаешь полюбя.

На палецъ, которымъ грозитъ Купидонъ.

Награда скромности готова:
Будь счастливъ—но ни слова!

На руку.

Не вѣрь любовнику, когда его рука
дерзка.

На крыло.

Амуръ летаетъ для того,
Чтобъ милую найти для сердца своего:
Нашедши, крылья оставляетъ—
Уже ему въ нихъ нужды нѣтъ—
Летать позабываетъ
И съ милою живетъ.

На стрѣлу, которую Амуръ беретъ въ руку.

Страшитесь: прострѣлю!
Но вы отъ раны не умрете;

Лишь только взглянете, вздохнете,
И скажете: люблю.

На ногу.

Когда любовь безъ ногъ? какъ надобно идти
Отъ друга милаго, сказавъ ему: прости!

На спину.

Стою всегда лицомъ къ красавцамъ молодымъ,
Спиною къ старикамъ сѣдымъ.

Сюда же принадлежитъ и сія, написанная Дмитріевымъ къ Амуру:

Ктобъ ни былъ ты, пади предъ нимъ!
Былъ, есть, иль долженъ быть владыкой онъ твоимъ.

Иногда *надписи* пишутся для шутки или въ насмѣшку и въ такомъ случаѣ принимаютъ видъ настоящей Епиграмы. Таковы слѣдующія Дмитріева:

1.

Глядите: вотъ Ефремъ! домовый нашъ маляръ.
Онъ въ списываньи лицъ имѣлъ чудесный даръ,
И кисть его всегда надъ смертными играла:
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

*

2.

И это человѣкъ?
О времена! о вѣкъ!

3.

Какой ужасный, грозный видъ!
Мнѣ кажется, лишь скажетъ слово:
Законы, тронъ, все пасть готово—
Не бойтесь! онъ на дождь сердитъ.

И сіи:

Къ изображенію добродѣтельной Римлянки, питающей въ темницѣ старца собственнымъ своимъ молокомъ.

Какъ глупы въ старину бывали передъ нами!
У насъ и матери дѣтей не кормятъ сами.

А. Измайловъ.

Къ портрету добраго поэта.

Онъ участь горькую несчастныхъ облегчалъ:
Прочтя его стихи, страдалецъ засыпалъ.

Ивановъ.

Древніе художники сочиняли надписи къ своимъ произведеніямъ, иногда не очень скромныя. Вотъ двѣ, находящіяся въ Афи-

нeѣ (кн. XII. стр. 548), написанныя на Греческомъ языкѣ стихами:

1.,, Паразій писалъ сію картину. Онъ любилъ веселость и добродѣтель. Отечествомъ его былъ Ефесъ, отцемъ Евеноръ. Истинный сынъ Греціи, всѣхъ превосходилъ онъ въ своемъ искуствѣ.,,

2.,, Не всѣ повѣрятъ мнѣ, однакожъ я не боюсь говорить. Хвала кисти моей! искуство доведено до послѣдней степени совершенства. Никто не прейдетъ чрезъ тотъ рубежъ, на которомъ я остановился. Ахъ! когда произведеніе рукъ человѣческихъ бывало превыше всякой критики!,,

Надобно при семъ замѣтить, что Греки и Римляне во многихъ случаяхъ совсѣмъ не заботились о ясности *надписей*— особенно послѣдніе. Употребляемыя ими сокращенія требуютъ великихъ усилій для уразумѣнія смысла *надписи.* Сіи сокращенія состояли или въ вензеляхъ, чрезъ превращеніе многихъ буквъ въ одну фигуру, или въ протяженіи гласной на концѣ, дабы одною чертою означить двѣ разныя гласныя, или наконецъ въ опущеніи нѣсколькихъ буквъ въ срединѣ слова. Такъ какъ Римскія надписи встрѣчаются чаще, нежели Греческія, то не безполезно ка-

жется привести здѣсь нѣсколько таковыхъ для примѣра съ показаніемъ значенія.—A. AN. Aulus, Annus. Aedilis.—B. D. D. bonis Deabus. — C. V. P. V. D. D. communi voluntate Publice votum dedicarunt.—H. S. E. Hic situs est. — O. H. S. S. Ossa hic sita sunt. и проч. См. Ручн. кн. Кошанскаго.

Прим. у древнихъ всѣ роды надписей, кромѣ надгробныхъ, называемыхъ Епитафіями, заключались подъ однимъ наименованіемъ *Епиграмъ*.—См. *Епиграма*, *Епитафія*.

НАКЛОНЕНІЕ, Polyptoton, Traductio. Въ Риторикѣ фигура реченій; состоитъ въ томъ, когда одно слово въ разныхъ временахъ или падежахъ нѣсколько разъ повторяется. На пр. *люблю* правду всемъ сердцемъ, какъ всегда *любилъ* и *любить буду* до смерти; или: не навижу *его*, гнушаюся *имъ*, *онъ* взору моему несносенъ, *ему* предъ лицемъ моимъ быть недостойно.

НАПРЯЖЕНІЕ. Incrementum. Въ Риторикѣ фигура предложеній; состоитъ въ томъ, когда нѣсколько важныхъ мыслей принадлежащихъ къ матеріи, въ одномъ періодѣ помѣщаются. На пр: республику,

Римляне, и жизнь вашу, движимое и недвижимое имѣніе, женъ и дѣтей вашихъ, и сію преславныя Имперіи столицу, преблагополучный градъ и прекрасный, безсмертныхъ боговъ высочайшею къ вамъ любовію, трудами, совѣтами и бѣдами моими изъ пламени и оружія и почти изъ самыхъ челюстей конечныя пагубы нынѣ изхищенный и вамъ сохраненный и возвращенный видите.—Изъ 3. Циц. сл. противъ Катилины.—Или:

Въ сей день блаженная Россія,
Любезна небесамъ страна,
Въ сей день отъ высоты святыя
ЕЛИСАВЕТЪ тебѣ дана,
Воздвигнути ПЕТРА по смерти,
Гордыню сопостатовъ стерти
И въ ужасъ оныхъ привести,
Отъ грозныхъ бѣдъ тебя избавить,
Судьей надъ царствами поставить
И выше облакъ вознести.

Ломоносовъ.

НАТУРА, или Природа *изящная*.—Изящная натура есть натура украшенная, усовершенствованная искуствомъ.

Люди, наскучивъ единообразностію предметовъ, видимыхъ ими въ натурѣ *простой*, прибѣгли къ *изобрѣтенію*, къ *творчеству*, дабы чрезъ то доставить себѣ новыя понятія и новыя ощущенія, могущія способствовать къ возвышенію ума или къ услажденію вкуса. Для сего стали они выбирать лучшія части натуры и составлять цѣлое по собственному своему желанію—цѣлое, совершеннѣйшее нежели сама натура, но при томъ не престающее быть натуральнымъ. Вотъ основаніе искуствъ, называемыхъ *изящными!* вотъ цѣль, которую знаменитые во всѣхъ вѣкахъ художники себѣ предполагали! избравъ какой либо предметъ, они представляли его во всемъ возможномъ совершенствѣ; они подражали натурѣ не въ дѣйствительномъ ея видѣ, но въ такомъ, въ какомъ быть она можетъ, то есть какою можно ее представить себѣ въ воображеніи.—См. статью *Поэзія*.

Въ отношеніи къ искуствамъ можно раздѣлить *натуру* на двѣ части: одною наслаждаются посредствомъ глазъ, другою посредствомъ слуха; прочія чувства наши не могутъ плѣняться изящными искуствами. Къ первой части относятся живо-

пись, ваяніе, и тѣлодвиженіе, составляющее отрасль двухъ преждеозначенныхъ искуствъ, и отличающееся отъ нихъ одною *живостію*, ибо какъ полотно живописца, такъ и марморъ ваятеля, изобразивъ одно избранное мгновеніе, остаются навсегда неизмѣнными, но тѣлодвиженія, видимыя нами въ характерныхъ пляскахъ, въ балетахъ, бываютъ такъ сказать одушевлены и могутъ принимать разные виды.

Ко второй части принадлежатъ *музыка*, соединенное съ нею *пѣніе*, и наконецъ *поэзія*, употребляющая слова, расположенныя по извѣстному размѣру.—

Можно утвердительно сказать, что подражаніе *изящной* природѣ воспріяло начало свое въ Греціи. Всѣ прежнія произведенія искуствъ у прочихъ народовъ заслуживаютъ вниманіе единственно или по чрезмѣрной величинѣ, или по трудности, какой требовали онѣ для совершенія: разборчивой вкусъ не находитъ въ нихъ ни малѣйшей пріятности. Это были произведенія Титановъ. Греки первые почувствовали, что гораздо лучше плѣнять нежели удивлять: отъ того во всѣхъ родахъ изящныхъ искуствъ они оставили намъ образцы превосходнѣйшіе.

Римъ сдѣлался ученикомъ Греціи. Удивленный чудесными ея произведеніями, захотѣлъ подражать ей — и сіе подражаніе неменѣе прославило его, какъ и успѣхи оружія.

Послѣдующія происшествія извѣстны. Варвары опустошили Европу, искуства изчезли, и не были видны въ ней до того времени, какъ по изгнаніи изъ Константинополя возвратились опять въ Италію. Тогда одушевились кости Горація, Виргилія, Цицерона; тогда увидѣли древность со всѣми прелестями юности. Новые художники стали подражать древнимъ, общее одобреніе произвело соревнованіе, а сіе умножило таланты: изящныя искуства снова показались во всемъ своемъ блескѣ.... и повсюду распространились.

НАТУРАЛЬНЫЙ. Естественный, сходный съ натурою (съ природою, естествомъ).—*Натуральнымъ* въ словесности называется все то, гдѣ не видно нималѣйшей принужденности ни въ расположеніи сочиненія, ни въ описаніи характеровъ, ни въ выборѣ словъ,—гдѣ не выказывается искуство, или излишнее желанье нравиться. — *Magna ars est non apparrere artem.*

Великое искуство состоитъ въ сокрытіи искуства.

НЕНІА. См. *Епикедіонъ.*

НРАВСТВЕННОСТЬ, или нравоученіе. —Всякое сочиненіе и въ прозѣ и въ стихахъ, должно имѣть цѣлію или удовольствіе, или пользу для ума, или наконецъ нравоученіе, то есть, пользу для сердца; особливо въ твореніяхъ важныхъ послѣднее должно быть соблюдаемо непремѣнно. Иногда нравоученіе представляется прямо, иногда же сочинитель заставляетъ самихъ читателей извлекать оное, какъ на примѣръ въ басняхъ и въ другихъ сочиненіяхъ Аллегорическихъ, но дѣйствіе нравоученія и въ семъ случаѣ бываетъ не менѣе.

Державинъ въ своемъ *Разсужденіи о Лирической поэзіи* такъ говоритъ о нравоученіи:

„По той ли причинѣ, что поэзія языкъ боговъ, голосъ истины, проліявшей свѣтъ на человѣковъ, что всѣ почти древніе вожди и законодатели, какъ то, Божественный Моисей, языческіе Орфей, Бахусъ, Озиридъ, Зороастръ, Брамго, Солонъ, Оденъ,

наконецъ Магометъ и многіе другіе были поэты, и законы свои изрекали стихами, или по чему другому; но только извѣстно, что во всѣхъ народахъ и во всѣхъ вѣкахъ принято было за правило, которое и по нынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣтуютъ они въ Словесности всякаго рода проповѣдовать благочестіе, или науку нравовъ. Особливо находятъ болѣе къ тому способною Лирическую поэзію, вразсужденіи ея краткости и союза съ музыкою, чѣмъ удобнѣе она затверживается въ памяти, и забавляя, такъ сказать, просвѣщаетъ царства. Китайцы и нѣкоторые другіе народы начинаютъ тѣмъ воспитаніе дѣтей, что заставляютъ ихъ затверживать наизусть стихотворные отрывки, или краткія наставительныя пѣсни. Индейцы, Браминской секты, до того довели сіе употребленіе, что знатнаго поколѣнія беременнымъ женщинамъ напѣваютъ набожные или нравоучительные стихи, увѣряя, что яко бы души младенцевъ, въ утробѣ еще сущихъ, напоются благочестіемъ посредствомъ душъ материнскихъ. Подлинно ли это такъ, не утверждаю; но вижу и въ *Сколіяхъ* древнихъ Грековъ, что и при

самыхъ ихъ забавахъ и веселыхъ пиршествахъ наставленія изъ виду выпускаемы не были. Первобытные славные Лирики, до насъ дошедшіе, то свидѣтельствуютъ. Дикіе даже, бѣдность и угнѣтеніе терпѣвшіе Скальды, не смотря на лица сильныхъ, пѣли ихъ народамъ и обладателямъ разительныя, но полезныя истины. Ихъ иногда гнали, потому ли, что правды міръ не терпитъ, или что непріятенъ пророкъ въ отечествѣ. Едуардъ I. Король Англійскій даже истреблялъ ихъ! но напротивъ того, добрые Государи, Отцы отечества, любившіе доблесть и благочестіе, ихъ при себѣ содержали, уважали ихъ пѣсни, хвалились ими. Пѣснопѣвцы вездѣ при нихъ бывали, даже въ походахъ и въ самыхъ сраженіяхъ. Они ободряли ихъ самихъ и воинство къ мужественнымъ подвигамъ, и къ презрѣнію смерти. Словомъ: древній вдохновенный сѣверный Скальдъ былъ изступленникъ вѣры, законовъ, вольности, славы, чести, любви къ отечеству и вѣрности своему Государю. Держа въ рукахъ лиру и воспѣвая пѣсни метался онъ между ужасами и опасностями, проповѣдуя добродѣтель. Полуденный Бардъ былъ тоже; Псалтирь наполнена благочестіемъ.

Самый первый Псаломъ не иное что, какъ нравоученіе. Пророкъ вдохновенный (vates) или древній лирикъ былъ одно и то же. Онъ былъ Герольдъ неба, органъ истины. Величіе, блескъ и слава сего міра проходятъ, но правда, гремящая во псалмопѣніяхъ славословіе Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ во вѣки! по сему-то думаю я болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація; что въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія Царямъ; а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія. Вразсужденіи чего, нравоученіе кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ Лирическихъ пѣсней, но даже ихъ украшаетъ. Вотъ примѣры:

Изъ Пиндара.

Такъ милостью боговъ единыхъ
И въ добродѣтеляхъ своихъ
Всѣ процвѣтаютъ человѣки!
Блаженство лишь они дождятъ:
Чрезъ нихъ премудрые-премудрость,
Краснорѣчивы—сладость устъ,
Могущіе—ихъ силу стяжутъ!
И всѣ дары текутъ отъ нихъ.

Межъ тѣмъ раждать пріятнѣй зависть,
Чѣмъ сожалѣнье намъ.—И ты
Не преставай идти въ слѣдъ славы,
Рулемъ довѣрья правь народъ;
Судъ искушай въ горнилѣ правды,
Малѣйшу искру отъ Царя
Свѣтъ за большой пожаръ считаетъ:
Тьмы вкругъ свидѣтелей тебя.
Ревнуешь ли потомства къ чести?
Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ,
И щедрымъ быть не отрекайся;
Но паче вѣтромъ парусъ твой
Вздувай подобно мореходцамъ:
Лишь никогда, любезный мой,
Не обольщайся царедворцевъ
Лукавой сладостью словесъ—.,,

Изъ Ломоносова.

Услышьте, судіи земные
И всѣ державныя главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы;
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки истребляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.

Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу,
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

или

О коль Монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россами владѣть!
Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.

Изъ Хераскова.

О смертные! не истребляйте
Своей надежды на Творца;
И гордостью не отравляйте
Во благоденствіи сердца.
Хотя земные суть владыки
Предъ смертными у насъ велики;
Но Богъ и надъ Царями Царь!
Какъ хочетъ, всѣми управляетъ,
Престолы рушитъ, возставляетъ,
Однимъ всю движетъ перстомъ тварь.

Изъ Петрова.

Ты обществу своимъ примѣромъ показалъ,
Что истинный герой безъ зависти родится
И качествомъ своимъ во другѣ веселится.—„

Разсматривая сіе разсужденіе знаменитаго Державина, ничего, кажется, не остается прибавить къ оному, кромѣ собственныхъ его нравоучительныхъ мыслей, разсѣянныхъ повсюду въ безсмертныхъ его твореніяхъ—и по сему предлагаются здѣсь нѣкоторыя:

Пусть только умъ ЕКАТЕРИНЫ,
Какъ Архимедъ, создастъ машины,
А Россъ вселенной потрясетъ. —
Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя Царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
Его безцѣнну кровь щадить.
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту,
И правотой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою
Всегда войной и не войною
Весь міръ себя заставить чтить.
.
Премудрость царства управляетъ;
Крѣпитъ ихъ: вѣра, правый судъ;
Ихъ трудъ и миръ обогащаетъ,
Любовію они цвѣтутъ.

На взят. Измаила.

. Почто писать уставы
Коль ихъ въ Диванахъ не хранятъ?
Развратные вельможей нравы
Народа цѣлаго развратъ.
Вашъ долгъ Монарху, Богу, царству
Служить и клятвой не играть;
Неправдѣ, злобѣ, мздѣ, коварству
Пути повсюду пресѣкать;
Пристрастный судъ разбоя злѣя—
Судьи враги, гдѣ спитъ законъ—
Предъ ними гражданина шея
Протянута безъ оборонъ.

Изобр. Фелицы.

О ты, который властью, саномъ
Себя желаешь отличить,
И изъ Пигмея великаномъ
Безсмертно въ лѣтописяхъ жить!
Хотя дѣла твои днесь громки:
Но если поздные потомки
Путей въ нихъ правыхъ не найдутъ,
Не будешь помѣщенъ ты въ боги;—
Несправедливыя дороги
Въ храмъ вѣчной славы не ведутъ.

На коварство.

На тронѣ Филаретъ, въ темницѣ,
Какъ праведникъ, всегда почтенъ;
Въ пыли Отрепьевъ, въ багряницѣ,
Какъ извергъ завсегда презрѣнъ.
Не тронъ, не подвиги чьи громки
Чтутъ безпристрастные потомки —
Лишь добродѣтель: ей священный
Повѣренъ ключъ весть чести въ храмъ.

На паних. Людовика.

Злодѣй, который самолюбью
И тайной гордости своей
Всѣмъ жертвуетъ; его оружью
Преграды нѣтъ, алчбѣ цѣпей;
Внутрь совѣстью своей размученъ,
Внѣ съ радостью губитъ другихъ;
Пусть дерзостью, удачей звученъ,
Но не великъ въ глазахъ моихъ.
Хотя бы богомъ былъ онъ злобнымъ,
Быть не хочу ему подобнымъ.

Мой истуканъ.

O.

ОАРИСТЪ. Терминъ Греческой поэзіи, означающій разговоръ мужа съ женою, каковъ на примѣръ въ шестой книгѣ Иліады, Гектора съ Андромахою.

Скалигеръ замѣчаетъ, что *Оаристъ* (oaristus) не есть особенная поэма, или особенное сочиненіе, но часть поэмы—и присовокупляетъ, что означенное въ Иліадѣ мѣсто есть единственный *оаристъ* въ древнихъ Греческихъ поэтахъ.

ОБРАЩЕНІЕ, апострофъ, conversio, ἀποστροφή. Въ Риторикѣ, фигура предложеній; состоитъ въ томъ, когда сочинитель вдругъ прерываетъ свою рѣчь, и обращаетъ ее къ какому либо подлинному или вымышленному, къ присутствующему или отсутствующему, къ живому или мертвому лицу, или къ вещи неодушевленной.

Сею фигурою, говоритъ Ломоносовъ, можно совѣтовать, засвидѣтельствовать, обѣщать, грозить, хвалить, насмѣхаться, утѣшать, желать, прощаться, сожалѣть, повелѣвать, запрещать, прощенія просить, оплакивать, жаловаться, просить,

сказывать, толковать, поздравлять и пр. на пр:

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно;
Что онъ орудье власти есть,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій,
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
Должны быть—польза, слава, честь.
А ты, вторый Сарданапалъ!
Къ чему стремишь всѣхъ мыслей бѣги? и пр.

Державинъ.

. Какъ въ полѣ бился съ сопостатомъ,
Какъ во стѣнахъ его каралъ,
Какъ кончилъ жизнь—тутъ бѣлымъ платомъ
Текущи слезы отиралъ.
Слеза безцѣнная, священна!
Изъ сердца чиста извлеченна!
О Витіи! что твоя хвала?
Не сею ль жертвою одною
Воздашь, *Россія*, днесь герою
Которымъ славима была?

Дмитріевъ. Смерть Потемкина.

Фигуру сію не должно употреблять весьма часто, потому что слушателю или читателю не могло бы понравиться, когда бы очень часто теряли его изъ виду, и какъ будто бы забывали его обращаясь къ другимъ предметамъ.

Обращеніемъ или *призываніемъ* называется еще та часть поэмы, гдѣ авторъ призываетъ Божество или какое нибудь другое лице, и проситъ вспомоществованія или наставленія. — См. *Епическій.*

Обращеніе или *посылка* бываетъ также въ Балладѣ.—См. *Баллада.*

ОДА. Слово Греческое: ᾠδή значитъ *пѣснь* или *пѣніе.*

Сама природа вселила въ человѣка склонность къ пѣнію — вотъ происхожденіе оды, или пѣсни Лирической.—См. *Лирическій.*

Человѣкъ поетъ или въ восторгѣ, происходящемъ отъ удивленія, или отъ чрезмѣрной радости, или въ сладостномъ упоеніи любви; иногда и при тихихъ какихъ либо чувствованіяхъ; наконецъ онъ поетъ въ скукѣ, въ горестяхъ, и хотя кажется, что въ такомъ положеніи болѣе должно имѣть отвращенія отъ пѣнія, нежели

къ оному наклонности; но это составляетъ для него облегченіе, даруемое природою. — Мудрость и самая добродѣтель (см. *нравственность*) также не презирали пособія *лиры*: онѣ подвергали поученія свои правиламъ стопъ и размѣровъ, и пользовались искуствомъ пѣнія или для лучшаго впечатлѣнія своихъ наставленій въ душахъ нашихъ, или для укрощенія строгости оныхъ чрезъ сладкогласіе звуковъ. Таково качество и таковы границы *оды*.

Изъ всего сказаннаго видно, что *ода* требуетъ способности чувствовать; и ежели піитъ не чувствуетъ того, что выражать желаетъ, то пѣснь его, или *ода*, будетъ холодна, безъ души.

Ода есть, безъ всякаго противорѣчія, одно изъ лучшихъ, изящнѣйшихъ произведеній поэзіи, хотя не заключаетъ въ себѣ большой обширности. Весьма немногія стихотворенія требуютъ такого высокаго дарованія; ибо *ода* тогда только можетъ быть хороша, когда въ ней соединены бываютъ избранныя выраженія съ величественностію мыслей, пламенное воображеніе съ основательнымъ разсудкомъ, красота и разнообразность предметовъ

съ искуствомъ въ изображеніи, и даже наконецъ правильность стиховъ съ плавностію и пріятностію звуковъ.

Въ одной только *одѣ* совершенно исполняетъ *поэтъ* свое званіе, а въ другихъ поэмахъ онъ обязанъ скрывать лице свое, чего самое искуство отъ него требуетъ. Въ Апологѣ, на примѣръ, говорятъ животныя, такъ какъ бы говорили они, если бы одарены были понятіемъ и словомъ. Въ Пасторальной поэзіи пастухи разсуждаютъ между собою о любовныхъ приключеніяхъ или о какихъ либо дѣлахъ сельскихъ. Въ Сатирахъ и Посланіяхъ нравоучительныхъ виденъ важный или шутливый философъ, возстающій противъ пороковъ и странностей. Въ Елегіи описываетъ скорбь свою и жалуется на жестокость судьбы человѣкъ огорченный. Въ поэмѣ драматической дѣйствуютъ и говорятъ Граждане, Герои, Монархи—и поэтъ нигдѣ не показывается. Въ одной только *одѣ* мы видимъ его самаго, видимъ человѣка, вдохновеннаго музами, и говорящаго языкомъ величественнымъ, божественнымъ. Хотя въ Епопеѣ также предполагаютъ поэта вдохновеннымъ, но тамъ его вдохновеніе, такъ сказать, ограждено спо-

койствіемъ: Муза разсказываетъ, а онъ пишетъ, вмѣсто того, что въ *одѣ* онъ исполняется восторгомъ и даже духомъ пророческимъ; кажется, сами Музы, или Богъ, внушающій ему пѣснопѣніе, говорятъ его устами.—По сему-то для успѣха въ описываемомъ здѣсь родѣ поэзіи ему необходимо нужно имѣть всѣ тѣ рѣдкія и драгоцѣнныя качества, которые, по словамъ Горація (sat. IV.—L. 1.) составляютъ истиннаго поэта: умъ творческій, дарованія почти Божественныя, выраженія всегда благородныя и высокія.

Въ статьѣ, объясняющей слово *Лирическій*, также можно видѣть свойство *оды*; здѣсь скажемъ только о раздѣленіи и формѣ сей поэзіи, объ украшеніяхъ, какихъ она требуетъ, и объяснимъ принятыя правила лучшими примѣрами.

Оды, по мнѣнію большей части писателей, раздѣляются 1) на *Пиндарическія* или *торжественныя*, 2) на *философическія* или *нравоучительныя*, и 3) на *Анакреонтическія* или *страстныя*, къ которымъ принадлежатъ и пѣсни.—(Что касается до *одъ*, называемыхъ иногда *духовными*, то оныя можно отнести къ *имнамъ*, свойство ко-

торыхъ объяснено въ статьѣ подъ симъ именемъ).

Первыя получили названіе отъ Пиндара, Греческаго стихотворца, который, безъ сомнѣнія, вѣчно будетъ служить образцемъ для сего рода сочиненій. Въ такихъ *одахъ* воспѣваются знаменитыя происшествія и славные подвиги: возвышенность предметовъ и мыслей, восторгъ піита и всѣ красоты Лирической поэзіи составляютъ главнѣйшее свойство сихъ одъ.

Пиндаръ, упражнявшійся наиболѣе въ сочиненіи таковыхъ *одъ*, былъ родомъ Фивянинъ (см. Лирическій) и современникъ Есхила, Анакреона и Еврипида. Когда Александръ раззорялъ Фивы, то приказалъ пощадить домъ, въ которомъ жилъ сей пѣснопѣвецъ. Изъ всѣхъ произведеній сего поэта дошла до насъ одна только книга *одъ*, коими воспѣвалъ онъ побѣдителей на всенародныхъ Греческихъ играхъ.—*Гравина* такъ описываетъ Пиндара вразсужденіи его твореній: Пиндаръ смѣло предаетъ корабль свой разъяренному морю; онъ распускаетъ всѣ паруса, презираетъ бурю и утесы. Волны поднимаются и уже готовы поглотить его; уже онъ изчезъ отъ

взоровъ зрителя, но вдругъ исторгается изъ бездны и счастливо достигаетъ пристани.

Философическія оды имѣютъ предметомъ нравственность, изкорененіе народныхъ предразсудковъ, или описаніе величественной природы, слѣдовательно въ нихъ болѣе дѣйствуетъ умъ, нежели воображеніе. Однако все то, что можетъ дѣлать доказательства разительнѣе и описанія пріятнѣе, съ успѣхомъ въ нихъ употребляется.

Анакреонтическая ода получила названіе отъ Анакреона (см. Анакреонтическій.). Нѣжность и легкость суть ея свойства; любовь и веселость служатъ ей предметами. Въ сихъ *одахъ* примѣтенъ малѣйшій недостатокъ: общая мысль, надутость, неприличное выраженіе, грубой стихъ, могутъ испортить цѣлое сочиненіе, которое обыкновенно бываетъ кратко.

Нѣмецкій Естетикъ Буттервекъ раздѣляетъ оды на *Пиндарическія*, о коихъ мы говорили, на *Горацiанскія*, названныя здѣсь философическими, потому что Горацій наиболѣе писалъ оды нравственныя, и на *Клопштокскія*, соединяющія въ себѣ свойства двухъ первыхъ родовъ. — Мы смѣло

можемъ раздѣлить наши *оды* на *Ломоносовскія* и *Державинскія*, причисляя къ первымъ оды торжественныя, а ко вторымъ тѣ, въ которыхъ прославленіе знаменитыхъ происшествій или разсужденіе о какихъ либо другихъ предметахъ исполнено бываетъ мыслей нравоучительныхъ, философическихъ—иногда острыхъ и даже Сатирическихъ. Таковы, на примѣръ, оды его: Фелица, изображеніе Фелицы, видѣніе Мурзы, на счастіе и проч.

Во всякой *одѣ*, говоритъ Батте, должно находиться единство *чувства*, равно какъ въ Епопеѣ и въ Драмѣ единство *дѣйствій*. Можно и даже должно перемѣнять изображенія, мысли, обороты; но такимъ образомъ, чтобы они были всегда сходны съ господствующею страстію. Сія страсть можетъ умаляться, возрастать; но не должна перемѣнять своего свойства и уступать своего мѣста другой страсти. Если на примѣръ, радость заставила стихотворца приняться за лиру, то она можетъ только переходить въ разныя постепенности, но не должна никогда превращаться въ печаль; если же начинаетъ чувствомъ ненависти, то неприлично оканчивать любовію, или лю-

бовь должна тогда обращаться къ такой вещи, которая противоположна главному его ощущенію, и въ такомъ случаѣ оно все еще остается, но только скрытое.

Наружный видъ или форма оды. Ода имѣетъ различныя формы. Греки наблюдали въ ней три части: *Строфу*, *Антистрофу* и *Еподъ* (Еподосъ). Строфа и Антистрофа содержали по равному числу стиховъ и могли быть пѣты на одинъ голосъ; Еподъ имѣлъ стихи другой мѣры, заключалъ болѣе или менѣе стиховъ и по сему требовалъ другаго голоса. — Строфа дѣлала начало, Антистрофа слѣдовала за нею, потомъ находился Еподъ, а послѣ тѣмъ же порядкомъ начиналось. Пѣніе стиховъ сопровождалось пляскою; танцовщики оборачивались на одну сторону во время строфы: (στρεφειν, значитъ *оборачиваться*). Во время Антистрофы они оборачивались въ противную сторону, возвращаясь потомъ въ прежнее свое положеніе. Во время пѣнія *Епода*, который былъ всегда короче, танцовщики дѣлали движенія не оборачиваясь ни на ту, ни на другую сторону. Такимъ-то образомъ сочинены *оды* Пиндаровы и большая часть Драматическихъ хоровъ.

Алкей, Сафо и другіе Лирическіе пѣснопѣвцы изобрѣли прежде Пиндара другіе образы или формы, въ коихъ они вмѣшивали различнаго рода стихи, съ соразмѣрностію гораздо чаще возвращающеюся. Горацій избралъ сіи формы: ихъ можно видѣть въ его Лирическихъ стихотвореніяхъ.

Новѣйшія *оды* состоятъ изъ строфъ или стансовъ, въ которыхъ число стиховъ и расположеніе ихъ зависятъ совершенно отъ воли автора; но какъ скоро сдѣлано расположеніе первой строфы, то сіе служитъ уже неизмѣннымъ образцемъ для всѣхъ строфъ послѣдующихъ — что видно изъ примѣровъ, въ сей статьѣ приведенныхъ.

На Русскомъ языкѣ въ одахъ наиболѣе употребляются Хореическіе, либо Ямбическіе четырестопные стихи: послѣдніе несравненно чаще первыхъ.

Свойства оды. Въ торжественныхъ и даже философическихъ одахъ примѣчать надлежитъ: приступъ, безпорядокъ, краткость, отступленія и конецъ.

1. *Приступъ* бываетъ двоякій: стремительный и тихій. Въ первомъ случаѣ поэтъ принимается за лиру, будучи уже

въ восторгѣ, а въ послѣднемъ онъ начинаетъ играть или пѣть хладнокровно и мало по малу воспламеняется.

Примѣры тихаго приступа.

Сіянье радужныхъ небесъ,
Души чистѣйшее спокойство,
Блескъ тихихъ водъ, Эдемъ очесъ,
О кротость! ангельское свойство!
Отливъ отъ Бога самаго!
Тебѣ, тобою восхищенный,
Настроиваю вдохновенный
Я струны сердца моего.

Державинъ.

Заря багряною рукою
Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
Выводитъ съ солнцемъ за собою
Твоей державы новый годъ.
Благословенное начало
Тебѣ, богиня, возсіяло —
И нашихъ искренность сердецъ
Предъ трономъ вышняго пылаетъ,
Да счастіемъ твоимъ вѣнчаетъ
Его средину и конецъ.

Ломоносовъ.

Примите, древнія дубравы,
Подъ тѣнь свою питомца Музъ!
Не шумны пѣть хочу забавы,
Не сладости Цитерскихъ узъ,
Но да воззрю съ полей широкихъ
На красну, гордую Москву,
Сѣдящу на холмахъ высокихъ
И спящи вѣки воззову.

Дмитріевъ.

Пр. стремительнаго приступа.

Прочь буйна чернь, непросвѣщенна
И презираемая мной!
Прострись вкругъ тишина священна!
Плѣнилъ меня восторгъ святой!
Высоку пѣснь и дерзновенну,
Неслыханну и невнушенну
Я слабымъ смертнымъ днесь пою —
Всякъ преклони главу свою.

Державинъ.

Ударь во сребряный, священный,
Далеко-звонкій, Валка, щитъ!
Да громъ твой, эхомъ повторенный,
Въ жилищѣ Бардовъ восшумитъ....

Его же.

Гдѣ буйны, гордые Титаны,
Смутившіе Астреи дни?
Стремглавъ низверженны, попранны
Въ прахъ, въ прахъ! рекла.... и гдѣ они?
и пр.

Дмитріевъ.

2. *Безпорядокъ* Лирическій состоитъ въ томъ, когда піитъ показываетъ, что не успѣваетъ располагать мыслей своихъ по порядку, или когда не соблюдаетъ постепенности въ своихъ изображеніяхъ и такъ сказать отъ однѣхъ къ другимъ перелетаетъ. Однакожъ таковая стремительность его непремѣнно должна быть, ежели неуправляема, покрайней мѣрѣ сопровождаема разсудкомъ, а безъ того *безпорядокъ* не будетъ дѣйствіемъ искуства и никому не понравится. Сему-то правилу послѣдуя сказалъ Буало объ одѣ: *Chez elle un beau desordre est un effet de l'art*, въ ней прелестный безпорядокъ есть дѣйствіе искуства.

Собранныя въ слѣдующей строфѣ мысли не имѣютъ, кажется, никакой между собою связи, но всѣ клонятся къ одной цѣли и заключаютъ много прекрасныхъ изображеній:

Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
Ведетъ на верхъ горы высокой,
Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
Въ долинѣ тишина глубокой.
Внимая нѣчто ключъ молчитъ,
Который завсегда журчитъ
И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится,
Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы,
Далече дымъ въ поляхъ курится.

Ломоносовъ.

Безпорядокъ *постепенностей*, или какъ нѣкоторые писатели называютъ, *перескокъ*, также много дѣлаетъ красоты въ Лирическомъ стихотвореніи; но въ такомъ безпорядкѣ должна быть сокрыта самая строгая правильность, подобно какъ въ *Баснѣ* подъ видомъ простоты скрываются высочайшія Философскія истины.

Горацій разставаясь съ Виргиліемъ (Lib. I. od. 3.) *молитъ боговъ, покровителей мореходцевъ, сохранить его друга.* Потомъ *воображаетъ уже его на морѣ, окруженнаго опасностями,* и наконецъ къ чему переходитъ? *удивляется дерзости того, кто первый ввѣрилъ себя сей бурной и непостоянной*

стихіи и пр. какой безпорядокъ и какое искусство!

Примѣръ сему равномѣрно находимъ и у Державина въ одѣ *на побѣды въ Италіи*, 1799.—Вотъ начало, выше сего показанное:

Ударь во сребряный, священный,
Далеко-звонкій, Валка, щитъ!
Да громъ твой, эхомъ повторенный,
Въ жилищѣ Бардовъ восшумитъ.

И вдругъ Піитъ видитъ уже самихъ Бардовъ и такъ продолжаетъ:

Встаютъ.—Сто арфъ звучатъ струнами,
Предъ ними сто дубовъ горятъ,
Отъ чаши круговой зарями,
Сѣдыя чела въ тьмѣ блестятъ.

Потомъ представляется его воображенію Рюрикъ, потрясшій нѣкогда стѣны Парижскія:

Но кто тамъ бѣлыхъ волнъ туманомъ
Покрытъ по персямъ, по плечамъ,
Въ стальномъ доспѣхѣ свѣтитъ рдяномъ,
Подобно синя моря льдамъ и пр.

Желательно, чтобы авторы наши чаще подражали такому *безпорядку*.

*

3. *Краткость* составляетъ не малое достоинство Лирическихъ твореній. — Поелику *ода* не иное что есть, какъ изліяніе живѣйшихъ ощущеній, то и неестественно, чтобъ она была очень длинна, ибо сильныя ощущенія не могутъ быть слишкомъ продолжительны. Въ большихъ *одахъ* предполагается, что Піитъ не одинъ разъ приходитъ въ восторгъ; но оканчивая свое сочиненіе, при какой нибудь нечаянно встрѣтившейся мысли, паки воспламеняется и оное продолжаетъ; чаще однакожъ случается, что тогда онъ начинаетъ говорить о другомъ предметѣ, и уже въ послѣдствіи соединяетъ его съ тѣмъ, который былъ причиною начальнаго пѣснопѣнія. Примѣромъ можетъ служить ода Ломоносова *на прибытіе Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ изъ Москвы въ С. Петербургъ въ 1742 году.* Кажется, стихотворецъ хотѣлъ кончить свое сочиненіе осьмою строфою, но вдругъ вспоминаетъ о побѣдахъ своей Государыни, и обращается къ странамъ Готфскимъ:

Но что страны вечерни тмятся
И дождь кровавыхъ каплей льютъ?

Что Финскихъ рѣкъ струи дымятся
И долы съ влагой пламень пьютъ? и пр.

Потомъ описавъ бѣдствія, Шведамъ угрожающія и силу войскъ нашихъ, обращается на прежній свой предметъ:

Но холмы и древа скачите,
Ликуйте множество озеръ!
Руками рѣки восплещите,
Петрополь буди вамъ примѣръ;
ЕЛИСАВЕТА къ вамъ приходитъ... и пр.

Наконецъ, какъ бы утомляясь, престаетъ воспѣвать ЕЛИСАВЕТУ, но вдругъ получаетъ новыя силы, и паки приходитъ въ изступленіе:

Еще горитъ во мнѣ охота
Торжественный возвыситъ тонъ....

Послѣ сего видимъ вторичное обращеніе къ Петрополю, восхищенному прибытіемъ Императрицы:

Цѣлуй, Петрополь, ту десницу,
Которой долго ты желалъ....

Сіи примѣры доказываютъ, что ода не иначе можетъ и должна быть продол-

жительна, какъ отъ *повторённаго* восторга; при *однократномъ же* восторгѣ надобно имѣть большое дарованіе, чтобы обширнаго *Лирическаго* сочиненія не сдѣлать холоднымъ. Сіе, кажется, даже не возможно.

Еще надлежитъ замѣтить, что тѣ *оды* которыя имѣютъ *тихой* приступъ, бываютъ гораздо продолжительнѣе имѣющихъ приступъ *стремительный*; причина тому очевидна: въ первомъ случаѣ поэтъ долженъ что нибудь написать (или по существу оды, пропѣть) до пришествія въ восторгъ, а въ послѣднемъ случаѣ онъ уже начинаетъ съ сего мѣста.

Впрочемъ *краткость* и въ томъ еще состоитъ, чтобы въ сочиненіи Лирическомъ немногими словами сказано было много и не было бы ничего излишняго.

4) *Отступленіе* или *уклоненіе* состоитъ въ томъ, когда Піитъ прерываетъ начатую имъ матерію и говоритъ о другой, служащей для первой объясненіемъ или подтвержденіемъ, и потомъ уже возвращается къ прежней. *Отступленія* также дѣлаютъ Лирическое сочиненіе продолжительнѣе, но отъ *повторённаво восторга* то имѣютъ отличіе, что въ нихъ стихотворецъ болѣе занимается разсужденіемъ или

повѣствованіемъ, и потому не могутъ онѣ имѣть равной силы съ *началомъ* оды. Такъ Державинъ въ одѣ своей *Вельможа* послѣ словъ

Злодѣй! увы! и грянулъ громъ!....

показывающихъ его негодованіе на безсовѣстнаго и безбожнаго Сибарита, вдругъ начинаетъ говорить:

Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу.....

или у него же въ одѣ *на взятіе Измаила* находится прекрасное отступленіе, начинающееся стихами:

Я вижу страшную годину;
Его три вѣка держитъ сонъ.....

Въ первомъ отступленіи мы видимъ *разсужденіе*, а во второмъ *повѣствованіе*.

5) *Конецъ* или *окончаніе* оды требуетъ разительныхъ, неожидаемыхъ мыслей. Всякая ода много теряетъ своего достоинства, когда оканчивается какимъ нибудь холоднымъ разсужденіемъ. Лирическій поэтъ при концѣ оды, какъ лѣбедь при концѣ жизни, напрягаетъ остающіяся силы и старается наиболѣе плѣнить своимъ пѣніемъ.

Слѣдующіе примѣры послужатъ объясненіемъ всѣхъ вышеприведенныхъ правилъ и раздѣленій. Мы начнемъ съ древнихъ образцевъ и воспользуемся лучшими переводами и подражаніями.

Первая Пиндарова Олимпійская ода Гіерону Сиракузскому,

Одержавшему побѣду на ристалищѣ.

(Переводъ Мерзлякова).

Пиндаръ воспѣлъ сію оду въ честь Гіерона, Царя Сиракузскаго, брата Геленова, который первый установилъ образъ правленія самодержавнаго въ Сиракузахъ. —Гіеронъ, желая привлечь къ себѣ Грековъ, нелюбившихъ его какъ тиранна, старался покровительствовать наукамъ и художествамъ. — При дворѣ его жили славнѣйшіе того времени стихотворцы, какъ то: Пиндаръ, Симонидъ, Вакхилидъ, Епихармъ, которые много способствовали къ умягченію и образованію его характера, отъ природы жестокаго и недовѣрчиваго. Критики не соглашаются во времени, къ которому должно относить сію оду, потому болѣе, что самое начало царствованія Гіеронова недовольно точно опредѣле-

но.—Покрайней мѣрѣ вѣроятно, что она сочинена вскорѣ послѣ восшествія его на престолъ.

Еліанъ повѣствуетъ, что Гіеронъ въ началѣ своего царствованія, въ продолженіи 73 Олимпіады, явился въ Пизѣ съ великолѣпною свитою. Фемистоклъ, предсѣдательствующій на играхъ, какъ Амфитріонъ Афинскій, воспретилъ ему участвовать въ оныхъ за то, что онъ не помогалъ Грекамъ въ войнѣ Персидской, оконченной славнымъ сраженіемъ при Саламинахъ. Съ того времени Царь Сиракузскій и другіе Государи никогда не отваживались лично оспоривать первенство на играхъ Олимпійскихъ, Пифійскихъ, Немейскихъ и Истмійскихъ. Они посылали туда обыкновенно своихъ вассаловъ и коней. Такимъ образомъ Пиндаръ, прославляя Гіероново правосудіе, его привязанность къ наукамъ и искусствамъ, прославлялъ вмѣстѣ и его коня, называемаго въ одѣ *побѣдоносцемъ*.

И такъ ода сія содержитъ: 1) похвалу Гіерона, 2) похвалу коня, доставившаго ему побѣду на играхъ Олимпійскихъ, 3) исторію Тантала и Пелопса, которыхъ Гіеронъ былъ потомокъ. — Ода кончится

обѣтами пѣснопѣвца, посвятившаго звучную лиру славѣ своего героя.

У Пиндара нѣтъ почти ни одной *оды*, въ которой бы не встрѣчались отступленія, подобныя приведенной здѣсь исторіи о Пелопсѣ. Сіи *Епизоды* часто бываютъ столь пространны, что затемняютъ главный предметъ оды, и дѣлаютъ ее для насъ непонятною. Но мы не имѣемъ права осуждать Пиндара въ этомъ случаѣ, не зная основательно ни языка его, ни обстоятельствъ, ни обычаевъ того времени, въ которое онъ писалъ. Намъ осталось только вѣрить нѣжному и просвѣщенному вкусу Грековъ, которые всегда питали къ нему величайшее уваженіе. Всякой побѣдитель почиталъ за особенную честь имѣть его своимъ пѣвцомъ, и тотъ тріумфъ казался несовершеннымъ, который не былъ украшенъ его стихами. Нѣкоторые изъ критиковъ полагаютъ, что ода сія имѣетъ двоякой предметъ.— Пиндаръ, прославляя Гіерона, хотѣлъ между тѣмъ дать ему почувствовать, что величіе, слава и неограниченная власть, ослѣпляя сердце Государя, бываютъ часто причиною величайшихъ несчастій. Но онъ не могъ сказать прямо сего наставленія,

не оскорбивъ Царскаго самолюбія. Для того то онъ приводитъ исторію Тантала и Пелопса, его предковъ, которыхъ боги осыпали всѣми возможными благами и которые были даже удостоены участвованія въ небесныхъ радостяхъ: — все тщетно! гордость ихъ погубила и несчастные были наказаны! — вотъ зерцало, въ которомъ Гіеронъ долженъ былъ читать свои правила и свое осужденіе, когда бы онъ отважился пренебречь ихъ. — Если такое изъясненіе удовлетворительно: то мы должны признаться, что планы Пиндаровы потому только намъ не понятны, что мы не Греки, что мы не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ, которыя могли дѣйствовать на автора и на его творенія.

I. Строфа.

Вода въ стихіяхъ.... перва власть 1).
Въ сіяніи сокровищъ гордыхъ,
Какъ звѣзды въ нощь самогорящи 2)

1) Древніе почитали воду началомъ всѣхъ вещей. — Пиндаръ начинаетъ свою пѣснь прославленіемъ игръ Олимпійскихъ. Онъ говоритъ: вода превосходнѣе стихій; злато блистательнѣе всѣхъ сокровищъ; солнце великолѣпнѣе другихъ свѣтилъ небесныхъ; игры Олимпійскія превосходнѣе другихъ игръ, въ Греціи совершаемыхъ.

2) То есть: звѣзды, сами собою блистающія.

Пылаетъ злата блескъ.—
Что краше, юный день ведущаго свѣтила,
Когда потокомъ яркихъ стрѣлъ
Пронзаетъ, гонитъ тѣни блѣдны
Пустынь Эфирныхъ за предѣлъ? —
Что велелѣпнѣе, Еллада, ты являешь
Блестящихъ Олимпiйскихъ игръ?—
Здѣсь родясь, далеко-слышный,
Сынъ вѣнчаннаго пѣвца,
Гимнъ Эольскiй всходитъ пышный 3)
Въ Лоно Кронiя отца.—
Здѣсь родясь, грядетъ, нельстивый,
Гiерона онъ въ чертогъ.....
Гiеронъ—мой полубогъ,
Храбрый, доблестный, правдивый!....

I-я. Антистрофа.

Онъ мощнымъ скиптромъ осѣнилъ
Поля Тринакрiи 4) златыя,
Стадообильныя, благiя; —

3) Пиндаръ представляетъ Гимнъ свой, такъ какъ Гомеръ представлялъ Молитвы—въ человѣческомъ видѣ. Онъ течетъ въ объятiя Зевеса; онъ прославляетъ сего бога, которому Геркулесъ, учредитель игръ Олимпiйскихъ, посвятилъ алтарь на мѣстѣ подвиговъ; — Послѣ Зевеса, Гимнъ обращается къ Гiерону побѣдителю.
4) Сицилiя.

Великій духъ его, полнъ силъ,
Пьетъ сладость, нектаръ пьетъ всѣхъ доблестей вѣнчанныхъ.
Ему цвѣты младыхъ харитъ,
Ему цвѣты отъ Музъ избранныхъ,
Когда его священный храмъ
Гостепріимные пиры свои откроетъ
Восторга полнымъ мудрецамъ!....
Гдѣ моя златая лира?—
Духъ мой, Муза, окрыли!
Ты, пѣвица славы, мира!....
Вознесемся отъ земли!....
Вихремъ въ слѣдъ коню побѣды!—
Се, онъ пламенный летитъ!
Берегъ радостный дрожитъ,
И незримы ловитъ слѣды!....

I-й Еподъ.

Летитъ — и пышный храмъ побѣды отверзаетъ
Владыкѣ Сиракузъ, великому въ Царяхъ;
Его, его хвала высокая блистаетъ
На славныхъ именемъ Пелопса берегахъ 5).

5) То есть въ Элидѣ. — Пелопсъ, вступивъ на престолъ послѣ отца своего Тантала, и взявъ за себя дочь Иномея, оставилъ отечественную землю и основалъ ко-

Сынъ Тантала! отсель честей твоихъ на-
чало!
Преданія гласятъ: здѣсь чудо возсіяло,
Когда—позорная трапеза для боговъ 6)—
Ты ожилъ, воспріявъ слоновой рамо кости....
Се гласъ молвы пустой, се вымыслъ черной
злости!
Воображенье.... льстецъ умовъ!
Зракъ истины оно во облакѣ скрываетъ;
Оно противъ боговъ въ неистовствѣ дерзаетъ!

II. Строфа.

Такъ!—сильны прелести словесъ,
Ума затѣйливы стремленья,

лонію въ Элидѣ; со временемъ овладѣлъ онъ всѣмъ полуостровомъ, который отъ его имени сталъ называться Пелопонесомъ.

6) Баснословіе говоритъ, что Танталъ, будучи приглашенъ богами на великолѣпное пиршество, рѣшился возблагодарить ихъ подобнымъ образомъ.—Желая посвятить имъ въ пищу самое драгоцѣнное, онъ поставилъ на столъ изготовленное тѣло своего сына. Боги отвергнули сію пищу съ ужасомъ и негодованіемъ. Одна Церера по неосторожности съѣла плечо молодаго Пелопса. Безсмертные соединяютъ разсѣченные члены и оживляютъ ихъ. — Плечо, неосторожно скушанное Церерою, замѣняется плечомъ изъ слоновой кости, которое принесла Клото, одна изъ Паркъ. Послѣ того, Пелопсъ пользовался особенною благосклонностію Нептуна. Пиндаръ хочетъ сказать, сколь сильно дѣйствуетъ на насъ чудесное. Самыя нелѣпыя басни, пріятно разсказанныя, получаютъ право истины. Пѣснопѣвецъ учитъ насъ говорить о богахъ, прилично ихъ величію, и разсказываетъ другую исторію Тантала и Пелопса.

И невозможному возможность
Даруютъ, какъ глаголъ небесъ! —
Но время строгое рветъ мрежи паушины....
Нѣтъ мѣста смертнаго мечтамъ
Къ великимъ таинствамъ судьбины:
Она непостижима намъ!
Непосвященный, прочь! — пророкъ, во срамъ невѣждамъ,
Я, Пе́лопсъ, о тебѣ реку:
Олимпійскіе затворы
На злашыхъ гремятъ пятахъ;
Силъ небесныхъ свѣтлы хоры
Ниспускаются въ заряхъ;
Танталъ пиръ имъ устрояетъ,
Ты былъ пиршества красой!....
Богъ плѣняется тобой,
Богъ любовь къ тебѣ питаетъ.

II. *Антистрофа.*

И се! пословъ крылатыхъ сонмъ,
Сплетяся легкой вереницей,
Тебя въ цвѣтахъ и багряницѣ
Возноситъ быстро въ Зевсовъ домъ! —
Наслѣдникъ и любви, и славы Ганимеда,
Ты воспріялъ его чреду!.....

Ахъ! тщетно взоръ твой боязливой
Искалъ родительскихъ полей,
Гдѣ нѣжился, таясь, вѣкъ дѣтства торопливой!
Ахъ! тщетно матерней тоски
Рабы услужливы,—стремились
Тебя отдать ея слезамъ!.....
И несется вѣсть ужасна
Въ стыдъ Танталу, въ стыдъ богамъ,
Что рукой отца несчастна
Ты растерзанъ по частямъ;
Что тебя въ водѣ кипучей
Столъ трапезный воспріялъ;....
Сонмъ боговъ облекся тучей,
И Олимпъ гремя стоналъ! —

II. Еподъ.

Не потерпи, Зевесъ, столь страшнаго хуленья!
Я чистъ отъ клеветы, послушенъ я богамъ.
Пелопса прадѣды небесъ благотворенья
Вкушали искони! — и Танталъ, Танталъ самъ,
Причастникъ радостей Олимпа ненавѣтныхъ!
Но смертный малъ и слабъ для радостей без-
смертныхъ 7)!

7) Танталъ у древнихъ вообще значилъ скупаго, который собираетъ сокровища и не наслаждается ими. Боги, желая оказать ему свое благоволеніе, посѣтили

Скала великая, Зевесовой рукою
Надъ вѣроломною нависла вдругъ главою,
И трепеща надъ ней—грозитъ.
Корысть услады ждетъ; питается лишь пра-
хомъ.
Отъ черныя души покой бѣжитъ со страхомъ!—

III. Строфа.

Дряхлѣютъ въ мукахъ злаго дни!
Четверта жертва горней кары 8),
Онъ въ трепетъ тартаръ вводитъ ярый....
И тѣни смотрятъ издали,
Не смѣвъ приближиться, какъ синій дымъ
тумана
Что стелется среди полей,
Окрестъ горящаго Вулкана! — —
О, алчность!—онъ похититъ смѣлъ
Небесъ сокровище высоко,
Сей Нектаръ, сей безсмертія залогъ!....

его чертоги; но не могти питаться земною пищею, принесли съ собою Амброзію и Нектаръ. Танталъ похитилъ часть сихъ снѣдей небесныхъ, какъ послѣ будетъ сказано. Юпитеръ, въ наказаніе, повѣсилъ надъ нимъ огромную скалу, готовую ежеминутно упасть на его голову.

8) Иксіонъ, Сизифъ, Тицій подверглись мщенію неба. Танталъ былъ четвертый преступникъ, раздражившій Юпитера.

Богъ сильный, богъ ревнивъ, богъ злобнымъ
мстить далеко, —
И страждетъ Пелопсъ за отца!
Но ниспадшему съ Эфирныхъ,
Рдяно пламенныхъ высотъ,
Въ тихихъ тѣняхъ рощей мирныхъ
Добрый Генiй предстаетъ:
„Ты красою лѣтъ блистаешь,
„Духомъ крѣпокъ, и рукой!
„Ты возлюбишь ли покой?....„
Въ полѣ битвъ меня познаешь.

III. Антистрофа.

Рекъ Пелопсъ, — въ поле битвъ течешъ
Пожать любви цвѣты златыя! — —
Прекрасная Гипподамiя,
Оставь свой дѣвственный чертогъ!
Желанный часъ насталъ 9); женихъ передъ
вратами!

9) Иномей, Царь Пизы или Олимпiи, отецъ Гипподамiи, обѣщалъ ее въ замужество тому, который побѣдитъ его въ управленiи колесницами. Оракулъ открылъ ему, что получившiй руку Гипподамiи, будетъ причиною его смерти. Для избѣжанiя сего, Иномей поражалъ копьемъ своимъ всѣхъ тѣхъ, которые, приближаясь къ метѣ Гиподрома, упреждали его. Тринадцать героевъ были жертвою такой ужасной осторожности.

Единъ въ полунощи герой
На берегъ шествуетъ росистой;
Единъ, въ тиши лѣсовъ, полей,
Къ тяжко-трясущему трезубцемъ
Воззвалъ смирителю морей!....
Какъ облако возсталъ богъ грозный надъ водами,
И слухъ молящему отверзъ.
„Если для тебя любезно
„Вспоминаніе любви,
„Кою, отрокъ безмятежной,
„Я питалъ къ тебѣ въ крови:
„Днесь,.... въ награду мнѣ желанну,
„Дай крылатыхъ ты коней!
„Дай мнѣ мечъ твой, въ казнь тиранну;
„Да погибнемъ Иномей!......

III. Еподъ.

„Туда, туда стремлюсь, любовью воспаленный!
„Тамъ неприступный лавръ тринадцати вождей,
„Отвсюду трупами несчастныхъ огражденный,
Процвѣлъ,—готовый даръ отважности моей!
Кто смерти избѣжитъ?—ничтожный въ страхѣ таетъ,

Напасти предъ лицемъ, когда война пылаетъ.
Онъ въ дряхлой старости, лѣнивой смерти ждетъ,
Неоглашаемый любезною хвалою! —
Гряду и не страшусь.... любовь грядетъ со мною! —
 Изрекъ.... Посейдонъ знакъ даетъ;
Гремитъ далеко звукъ отъ колесницъ блестящихъ,
Дымится пыль столбомъ во слѣдъ коней летящихъ! —

IV. Строфа.

 И возсіялъ побѣды зракъ!....
 Палъ хитрый Иномей,—и Дѣва 10) —
Невѣста юноши Царева; —
И шесть героевъ, шесть сыновъ,
Плодъ нѣжныя любви, текли отца слѣдами!....
Не зритель гордый оный холмъ,
Повелѣвающій высокими брегами!....

10) Гипподамія влюбившись въ Пелопса, подкупила Мелиша, возницу отца своего, который худымъ управленіемъ колесницы доставилъ побѣду ея любовнику. Иномей хотѣлъ поразить своего соперника; но въ ту минуту, отъ бѣшенства коней, колесница его сокрушилась, и онъ погибъ самою мучительною смертію. Такимъ образомъ исполнилось предвѣщаніе Оракула.

Здѣсь, здѣсь алтарь его и домъ 11)! —
Здѣсь свѣтлый присно духъ героя,
Оставя тѣней мракъ, по временамъ
Витаетъ, окруженъ великими друзьями,
И осклабляется играмъ:
Здѣсь, гдѣ легкость стопъ крылатыхъ,
Гдѣ искуство, крѣпость силъ,
Вводятъ въ храмъ побѣдъ богатыхъ,
Кои Кроній освятилъ! —
Здѣсь утѣхъ обитель ясныхъ;
Здѣсь для доблести вѣнецъ;
Здѣсь надеждъ, желаній красныхъ,
И начало, и конецъ! —

IV. Антистрофа.

И мнѣ ввѣряетъ право честь
Вѣнчать отнынѣ Гіерона
Цвѣтами пѣсней Еолійскихъ;—
Цвѣтами, кои неба дщерь,

11) Память Пелопса ежегодно праздновала была въ Пелопонесѣ. На семъ-то торжествѣ молодые Спартанцы, чтобы доказать свою твердость, позволяли себя сѣчь до крови, и не обнаруживали ни малѣйшаго знака боли. Памятникъ Пелопсу находился въ Пизѣ, или Олимпіи, гдѣ производились Олимпійскія игры. Онъ воздвигнутъ былъ по срединѣ самаго ристалища. Изъ дѣтей Пелопсовыхъ извѣстны особливо Атрей и Тіестъ.

Весна, разсыпала на холмы Геликона,
Въ забаву нѣжную для Музъ,
Въ отраду Грацій благодарныхъ,
Изъ розъ свивающихъ вѣнцы
Заслугѣ, красотѣ, добротамъ лучезарнымъ!...
О, Гіеронъ! они твои! —
Да предходитъ добрый Геній
На стезѣ тебя побѣдъ,
На путяхъ благотвореній! —
Другъ твой — доблесть; слава — свѣтъ!
Съ ними шествуй и.... позднѣе
Возвращайся въ небеса!
Возблистай еще свѣтлѣе,
Дай узрѣть намъ чудеса! —

IV. Еподъ.

Такъ! — скоро Кронія цвѣтущій холмъ, священной,
Подвигнутъ струнъ моихъ волшебствомъ оживетъ:
Какъ слѣдомъ колесницъ, вкругъ мѣты возвышенной,
Стукъ ярый прогремитъ и слава процвѣтетъ!
На сей великій день готовлю новы стрѣлы 12);

12) Обыкновенная Метафора Пиндара, когда говоритъ онъ о пареніи своихъ гимновъ. Онъ намѣренъ еще во-

Сей день и для меня пребудетъ незабвенъ!—
Судьба назначила всѣмъ разные удѣлы:
Санъ царственный вождя — предъ всѣми вознесенъ!
Будь вѣренъ самъ себѣ, Фемиды другъ избранный!
Мужайся.... соверши благимъ богамъ обѣтъ!...
И счастливый пѣвецъ, тобою осіянный,
Чрезъ тучи зависти лучи свои прольетъ!

При заключеніи сей оды напомнимъ еще о цѣли, которую предположилъ себѣ авторъ, и которую мы означали въ приступѣ. Ходъ піесы будетъ слѣдующій: игры Олимпійскія всѣхъ другихъ превосходнѣе; онѣ особенно достойны, чтобъ такой великій Государь, отличившійся столь многими царственными добродѣтелями, показалъ на нихъ свое величіе. Онъ побѣждаетъ на играхъ въ ристалищѣ (отъ 1 строфы до Епода 3). — Честь, пріобрѣтенная героемъ, разливается на его предковъ, на его потомковъ.—Слава Гіеронова блистаетъ въ Елидѣ, гдѣ Пелопсъ, предокъ его, основалъ первую колонію храбрыхъ Лидіянъ. Здѣсь, кажется, должна бы

спѣть Гіерона, когда онъ одержитъ побѣду на колесницахъ.

кончиться ода. Что сказать болѣе о конѣ, пріобрѣтшемъ побѣду?—но при семъ случаѣ пѣвецъ имѣетъ другую скрытую цѣль, которою всегда гордилась поэзія. Онъ, прославляя героя, даетъ ему уроки: онъ смѣшиваетъ пріятное съ полезнымъ. Ему хотѣлось научить Государя, упоеннаго своею славою: умѣрять страсти, бояться боговъ, умѣть наслаждаться ихъ дарами и не желать того, что насъ выше. Не было ничего приличнѣе для оживленія сей нравственности, какъ исторія Тантала и Пелопса. — Съ одной стороны, она льстила самолюбію Государя, гордящагося своими предками; съ другой, научала его правотѣ, не позволяя чувствовать горечи уроковъ. Самый приступъ къ сей исторіи показываетъ поэта, живущаго при Дворѣ. —Пиндаръ намѣренъ разсказать исторію Пелопса, какъ будто для того только, чтобъ отдѣлить ее отъ нелѣпыхъ басенъ, извѣстныхъ между народомъ:—новое угожденіе Гіерону! — послѣ того слѣдуетъ самый Епизодъ (отъ 3 Епода до 4 Антистрофы). Вмѣсто нравоученія въ немъ заключеннаго, пѣвецъ дѣлаетъ обѣты за Государя; онъ поручаетъ его богамъ покровителямъ; онъ почти говоритъ: чего тебѣ

желать?—ты поставленъ на высочайшей степени могущества и славы. Чтобы поддержать свое величіе, надобно быть довольнымъ тѣмъ, что даровали боги. Они вѣдаютъ, что намъ нужно и что не нужно (Антист. и Еп. 4).—Что можетъ быть величественнѣе и остроумнѣе сего плана? При всей нашей холодности къ симъ безпрестаннымъ баснямъ, которыми исполнены Греческія поэмы, мы должны согласиться, по крайней мѣрѣ, что онѣ были занимательны для Грековъ; что онѣ составляли, по большей части, ихъ собственную исторію; что въ нихъ заключалась религія народа; что игры Олимпійскія, Истмійскія и Немейскія принадлежали къ священнымъ обрядамъ богослуженія; —мы должны согласиться, что поэтъ не могъ ничѣмъ столько угодить народу, какъ тѣмъ, что онъ соединялъ имена боговъ, учредителей игръ, съ именами атлетовъ, которые на нихъ прославились. Похвала побѣдителю, сливаясь съ похвалами безсмертныхъ, превращалась въ обильное и цвѣтущее поле для поэзіи и ничто такъ сильно не возбуждало сего священнаго Ентузіасма, который составляетъ душу Аполлоновой лиры! отсюда оная божест-

венная роскошь въ украшеніяхъ, которою удивляетъ Пиндаръ: отсюда быстрота слога, столько смѣлаго и дерзновеннаго!— Пиндаръ, въ пареніи своемъ, презираетъ всѣ идеи посредствующія; фразы его составляютъ беспрерывный рядъ картинъ, между которыми, съ перваго взгляда, не видно никакого отношенія.—Но Греки понимали его.

Оды Горація.

Изъ всѣхъ Латинскихъ Лириковъ одинъ только Горацій сохранился до временъ нашихъ; мнѣніе Квинтиліана, утверждающаго, что всѣ прочіе Лирики не заслуживаютъ чтенія, много утѣшаетъ насъ въ сей потерѣ. Напротивъ же того приписываетъ онъ величайшую похвалу Горацію, и похвала сія подтверждена во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Горацій, кажется, соединяетъ въ себѣ Анакреона и Пиндара, но къ ихъ дарованіямъ присовокупляетъ еще собственный свой даръ. Въ сочиненіяхъ его есть изступленіе и возвышенность Фивскаго стихотворца, но уклоненія его отъ главнаго предмета не столь скоропостижны и не столь далеки, шествіе гораздо плавнѣе и надежнѣе, вы-

раженіе имѣетъ въ себѣ болѣе разнообразія и пріятности. Пиндаръ, воспѣвающій всегда одинакіе предметы, имѣетъ всегда одинакій слогъ; въ Гораціи находятся всякаго рода слоги: кажется, что всѣ они ему врожденны, во всѣхъ слогахъ достигъ онъ совершенства. Возметъ ли онъ лиру — будучи восхищенъ Піитическимъ духомъ, мгновенно преселяется въ совѣтъ боговъ, или на развалины Трои, на вершину Альпійскихъ горъ, или садится близь Гликеріи, и гласъ его всегда приличенъ предмету, его одушевляющему. Онъ величественъ на Олимпѣ, и любезенъ сидя подлѣ своей любимицы. Съ такою же удобностію описываетъ возвышеннымъ слогомъ великую душу Катона или Регула, съ какою изображаетъ самыми очаровательными красками нѣжную ласку Лицимніи и любезность Пирры. Предаваясь сластолюбію столь же явно, какъ Анакреонъ, бывъ ревностный исполнитель и наставникъ въ веселостяхъ, онъ наполнилъ творенія свои тою же пріятностію, какую находимъ въ Анакреонѣ, но токмо съ большимъ благоразуміемъ и философіею; быстрымъ воображеніемъ не только равняется съ Пиндаромъ, но превосходитъ его

основательностію мыслей и чистотою нравоученія.

Здѣсь для примѣра предлагаются двѣ оды Горація съ прозаическимъ переводомъ для удобнѣйшаго сохраненія мыслей подлинника. Начнемъ съ той, которою прославляетъ онъ Пиндара. Кн. 4. Ода I.

Къ Юлію Антонію.

Pindarum quisquis studet aemulari,
Jule, ceratis ope Daedaleâ
Nititur pennis, vitreo daturus
Nomina ponto.
Monte decurrens velut amnis, imbres
Quem super notas aluere ripas,
Fervet immensusque ruit profundo
Pindarus ore;
Laureâ donandus Apollinari,
Seu per audaces nova dithyrambos
Verba devolvit, numerisque fertur
Lege solutis;
Seu deos, regesve canit, deorum
Sanguinem, per quos cecidere justâ
Morte Centauri, cecidit tremendae
Flamma Chimerae;
Sive, quos Elea domum reducit

Palma coelestes, pugilemve equumve
Dicit, et centum potiore signis
Munere donat;
Flebili sponsae juvenemque raptum
Plorat, et vires animumque moresque
Aureos educit in astra, nigroque
Jnvidet Orco.
Multa Dircaeum levat aura cycnum,
Tendit, Antoni, quoties in altos
Nubium tractus: ego, apis matinae
More modoque,
Grata carpentis thyma per laborem
Plurimum, circa nemus uvidique
Tiburis ripas operosa parvus
Carmina fingo.

„Всякъ, кто дерзаетъ подражать Пиндару, лепитъ на восковыхъ Дедаломъ устроенныхъ крылїяхъ, и подобно Икару погрузится въ море. Какъ выступившїй отъ дождей изъ бреговъ и съ высоты горъ ниспадающїй потокъ шумитъ, такъ стихи, изъ устъ Пиндара исшедшїе, гремятъ плѣняющимъ краснорѣчїемъ и согласїемъ. Воспѣваетъ ли онъ отважные Дифирамвы, наполняя ихъ новыми словами, и въ изступленїи своемъ забывая предписанную сти-

хамъ мѣру, или славитъ боговъ, Царей, и богами рожденныхъ чадъ, отъ коихъ воспріяли достойную смерть Кентавры и ужасный пламенъ изрыгавшая Химера: или когда прославляетъ героевъ, возвращающихся въ отечество свое съ Элейскою пальмою, или Атлетовъ, побѣдителей въ ристаніи, коимъ подноситъ дары, гораздо драгоцѣннѣйшіе многочисленныхъ истукановъ; или когда оплакиваетъ супруга похищеннаго у супруги, и содѣлываетъ безсмертными его мужество, доблесть, нравы, златому вѣку приличные, и тѣмъ исторгаетъ ихъ изъ вѣчнаго забвенія—всегда, легкій въ пареніи, подобно Лебедю Дирцейскому, неутомимо держится въ высотахъ: а я, какъ пчела собирающая по утру съ великимъ тщаніемъ изъ разныхъ соковъ медъ, провождаю время надъ сочиненіемъ мѣлочныхъ стиховъ.„

Г. Капнистъ весьма удачно подражалъ сему произведенію Горація въ слѣдующей одѣ, подъ названіемъ *Ломоносовъ:*

Кто Росску Пиндару желаетъ
Въ восторгахъ пылкихъ подражать,
Во слѣдъ Икара тотъ дерзаетъ
На крыльяхъ восковыхъ летать:

Взнесется къ облакамъ; но вскорѣ,
Лишь солнца силу ощутитъ,
Низринется стремглавъ, и море
Безумца имя возвѣститъ.

Какъ быстрый токъ струи скопленны
Стремитъ съ крутой вершины горъ,
Кристалы льетъ на брегъ зеленый,
Дремучій будитъ шумомъ боръ:
Такъ звучной лирой Ломоносовъ
Сопровождая громкій стихъ,
Плѣняетъ слухъ и души Россовъ,
И усладитъ потомство ихъ.

Творца глаголы потворяя,
На судъ ли смертнаго съ нимъ звалъ:
„Онъ гласомъ тромы прерывая,
„Словами небо колебалъ;
„Съ покрытыя пучины мглою
„Хаосный, лѣностный туманъ
„Разгналъ всесильною рукою,
„И съ суши сдвигнулъ Океанъ!„

Поетъ ли, какъ восходъ денницы,
Минервы шествіе на тронъ;
Коль важно подвигъ сей Царицы,

Коль громко возглашаетъ онъ:
„Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?
„Кто ходъ его остановитъ?
„И Океанскихъ водъ разливу
„На встрѣчу кто поставитъ щитъ?„

Любви ль предѣлъ изображаетъ:
Какъ кисть его оживлена!
Какою прелестью плѣняетъ
Волшебна райская страна!
„Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
„Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
„Межъ бисерными облаками
„Сіяетъ злато и лазурь!

„Древа листами помаваютъ,
„И нѣжну ощущая власть,
„Другъ друга вѣтвьми обнимаютъ;
„Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть!
„Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
„То гонятъ, то себя манятъ;
„То прямо другъ къ другу стремятся,
„И слившись, межъ собой журчатъ.„

За Марсомъ ли во слѣдъ дерзая,
Сраженій представляетъ видъ:

„Съ трофея на трофей ступая,
„Россійско воинство спѣшитъ.
„Орламъ симъ воды, лѣсъ, стремнины,
„Глухія степи—равенъ путь;
„Нося перунъ, полки орлины
„Парятъ, гдѣ вѣтръ лишь можетъ дуть.„

Съ такою дерзостью чудесной
Извѣдавъ неусталость крылъ,
Верхъ облакъ въ синевѣ небесной
Россійскій сей орелъ парилъ.
Но я, какъ пчелка, надъ землею
Съ трудомъ съ цвѣтовъ сосуща медъ,
Я тиху пѣснь жужжать лишь смѣю;
Высокій страшенъ мнѣ полетъ!

Державинъ! ты на лирѣ звонкой
Воспой великія дѣла
Царицы, что побѣдой громкой
Моря и сушу потрясла!
Воспой боговъ сей даръ безцѣнной,
Дороже коего они
Не могутъ ниспослать вселенной,
Хоть возвратятъ златые дни.

Воспой тотъ день трикратъ щастливой,
Когда на жертвенникъ побѣдъ

Зеленый лавръ, обвитъ оливой,
Она въ знакъ мира вознесетъ;
Тогда и я, въ толпѣ народа,
Участникъ общаго добра,
Во время пышна къ храму хода,
Съ восторгомъ возглашу: ура!

Съ тобой мы вмѣстѣ радость нашу
Явимъ усерднымъ торжествомъ;
Безцѣнныхъ ты мастиковъ чашу
Возжешь предъ мирнымъ божествомъ;
Чертогъ твой, яркими звѣздами
Украшенъ, ночью возблеститъ,
И радостными голосами
Въ немъ Гимнъ Астреѣ возгремитъ!

А я, помостъ усыпавъ храма
Взрощенными цвѣтами мной,
Возжгу въ немъ горстку фиміама,
Съ бѣлѣйшею лилей свѣчой
Изъ воска, что съ полянки смѣжной
Трудолюбивая пчела,
За мой о ней надзоръ прилѣжной,
Съ избыткомъ въ даръ мнѣ принесла.

Къ Делію.

Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem, non secus in bonis
Ab insolenti temperatam
Laetitia, moriture Delli,

Seu moestus omni tempore vixeris,
Seu te in remoto gramine per dies
Festos reclinatum beâris
Jnteriore nota *) Falerni,

Quà pinus ingens albaque populus
Umbram hospitalem consociare amant
Ramis, quà et obliquo laborat
Lympha fugax trepidare rivo.

Huc vina et unguenta, et nimium brevis
Flores amoenos ferre jube rosae,
Dum res, et aetas, et sororum
Fila trium patiuntur atra.

Cedes coemptis saltibus, et domo,
Villâque flavus quam Tiberis lavit:

*) Nota *interior*: каждая бушылка имѣла свою надпись, на коей означались годы и качесшво вина; interior: внушренняя часшь погреба, содержащая сшарое и ошличное вино.

*

Cedes; et exstructis in altum
Divitiis potietur haeres.

Divesne, prisco natus ab Inacho,
Nil interest, an pauper, et infimâ
De gente, sub divo moreris,
Victima nil miserantis Orci.

Omnes eodem cogimur; omnium
Versatur urnâ; seriùs ociùs
Sors exitura, et nos in aeternum
Exilium impositura cymbae.

„Умѣй, о Делій, хранить равнодушіе въ бѣдствіяхъ, и въ счастіи не предавайся чрезмѣрной радости: провождаешь ли ты всю жизнь въ печали, или возлегая уединенно на травѣ, испиваешь въ праздничные дни полныя чаши стараго Фалернскаго вина, — умрешь равномѣрно. — Туда, гдѣ высокая сосна и бѣлые тополи любятъ соединять свои вѣтьви, составляющія пріятную тѣнь, и гдѣ струи ручья извиваются—туда повели принести вина, благовоній и розъ, столь краткое время цвѣтущихъ, пока счастіе и лѣта и страшныя нити трехъ сестръ то дозволяютъ. Оставишь нѣкогда купленныя рощи свои, домъ, села, златоцвѣтнымъ Тибромъ оро-

шаемыя и наслѣдникъ овладѣетъ пышными твоими сокровищами. Богатъ ли ты, рожденъ ли отъ древняго Инаха *), или отъ низкихъ предковъ, не имѣя хижины, скитаясь подъ открытымъ небомъ,—равно ты будешь жертвою безжалостнаго Орка. Мы всѣ стремимся къ единому концу. Въ одной урнѣ вращается жребій всѣхъ человѣковъ, и единая ладья перевезетъ насъ въ вѣчное заточеніе.,,

Вотъ подражаніе сей одѣ Г. Жуковскаго:

Умѣренъ, Делій, будь въ печали
И въ счастіи неослѣпленъ:
На мигъ намъ жизнь безсмертны дали;
Всѣмъ путь къ Тенару проложенъ!
Хотя бъ заботы насъ томили,
Хотя бъ Токайское вино
Мы нѣжася на дернѣ, пили —
Умремъ! такъ Діемъ суждено!
Несижъ сюда, гдѣ тополь съ ивой
Изъ вѣтвій соплетаютъ кровъ,
Гдѣ вьется ручеекъ игривой
Среди излучистыхъ бреговъ,
Вино, и масти ароматны,

*) Древнѣйшій Царь Аргосскій.

И розы, дышущія мигъ!
О Делій! годы не возвратны!
Играй—пока нити дней твоихъ
У черной Парки подъ перстами!
Ударитъ часъ—всему конецъ!
Тогда, прости и лугъ съ стадами
И твой изъ юныхъ розъ вѣнецъ,
И соловья пріятны трели
Въ лѣсу вечернею порой,
И звукъ пастушеской свирѣли,
И домъ, и садикъ надъ рѣкой,
Гдѣ мы, при факелѣ Діаны,
Вокругъ дерноваго стола,
Стучимъ стаканами въ стаканы,
И пьемъ изъ чистаго стекла
Въ винѣ печалей всѣхъ забвенье!
Играй! таковъ есть мой совѣтъ!
Не годы жизнь, а наслажденье!
Кто счастье зналъ, тотъ жилъ сто лѣтъ!
Пусть быстрымъ, лишь бы свѣтлымъ,
токомъ
Промчатся дни чрезъ жизни лугъ;
Пусть смерть зайдетъ къ намъ не нарокомъ
Какъ добрый, но *нежданый* другъ!

Не нужнымъ почитаемъ болѣе помѣщать здѣсь отечественныхъ примѣровъ *оды*. Читатели сами найдутъ ихъ въ сочиненіяхъ Ломоносова, Петрова, Державина, Дмитріева, Капниста, Жуковскаго, Мерзлякова, Востокова и пр. и пр.

ОКОНЧАНІЕ. См. *Совершеніе*.

ОКРУЖЕНІЕ, Epanalepsis. Въ Риторикѣ, фигура рѣченій: состоитъ въ томъ, когда періодъ начинается и оканчивается однимъ словомъ. — См. *Повтореніе*. — На пр:

Слезой я каждый день встрѣчаю
И кончу каждый день *слезой*

или

Узнала витязя она
И брата съ ужасомъ *узнала*

ОМОНИМЪ. Недавно изобрѣтенъ въ Германіи новый родъ загадки, названной по Гречески *омонимъ*, а по Нѣмецки Gleichname, что значитъ *Тождесловъ* или *Соименникъ*. Загадка сія дѣлается такимъ образомъ: должно найти слово, которое имѣло бы различныя значенія, и каждому изъ сихъ значеній дѣлать особенное опредѣле-

ніе по правиламъ простыхъ загадокъ, то есть, стараться, чтобы оныя опредѣленія не были ни слишкомъ ясны, ни слишкомъ темны и затруднительны для отгадыванія. Вотъ Нѣмецкой *Омонимъ*.

Jch, die ich Witz und Scherz,
Musik und Tanz dir schende
Zugleich für Aug und Herz
Gar lustige Bilder sinde;
Jch bin es auch, die, oft
Tod und Verderben bringt;
Dem Helden unverhofft
Ein todten Liedchen singt.

Для лучшаго уразумѣнія приведемъ переводъ буквальный сего Омонима:

„Я доставляю тебѣ остроуміе, шутку, музыку, пляску и пріятнѣйшія картины для глазъ и сердца; я также и тѣмъ бываю, что часто смерть и разрушеніе приноситъ, и герою нечаянно надгробную пѣсенку воспѣваетъ.„

Омонимъ сей заключается въ словѣ *редутъ*, Redute, имѣющемъ два значенія: въ первомъ случаѣ оно принято здѣсь за *собраніе* или *общество*, куда съѣзжаются для танцовъ и для другихъ удовольствій; а

потомъ за воинскій терминъ, означающій нѣкоторый родъ крѣпостнаго укрѣпленія.

На Русскомъ языкѣ первые Омонимы появились въ прошедшемъ 1819 году—въ Журналѣ Г. Измайлова подъ названіемъ *Благонамѣренный*. Слѣдующіе, помѣщенные въ означенномъ Журналѣ, написаны были нарочно для сего Словаря:

1.) Есть вещь престранная, и вотъ ея примѣта:
Въ темницѣ находясь, она не видитъ свѣта;
Хотите ли тогда ее освободить?
За трудъ пріятностью васъ можетъ наградить.
Но бойтесь вы ее, когда она летаетъ:
До смерти убиваетъ.

Сей Омонимъ значитъ *ядро*; въ первомъ случаѣ — *орѣховое*, во второмъ — *пушечное*.

2.) Меня въ натурѣ нѣтъ; одинъ лишь только знакъ.
Но солнышко его не обойдетъ никакъ.
Меня встрѣчаете съ предлинными усами,
Хожу я по землѣ и плаваю въ водѣ
Меня жъ—читатели! вы согласитесь сами—
Дай Богъ вамъ не имѣть и не видать нигдѣ.

Ракъ. — Слово сіе принято здѣсь въ трехъ знаменованіяхъ, означающихъ *знакъ Зодіака, животное и болѣзнь.*

Слѣдующій *Омонимъ* имѣетъ четыре значенія:

3.) Вещь чудную во мнѣ, читатель, ты найдешь,
Когда подробнѣе разсмотрить, разберешь,
Мои различныя дѣянія и свойства:
Я часто въ воина вселяю духъ геройства;
Небесныя тѣла извѣстны стали мной;
Огня ты не страшись тогда, какъ я съ тобой;
При томъ же иногда такъ высоко бываю,
Что храмы и дворцы ногами попираю;
Имѣю сходственность съ людьми—и вотъ она:
Наружность бѣлая, а внутренность черна.

Т. е: *труба* — она бываетъ *воинская*, *зрительная*, *пожарная*, *печная.*

ОНОМАСТИХЪ, onomasticum. Слово Греческое--стихъ, прославляющій чьелибо имя.

ОПЕРА. Опера есть сочиненіе Драматическое, въ которомъ соединяются всѣ изящныя искуства, какъ то, поэзія, живопись и музыка. Поэзіею плѣняется умъ,

музыкою слухъ, а живописью глаза; всѣ же вмѣстѣ трогаютъ сердце и производятъ чрезъ различные органы одинакое дѣйствіе. Сіе прекрасно объяснено въ слѣдующихъ стихахъ Вольтера:

Où les beaux vers, la danse, la musique,
L'art de tromper les yeux par les couleurs,
L'art plus heureux de séduire les coeurs,
De cent plaisirs divers font un plaisir unique.

Опера можетъ имѣть предметомъ важныя, шуточныя, чудесныя или сверхъестественныя происшествія. Пишется иногда прозою вмѣстѣ со стихами, полагаемыми на голосъ, иногда же вся стихами. Стихи полагаемые на голосъ называются *аріями*.

Арія одноголосная называется *соло*; изъ двухъ голосовъ—*дуо* или *дуэтъ*; изъ трехъ *тріо* или *терцетъ*; изъ четырехъ — *квартетъ*; изъ пяти—*квинтетъ*. Всѣ сіи слова взяты изъ Италіанскаго языка.

Въ Операхъ, наиболѣе Италіанскихъ, употребляются еще *речитативы*, которые состоятъ изъ стиховъ, произносимыхъ безъ пѣнія, но вмѣстѣ съ музыкою.

Опера, также какъ и прочія Драматическія произведенія, раздѣляется на

дѣйствія (акты) и на явленія (сцены), и дѣйствій можетъ имѣть отъ одного до пяти. Правилъ требуетъ такихъ же, какъ и всѣ театральныя сочиненія, т. е. имѣть *узелъ*, *развязку* и пр. выключая однакожъ правилъ единства, кои въ другихъ Драматическихъ твореніяхъ соблюдаются съ бо́льшею строгостію. — См. *Драма* и *Драматическій*.

Вольтеръ, въ предисловіи къ Трагедіи своей *Едипъ*, такъ пишетъ объ Оперѣ:

„*Опера* есть представленіе столь же странное, сколь великолѣпное — представленіе, которое болѣе нравится глазамъ и слуху, нежели уму, въ которомъ подчиненность музыкѣ дѣлаетъ необходимыми самыя смѣшныя погрѣшности, въ которомъ должно пѣть пѣсенки при разрушеніи города и плясать вокругъ могилы, въ которомъ видны бываютъ въ одно время дворцы Плутона и Феба, боги, черти, колдуны, чудовища, за́мки, сооружаемые и разрушаемые во мгновеніе ока. Терпятъ, даже любятъ сіи странности потому, что смотря на нихъ переносятъ себя мысленно въ страну волшебствъ; и ежели зрители находятъ пріятными украшенія театра, пляску, музыку, то все прочее за-

бываютъ, а особливо когда встрѣтится *сцена*, способная тронуть сердце. Столько же смѣшно требовать въ Алцестѣ (извѣстная опера) единства дѣйствія, actio, сколько въ Циннѣ или Родогюнѣ, чертей и плясокъ.—Однакожъ, продолжаетъ Вольтеръ, хотя оперы изъемлются изъ правилъ единства, но можно почесть лучшими изъ нихъ тѣ, въ которыхъ правила сіи менѣе бываютъ нарушены.„

Опера, по содержанію своему, бываетъ либо *Комическая*, либо *Трагическая*. Комическая, показывая странности и пороки, смѣшитъ зрителей; Трагическая возбуждаетъ въ нихъ ужасъ и сострадание. Трагическая опера называется иначе *Лирическая трагедія*.

Мы съ удовольствіемъ слушаемъ въ обыкновенной Трагедіи или Комедіи, Царей, героевъ, даже самыхъ простолюдиновъ, говорящихъ *стихами*. Для чего же не допустить, чтобы сіи лица пѣли въ Оперѣ трагической, или комической? ежели мы представляемъ, что можетъ быть народъ *стихословный*, то почему не быть народу *пѣсенному*? рѣчь, составленная по извѣстному размѣру, нисколько не натуральнѣе пѣнія! къ тому же гораздо вѣроят-

нѣе, что послѣднее предшествовало первому. Слѣдовательно, по самой убѣдительной причинѣ можемъ представить себѣ такую націю, которая, вмѣсто обыкновенной рѣчи, употребляетъ пѣніе;—а потому не должны удивляться, когда изъ сей націи увидимъ и такого человѣка, который поетъ даже при послѣднемъ издыханіи.

Дѣйствіе, или содержаніе (actio) оперы трагической должно быть Героическое, любовное и несчастное, *иногда* чудесное— и симъ-то послѣднимъ качествомъ отличается она отъ настоящей Трагедіи. *Чудѣсное* Оперы состоитъ въ введеніи какого нибудь божества, или существа сверхъестественнаго, которое дѣйствовало бы вмѣстѣ съ обыкновенными лицами, къ чему весьма много можетъ способствовать Мифологія.—Еще повторяемъ, что въ сихъ сочиненіяхъ правило *единства* можетъ быть нарушаемо безъ оскорбленія вкуса. Въ настоящей Трагедіи каждый актъ содержитъ часть цѣлаго дѣйствія; здѣсь каждый актъ часто содержитъ особенное дѣйствіе; здѣсь сцена можетъ перемѣняться при каждомъ актѣ, ибо въ *оперѣ* между прочимъ необходимо должно нравиться

глазамъ зрителей разнообразностію картинъ. По сему послѣ блестящаго очарованнаго за̀мка легко можетъ представиться степь самая ужасная или—послѣ извержений огнедыщущей горы — поля разноцвѣтныя съ пріятными сельскими домиками и тому подобное. Словомъ сказать, здѣсь всякое *чудесное* кажется дѣломъ сбыточнымъ, ибо воображаемъ, что тутъ дѣйствуетъ какое нибудь божество, или по крайней мѣрѣ чародѣйство.

Вообще опера требуетъ слога легкаго, особливо въ Аріяхъ, гдѣ всякая противъ онаго погрѣшность, или самая малая негладкость, сверхъ непріятности для чтенія и для слуха, бываетъ неспособна для преложенія на музыку.—Впрочемъ необходимо, кажется, самому сочинителю оперы знать музыку; покрайней мѣрѣ желательно, чтобы могъ онъ чувствовать всѣ дѣйствія, какія производитъ музыка въ разнообразныхъ своихъ измѣненіяхъ. Соображаясь съ оными онъ будетъ знать какой размѣръ и даже какое сочетаніе стиховъ должно употребить въ печальной или въ шуточной аріи, въ дуэтѣ или въ квинтетѣ и пр. Сіе познаніе не мало

также способствовать можетъ и къ чистотѣ слога.

О танцахъ. — Балеты и танцы приличны бываютъ въ оперѣ тогда только, когда представляются какія либо праздники. Изъ Италіанской оперы, важной отъ начала до конца, они изключены совершенно; когда же и вводятся между актами, то ни сколько не принадлежатъ къ общему дѣйствію оперы, а иногда и со всемъ оному противны — что и составляетъ украшеніе весьма странное.

У Французовъ, у Нѣмцовъ, и у насъ, танцы и балеты употребительны, и могутъ быть какъ въ началѣ, такъ въ срединѣ и концѣ акта, только бы кстати. Они приличны равно и въ простомъ происшествіи, и въ чудесномъ. Одни бываютъ только для забавы и могутъ назваться *простыми*, а другіе—*характерными*, когда изображаютъ какое либо происшествіе.

При семъ слѣдуетъ еще и то замѣтить, что ежели зритель находится въ безпокойствѣ и страхѣ, произведенномъ въ немъ происшествіемъ, то сіи празднества или забавы покажутся ему скучны и несносны; если же они ему нравятся, то сіе служитъ знакомъ, что содержаніе

піесы не тронуло души его.—Для отвращенія сего надлежитъ стараться, чтобы дѣйствіе печальное или ужасное имѣло промежутки, и чтобы одушевляющія оное сильныя страсти возвращались иногда къ спокойствію и счастію, подобно какъ въ дни бурные и облачные бываютъ иногда минуты тихія и ясныя—словомъ: надлежитъ сохранять порядокъ *натуральный*, т. е. чтобы надежда слѣдовала страху, безпокойство удовольствію, удовольствіе безпокойству съ такою же легкостію, какъ то происходитъ въ общественной жизни.

Дабы сдѣлать вышеприведенныя правила удобнѣйшими къ уразумѣнію, покажемъ здѣсь содержаніе одной извѣстнѣйшей и можно сказать образцовой Французской оперы Господина Кино, подъ названіемъ *Алцеста*.

Театръ начинается бракомъ Алцесты и Адмета — и общее веселіе окружаетъ ихъ. Ликомедъ, Царь Скироса, съ отчаяніемъ смотря на счастіе соперника своего Адмета, показываетъ однакожъ притворную радость; онъ приглашаетъ новобрачныхъ на праздникъ, нарочно для нихъ устроенный. Алцеста всходитъ къ нему

на корабль—и онъ увозитъ ее въ глазахъ Адмета и Алкида. Смятеніе и горесть заступаютъ мѣсто прежней радости. Алкидъ съ Адметомъ отправляются для освобожденія Алцесты и наказанія похитителя. Осажденный въ Скиросѣ Ликомедъ сопротивляется и не выдаетъ своей плѣнницы; въ продолженіи приступа царствуетъ повсюду ужасъ. Алкидъ разбиваетъ врата, городъ взятъ, Алцеста освобождена, радость возвращается съ нею—но на самое краткое время. Адмета приводятъ смертельно раненаго; онъ при послѣднемъ издыханіи на рукахъ Алцесты. Тогда Аполлонъ сходитъ съ неба, и объявляетъ, что ежели кто нибудь согласится умереть за Адмета, то судьбы возвратятъ ему жизнь. И такъ сладостная надежда снова заступаетъ мѣсто печали. Но нѣтъ никого желающаго пожертвовать собою за Адмета! между тѣмъ минута кончины его приближается. Аполлонъ обѣщаетъ воздвигнуть памятникъ тому, кто принесетъ себя на жертву Адмету: надежда въ окружающемъ его народѣ производитъ нѣкоторую радость.—Спустя нѣсколько времени памятникъ появляется, и въ находящемся наономъ изображеніи Адметъ узнаетъ

свою супругу. Весь замокъ оглашается жалобнымъ воплемъ: *Алцеста умерла!* Повсюду печаль и отчаяніе. Самому Адмету несносна жизнь, такою цѣною купленная. Приходитъ Алкидъ и объявивъ скрываемую имъ прежде любовь къ Алцестѣ, дѣлаетъ такое предложеніе, что ежели Адметъ ее уступитъ ему, то онъ снидетъ въ адъ и принудитъ возвратить ее. Адметъ соглашается—радость блеснула на всѣхъ лицахъ. Плутонъ, изумленный неустрашимостію и тронутый любовію Алкида, отдаетъ ему Алцесту—новое всеобщее торжество! но лишь только Адметъ увидѣлъ свою супругу, какъ и вспомнилъ ужасную обязанность свою уступить ее другому: ихъ прощаніе производитъ уныніе и горесть. Алцеста подаетъ руку своему избавителю, Адметъ удаляется, Алкидъ останавливаетъ его, и самъ отказывается отъ полученной имъ награды.

Non, non, vous ne devez pas croire,
Qu'un vainqueur des tyrans soit tyran à son tour;
Sur l'Enfer, sur la mort j'emporte la victoire;
Jl ne manquait plus à ma gloire,
Que de triompher de l'amour.

*

т. е. нѣтъ, не мысли, чтобы побѣдитель тирановъ самъ сдѣлался тираномъ. *Я одержалъ побѣду надъ адомъ и смертію! къ славѣ моей одного только недоставало — восторжествовать надъ любовью.*

Сказавъ сіе, онъ соединяетъ Адмета съ Алцестой.

Легко можно видѣть, что въ составленную такимъ образомъ *Басню* не трудно ввести забавы и праздники. Надобно только избѣгать излишества, а для сего не должно всегда слѣдовать принятому обычаю, раздѣлять оперу на пять *актовъ:* достаточно и четырехъ, и даже трехъ. Италіанцы, отличающіеся въ семъ родѣ, служатъ тому примѣромъ. Большая часть ихъ *Лирическихъ Трагедій* имѣетъ не болѣе трехъ актовъ. Когда же опера въ трехъ актахъ, то пусть одинъ изъ нихъ представляетъ зрѣлище великолѣпное, важное, прочіе могутъ быть украшены какими либо забавами. Въ оперѣ болѣе всего плѣняетъ разнообразность.

О декораціяхъ. — Декораціи также составляютъ въ оперѣ часть удовольствія, приносимаго ею глазамъ зрителей. Само собою разумѣется, что происшествіе, исполненное *чудеснаго*, способнѣе для укра-

шеній всякаго рода, нежели происшествія, взятыя изъ исторіи — на примѣръ, вразсужденіи перемѣны мѣста: когда происшествіе имѣетъ основаніе *натуральное*, то и перемѣна мѣста не иначе послѣдовать можетъ, какъ чрезъ такія же натуральныя средства; ибо въ натурѣ время, пространство и скорость имѣютъ неизмѣняемыя между собою соотношенія. Можно придать *нѣчто* скорости, можно распространить *нѣсколько* время, но со всемъ тѣмъ перемѣна мѣста не иначе можетъ быть, какъ въ продолженіи назначеннаго для того времени, то есть, между актами, или тогда, какъ всѣ дѣйствующія лица уходятъ со *сцены;* въ происшествіяхъ же *чудесныхъ* все сіе можетъ совершаться внезапно, въ одно мгновеніе, какъ въ присутствіи дѣйствующихъ лицъ, такъ и безъ оныхъ.

О Русскихъ операхъ. Мы обязаны появленіемъ на нашемъ театрѣ *оперы* Александру Петровичу Сумарокову. Въ царствованіе Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ написалъ онъ нѣчто похожее на *оперу*, подъ названіемъ *Прибѣжище добродѣтели, балетъ*, въ пяти частяхъ или актахъ. Тутъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ предста-

влена Добродѣтель. Она странствовала по Африкѣ и Азіи, видѣла повсюду развратъ и не находила себѣ пристанища. Наконецъ является Минерва въ образѣ Россіянки, и говоритъ ей:

Поди къ Монархинѣ ты третіяго свѣта,
Гдѣ щедро царствуетъ теперь ЕЛИСАВЕТА;
Подъ скипетромъ ЕЯ веселія цвѣтутъ:
Найдешь прибѣжище себѣ конечно тутъ и пр.

И потомъ поетъ:

На встокѣ счастья нѣтъ,
На западѣ тьма бѣдъ,
Иду въ полночный свѣтъ.

Все сочиненіе оканчивается *хоромъ*:

Здравствуй, о ЕЛИСАВЕТА,
Царствуй нами многи лѣта,
Буди счастлива всегда!

Ты намъ мать, твои мы чада:
Небо дай, чтобъ Ей досада
Не коснулась никогда.....

Въ 1764 году представлена была въ С. Петербургѣ первая *Опера* его *Алцеста*,

которая, надлежитъ признаться, не иное что есть, какъ весьма слабая тѣнь вышепоказанной *Алцесты* Г. Кино: содержаніе сходствуетъ въ томъ единственно, что у Сумарокова Адметъ также долженъ умереть (но по какой причинѣ, объ этомъ не сказано), Алцеста также за него жертвуетъ жизнію, Геркулесъ также сходитъ въ адъ, уводитъ ее оттуда безъ всякаго прекословія и возвращаетъ Адмету. Впрочемъ должно полагать, что Сумароковъ такою простотою происшествія принаравливался къ тогдашнему недостатку въ *декораціяхъ* и машинахъ театральныхъ.— Онъ написалъ много *Оперъ;* ему послѣдовали Аблесимовъ, Левшинъ, Княжнинъ, К. Горчаковъ и другіе. Сама ЕКАТЕРИНА вторая, вмѣсто отдохновенія послѣ дѣлъ государственныхъ, упражнялась въ сочиненіи *Оперъ*. Россійскій театръ, состоящій въ 20 томахъ, содержитъ нѣкоторыя произведенія сей безсмертной Государыни.

Изъ новѣйшихъ писателей особенно Князь А. А. Шаховской весьма много способствуетъ къ приведенію у насъ *Оперы* въ надлежащее совершенство. Его произведенія въ семъ родѣ отличаются какъ естественностію содержанія, такъ и всѣми

принадлежащими оному (роду) украшеніями.

ОПИСАНІЕ. Descriptio.—Описаніе есть несовершенное и неточное *опредѣленіе*, definitio. (См. Опредѣленіе.). Оно показываетъ нѣкоторыя свойства и обстоятельства вещи, достаточныя для полученія объ ней понятія и отличенія отъ другихъ вещей, не разбирая однакожъ состава ея и самой сущности. На примѣръ въ изображеніи человѣка *Описаніе* не можетъ служить отвѣтомъ на вопросъ *что онъ*, quid est; но отвѣчаетъ на вопросъ *кто онъ*, quis est.

Дабы сдѣлать *описаніе* подробнѣе и пріятнѣе, то для сего надобно умѣть избрать: 1) предметъ, который представить желаете, 2) мѣсто, способнѣйшее къ предполагаемому дѣйствію, 3) время самое выгодное, ежели предметъ подверженъ измѣненіямъ, 4) обстоятельства, могущія представить избираемый предметъ въ желаемомъ видѣ яснѣе, и 5) противоположности, которыя могли бы оный возвысить.

Описаніе раздѣляютъ на шесть родовъ: на Хронографію, Топографію, Прозопографію, Ифопію, Портретъ и Ипотипозисъ.

1. *Хронографія* есть описаніе, представляющее какого либо происшествія время. *На прим:*

Уже съ вершинъ древесъ сошла ночная тѣнь,
И ризу по горамъ раскинулъ свѣтлый день;
Румяное чело Авроринo сіяло;
Все въ мірѣ, мнится, вновь раждаться начи-
нало,
Когда въ преддверіе Россійскій Князь вступилъ....

Херасковъ. П. Влад.

У Державина *въ Видѣніи Мурзы:*

На темноголубомъ эфирѣ
Златая плавала луна,
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ,
Кропя забвенія росою
Моихъ домашнихъ усыплялъ;

Вокругъ вся область почивала,
Петрополь съ башнями дремалъ,
Нева изъ урны чуть мелькала,
Чуть Бельтъ въ брегахъ своихъ сверкалъ;
Природа въ тишину глубоку
И въ крѣпкомъ погруженна снѣ,
Мертва казалась слуху, оку,
На высотѣ и въ глубинѣ;
Лишь вѣяли одни зефиры
Прохладу чувствамъ принося.
Я не спалъ.....

Слово сіе происходитъ отъ *χρόνος* время. и *γράφω* пишу или описываю.

2. *Топографія* есть описаніе мѣста со всѣми подробностями. — Херасковъ такъ описываетъ страшное мѣсто Зломирова жилища:

Со брегу надъ рѣкой угрюмый лѣсъ нависъ,
И выдался въ водѣ крутой безплодный мысъ;
Тамъ видима въ тѣни кремнистая пещера,
Кругомъ ея растетъ кудрявая Есдера;
Изсохши древеса дрожащу мещутъ тѣнь,
Пещеру никогда не посѣщаетъ день;
Тамъ кажется ночныхъ жилище привидѣній,
Убѣжище тоски, вертепъ печальныхъ мнѣній;

Тамъ мягкій одръ себѣ устроилъ томный сонъ,
И скука мрачная соорудила тронъ;
Тамъ царствуютъ всегда нахмуренны туманы,
Слѣтаются кругомъ стадами черны враны:
Зломиръ тамъ обиталъ.....

И описаніе лѣса:

Гдѣ, кажется, простеръ покровы томный сонъ,
Трепещущи листы даютъ печальный стонъ;
Зефиры нѣжные среди весны не вѣютъ,
Гдѣ вянутъ всѣ цвѣты, кустарники желтѣютъ,
Не молкнетъ шумъ и стукъ, гдѣ вѣчно страхъ не спитъ
И молнія древа колеблетъ, жжетъ, разитъ;
Лѣсъ воетъ—адъ ему стенаньемъ отвѣчаетъ...

Въ поэмѣ Пушкина *Русланъ и Людмила* такъ описаны сады волшебника Черномора, похитившаго Людмилу:

Роскошно зыблются, шумятъ
Великолѣпныя дубровы;
Аллеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотые апельсины

Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вьется вѣтеръ Майскій
Средь очарованныхъ полей;
И свищетъ соловей Китайскій
Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы,
И мнится, живы; Фидій самъ
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещутъ водопады,
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Пріютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтутъ и дышутъ по тропамъ,

Усѣяннымъ пескомъ алмазнымъ;—
Игривымъ и разнообразнымъ
Волшебствомъ дивный садъ блеститъ.

и пр.

Сюда же принадлежитъ и слѣдующее описаніе поля битвы, въ той же поэмѣ:

.
Трепещетъ витязь по неволѣ:
Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ оставъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный, копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены
И мирный плющь ихъ обвиваетъ.....

Слово Топографія происходитъ отъ *τόπος*, мѣсто, и *γράφω* пишу или описываю.

3. *Прозопографія* имѣетъ предметомъ

описаніе наружнаго вида какого либо человѣка или живошнаго.

Херасковъ въ поэмѣ *Владимірѣ* шакъ изображаетъ діавола:

Кометѣ пламенной его подобенъ зракъ,
Одежда бурный вихрь, а плошь сгущенный мракъ,
Какъ громы рѣчь его; сверкающія очи
Подобны молніямъ среди глубокой ночи;....
Убійство взоръ его, дыханіе отрава,
Утѣха общій плачъ, мучишельства забава и пр.

Въ сказкѣ Г. Каменева *Громвалѣ* также искусно изображенъ волшебникъ Зломаръ:

Грозные взгляды—кометы во шмѣ,
Мѣдь на немъ—панцырь, свинецъ—булава,
Сѣрой мохъ по болошу—брада у него,
Черной лѣсъ послѣ бури—власы на челѣ.

У Державина *въ изображеніи Фелицы*:

Какъ утренняя заря весення,
Такъ улыбалась бы она;
Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
Такъ возвышалась бы стройна.....

Коричными чело власами
А перломъ перси осѣни;
Премудрость и любовь устами,
Какъ розы дышутъ, изъясни

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы
И въ мужество ея красы,
Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
Зефиры вѣяли власы и пр.

Слово прозопографія происходитъ отъ πρόσοπον видъ и отъ γράφω пишу или описываю.

4. *Ифопія* есть изображеніе внутреннихъ качествъ, какъ то добродѣтелей и пороковъ. Слѣдующіе примѣры взяты изъ Епическихъ твореній Хераскова:

Изображеніе Адашева.

Сей мужъ, разумный мужъ, въ его цвѣтущи лѣта
Казался при дворѣ какъ нѣкая планета,
Вступающа въ свой путь изъ незнакомыхъ мѣстъ
И рѣдко зримая среди горящихъ звѣздъ;
Придворные его съ досадой угнѣтали,
Но внутренно его сердцами почитали.

Адашевъ счастія обманы презиралъ,
Мірскія пышности ногами попиралъ,
Лукавству былъ врагомъ, ласкательствомъ гнушался и пр.

Изображеніе Рогдая.

Рогдай прославился во подвигѣ геройскомъ;
Онъ въ браняхъ управлялъ Владиміровымъ войскомъ:
Онъ славою во всей подсолнечной гремѣлъ,
Но качествъ нравственныхъ похвальныхъ не имѣлъ.
Ко просвѣщенію тотъ смертныхъ не годится,
Кто мужествомъ однимъ и силами гордится;
Удобенъ и простой во брани воинъ быть,
Который кровь врага безстрашно можетъ лишь.
Рогдай теперь пришелъ въ отечество отъ Грековъ,
Превыше чтилъ себя всѣхъ прочихъ человѣковъ....
Онъ аспидъ сердцемъ былъ, а храбростію левъ. и пр.

Слово *Ифопія* есть Греческое: Ἠθοποιΐα, morum fictio, изображеніе, изобрѣтеніе нравовъ; отъ Ἦθος mos, indoles, нравъ и

ποιέω facio, fingo, творю, изобрѣтаю:—Квинтиліанъ называетъ Ифопію: imitatio morum alienorum.

5. *Портретъ.* Симъ именемъ называется описаніе внѣшнихъ и внутреннихъ качествъ истиннаго или вымышленнаго лица; слѣдовательно портретъ есть соединеніе Прозопографіи съ Ифопіею.

Вымышленные портреты должны быть правдоподобны, а снятые съ натуры должны имѣть основаніемъ истину.

Примѣръ изъ Саллюстія.

Луцій - Катилина, происшедшій отъ знаменитыхъ предковъ, имѣлъ твердый духъ и крѣпкое тѣло, но злой и развращенный нравъ. Набѣги, убійства, воровство, гражданскія распри были для него съ самыхъ молодыхъ лѣтъ весьма пріятны. Невѣроятно, до какой степени переносилъ онъ голодъ, морозъ, и какъ долго могъ не спать. Онъ былъ человѣкъ смѣлый, хитрый, уклончивый, скрытный, притворный, завидующій имѣнію ближняго и свое собственное расточающій; неистовый въ страстяхъ своихъ; говорившій свободно и мало имѣвшій разсудка. Отъ

великаго духа своего онъ принимался всегда за дѣла чрезвычайныя, невѣроятныя.

Слѣдующіе стихи, прибавленные къ показанному выше въ *прозопографіи* изображенію діавола, составятъ описаніе называемое *портретомъ*:

Но злобный міра Князь, хоть мраками одѣтъ;
Пріемлетъ кроткій видъ, являетъ ложный свѣтъ;
Сей свѣтъ есть татское у неба похищенье,
Ввергающе людей во тьму и развращенье.
Не рѣдко въ молніяхъ, во буряхъ и въ пыли
Распространяется Князь міра по земли;
Въ туманахъ кроется, въ перунахъ угрожаетъ;
Въ дубравахъ нимфамъ онъ зовущимъ подражаетъ,
Во мрежи онъ влечетъ несчастный смертный родъ;......
.....Онъ смотритъ внутрь сердецъ, слова людскія внемлетъ,
И душу слабую едва примѣтитъ онъ,
Вселяется въ нее и въ ней свой ставитъ тронъ.

Жуковскій, въ сочиненіи подъ названіемъ *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*,

представляетъ прекраснѣйшіе примѣры сего рода описаній. Такъ говоритъ онъ о великомъ полководцѣ нашемъ *Кутузовѣ-Смоленскомъ* и о нѣкоторыхъ сподвижникахъ его:

Хвала тебѣ, нашъ добрый вождь,
Герой подъ сѣдинами!
Какъ юный ратникъ вихрь и дождь
И трудъ дѣлитъ онъ съ нами!
О сколь съ израненнымъ челомъ
Предъ строемъ онъ прекрасенъ,
И сколь онъ хладенъ предъ врагомъ,
И сколь врагу ужасенъ..... и пр.

Хвала нашъ вихорь-атаманъ!
Вождь невредимыхъ Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для сопостатовъ!
Орломъ шумитъ по облакамъ,
По полю волкомъ рыщетъ,
Летаетъ страхомъ въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищетъ...... и пр.

А ты, Кутайсовъ, вождь младой!
Гдѣ прелести? гдѣ младость?
Увы! онъ видомъ и душой

Прекрасенъ былъ какъ радость.
Въ бронѣ ли грозной выступалъ —
Бросали смерть перуны;
Во струны ль арфы ударялъ,
Одушевлялись струны.....

Сюда же принадлежатъ и сіи стихи К. Горчакова.

Въ сердца мущинъ вливать любовь,
А въ женщинъ зависть и досаду;
Зажечь единымъ взглядомъ кровь,
И тѣмъ же взглядомъ дать отраду;
Быть умницею не гордясь,
Красавицею не рядясь,
Имѣть и видъ и нравъ небесной.....
Вотъ Хлоюшки портретъ нелестной!

Примѣч. Въ твореніяхъ важныхъ не должно описывать наружнаго вида пространно, а надобно стараться избирать однѣ только самыя разительныя черты. Такъ поступали Гомеръ, Виргилій и Тассъ, потому что главное дѣйствіе не позволяло имъ заниматься мѣлкими подробностями. Напротивъ того въ стихотвореніяхъ нѣжныхъ, или шуточныхъ, позволительно поэту остановиться и представить *пор-*

третъ со всѣми оттѣнками. Такъ у Дмитріева возвратившійся къ семьѣ своей мышенокъ разсказываетъ, что онъ перебравшись черезъ гору

Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ;
Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой—нахалъ, крикунъ; теперь лишь будто съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта,
И будто двѣ руки, служащи для полета;
Онъ ими такъ махалъ,
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я таки не трусъ, а подавай Богъ ноги—
Скорѣе отъ него съ дороги.
Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга;
Въ глазахъ его была написана услуга;

Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хво-
стомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши, какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными мышами

6. *Ипотипозисъ* есть изображеніе какого либо дѣйствія.—Херасковъ говоритъ объ Асталонѣ:

Пошелъ въ средину онъ, покрытъ броней зла-
тою,
И палицей народъ раздвинулъ предъ собою.
Какъ гласомъ многихъ трубъ вѣщалъ Казан-
цамъ онъ:
Се въ помощь къ вамъ пришелъ безстрашный
Асталонъ.
Я слова украшать цвѣтами не умѣю,
Но храбрость лишь одну и силу я имѣю.
При сихъ словахъ съ земли онъ камень под-
хватилъ,
Который множествомъ поднять неможно силъ,
Одной рукой его поставилъ надъ главою.

Кто силой одаренъ, вѣщалъ онъ, таковою?
Повергъ онъ камень сей отъ круга далеко,
И въ землю часть его уходитъ глубоко.

У Державина въ стихахъ *на выздоровленіе Мецената* :

Ко брегу лодка приплывала ,
Приближилась она ко мнѣ ;
Тѣнь бѣлая на ней мѣлькала
Какъ образъ мраморный во тьмѣ.
Утихъ шумъ рощь, умолкъ ревъ водный,
Лишь стонутъ въ тишинѣ часы ,
Стремится потъ по мнѣ холодный
И дыбомъ возстаютъ власы ;
На брегъ изъ лодки вылезаетъ
Старикъ угрюмой и сѣдой ,
И озираясь подпираетъ
Себя ужасною косой.
Тогда по брегу раздалися
Надгробный плачъ и вой людей,
Отвсюду къ старику сошлися
Безчисленны толпы тѣней ;
Прискорбны, блѣдны и безгласны
Онѣ, потупя взоры, шли ;
Цѣпями Фуріи ужасны

Къ морскому брегу ихъ вели.
Старикъ кровавыми когтями
Къ себѣ на лодку ихъ влечетъ.... и пр.

Слово Ипотипозисъ, ὑποτύπωσις, происходитъ отъ предлога ὑπὸ, подъ, и глагола τυπόω, изображаю.

Вообще надлежитъ примѣчать, что ежели *описаніе* не въ состояніи обратить большаго вниманія читателей, то должно дѣлать оное какъ можно короче—избирая однѣ разительнѣйшія обстоятельства.

ОПИСАТЕЛЬНЫЙ. — Описательная поэма. — Сей родъ поэмъ, называемыхъ нынѣ *описательными* или *дескриптивными*, не былъ извѣстенъ древнимъ поэтамъ. Они не производили описательныхъ *поэмъ*, но славились описательною *поэзіею*.

Что же есть поэма *описательная?* — Всѣ поэмы, говоритъ Мармонтель, какъ то Епическая, Дидактическая, Драматическая, и всякой принадлежащій къ нимъ родъ поэзіи, на примѣръ Елегія, Идиллія, Еклога, Епистола и пр. непремѣнно должны заключать въ себѣ *описанія*; но когда поэтъ не имѣетъ другаго намѣренія, другой цѣли, какъ только *описывать* все

встрѣчающееся его взорамъ, *описывать* для того только, чтобы *писать*, то ежели самъ онъ не устанетъ, по крайней мѣрѣ скоро утомитъ читателей.—Всякое благоразумно расположенное сочиненіе, продолжаетъ означенный писатель, должно образовать *цѣлое*, котораго бы всѣ части были между собою связаны, котораго бы средина соотвѣтствовала началу и конецъ срединѣ: таковы правила Аристотеля и Горація (Primo ne medium, medio ne discrepet imum. — Hor.); но въ поэмѣ *описательной* нѣтъ ни цѣлаго, ни порядка, ни соотвѣтственности между частями. Каждое изъ ея описаній въ особенности могло бы понравиться, но множество описаній собранныхъ вмѣстѣ не иному чему уподобить можно, какъ такому свитку, въ которомъ бы склеяны были всѣ Вернетовы картины. *Описательнную поэму* можно почесть только собраніемъ опытовъ стихотворца, который готовится помѣстить въ правильномъ и полномъ сочиненіи богатство и красоты нѣжнаго и пріятнаго слога.

Мармонтель говоритъ справедливо: Собственно такъ называемая *Описательная поэма* должна быть скучна для всякаго читателя. Но Мармонтель не вооpy-

жается противъ *описательной* поэзіи, которая встрѣчается, какъ сказано выше, въ другихъ поэмахъ, или которая имѣетъ въ предметѣ что нибудь другое, кромѣ однѣхъ *описаній*.

Описательная *поэзія* занимается наиболѣе природою и ея дѣйствіями и говоритъ объ нихъ со всевозможною подробностію; по чему авторъ, желающій отличиться въ семъ родѣ, обязанъ, сверхъ правилъ требуемыхъ *описаніями* (см. описаніе), имѣть обширныя свѣденія и въ Физикѣ и въ Естественной исторіи.

*

Описательная поэзія, равно какъ и всякая другая, должна трогать сердце наше и внушать полезныя истины и пріятныя чувствованія. Зрѣлище природы можетъ производить въ насъ различныя движенія.

Въ изображеніяхъ видимой Физической природы должно поступать такъ, какъ Гомеръ, Тассъ и лучшіе драматическіе стихотворцы поступали въ изображеніяхъ нравственной природы: надлежитъ ее увеличить, украсить и сдѣлать привлекательною.

Вы *увеличите* природу, когда что-либо прибавите къ обыкновенному ея величію, или покажете такія слѣдствія отъ ея дѣйствій, которыя превосходятъ истинно-послѣдовавшія; но ежели планъ вашъ не дозволяетъ вамъ часто представлять ее въ такомъ положеніи, то помѣщайте между сельскими описаніями мысли о пространствѣ, о всеобщемъ порядкѣ, о движеніи, о безконечномъ.....

Вы *украсите* природу, когда представите вмѣстѣ красоты ея и богатство: такъ поступилъ Овидій въ описаніи Темпейской долины; такъ описывали: Гомеръ сады Алкиноя, Аріостъ островъ Алцины; Тассъ островъ Армиды; Мильтонъ Эдемъ.

Вы содѣлаете природу *привлекательною*, если изобразите ее въ сношеніи съ существами чувствительными; когда въ описаніяхъ разсѣете нѣкоторыя Физическія и нравственныя истины, могущія служить къ просвѣщенію: правила порядка, чувства благородныя—и наконецъ ежели будете изображать только то, что сами дѣйствительно ощущаете.

Противоположности въ описаніяхъ также производятъ не малое удовольствіе. Изобразите густой, прохладной лѣсъ

послѣ описанія чрезмѣрнаго жара; читатель охотно послѣдуетъ за вами подъ тѣнь, ему пріятно будетъ укрыться отъ палящаго солнечнаго зноя. Противоположности вообще нравятся, когда производятъ новое чувство.

Противоположности веселаго прекрасному, величественнаго пріятному, пріятнаго унылому, не производятъ сильныхъ движеній, но токмо нравятся своимъ разнообразіемъ—о которомъ должны вы стараться въ продолженіи всего вашего сочиненія.

Противоположности же превосходнаго и ужаснаго веселому и прекрасному наиболѣе способны производить впечатлѣнія, но не должно употреблять оныхъ часто, во первыхъ потому, что противоположности сіи рѣдко встрѣчаются въ самой природѣ; во вторыхъ потому, что первое дѣйствіе, производимое въ насъ превосходнымъ, *высокимъ*, есть удивленіе, а ежели высокое или превосходное часто употреблено будетъ, то перестанетъ наконецъ удивлять.

Должно представлять красоты сего рода для того только, чтобы изрѣдка пробуждать чувствительность читателя.

По испытаніи страха, нѣкотораго неудовольствія или удивленія, онъ сдѣлается чувствительнѣе, сильнѣе ощутитъ пріятныя впечатлѣнія.

Но какъ безпрерывныя описанія сельской природы утомятъ вниманіе всякаго читателя, даже самаго пристрастнаго къ полямъ; то надлежитъ для разнообразія представлять и самаго жителя полей, его обычаи, труды, печали и удовольствія.— Таковые Епизоды, принаровленные къ сельскимъ видамъ, придадутъ большую пріятность вашимъ описаніямъ.

Къ сему надлежитъ присовокупить, что между положеніемъ нашимъ, или состояніемъ души, бываетъ весьма примѣтная сходственность съ мѣстами, явленіями и состояніемъ природы.

Изобразите несчастнаго посреди страны, покрытой скалами, въ мрачныхъ лѣсахъ, близь стремнины водъ и пр. Ужасы сіи произведутъ впечатлѣніе, которое соединяясь со впечатлѣніями страха или сострадания, несчастьемъ производимыми, скорѣе разтрогаетъ читателя.

Изобразите влюбленныхъ молодыхъ людей подъ зеленымъ сводомъ деревъ, на лугу испещренномъ цвѣтами, въ странѣ

счастливой, подъ кроткимъ и яснымъ небомъ красоты природы удвоятъ сладостныя чувствованія, родящіяся при видѣ картинъ, исполненныхъ любовію.

Бываютъ еще другія сходственности, но онѣ могутъ представиться воображенію всякаго писателя.

Вы можете иногда противоположить состояніе лица мѣсту, гдѣ происходитъ дѣйствіе; помѣстить удовольствіе среди ужасовъ, печаль въ восхитительныхъ садахъ — и тогда вы изобразите картины, движущія душу двоякимъ образомъ—чувствительностію и мечтаніемъ.

Впрочемъ *Описательная поэзія* должна также способствовать и къ нашему наставленію; ибо въ какой бы то ни было поэмѣ, сочинитель обязанъ имѣть нравственную цѣль: чрезъ сіе поэма пріобрѣтаетъ новое достоинство—и удобнѣе сохраняетъ единство какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ.

Примѣры см. въ статьѣ *Описаніе.*

ОПРЕДѢЛЕНІЕ. Definitio.—Опредѣленіе бываетъ двоякое 1) Логическое, 2) Риторическое или піитическое.

Опредѣленіе *Логическое* есть понятіе

о вещи, не только раздѣльное, но и полное, словами изображенное; самая же вещь такимъ образомъ изображенная, называется *опредѣляемымъ*, definitum. Съ опредѣленіемъ не должно смѣшивать *описанія*, descriptio, которое есть изображенное словами понятіе о вещи раздѣльное, однако не полное. Почему *описаніе* отъ *опредѣленія* тѣмъ различно, что послѣднее означаетъ тѣ принадлежности вещи, по которымъ ее всегда отъ всѣхъ другихъ вещей отличить можно (1); напротивъ сего *описаніе* показываетъ такія свойства, по которымъ вещь можно отъ другихъ вещей отличить въ нѣкоторыхъ токмо обстоятельствахъ (b).

(a) Въ опредѣленіи *Логическомъ* должны быть изчисляемы однѣ тѣ свойства вещи опредѣляемой, которыя она имѣетъ всегда, и безъ которыхъ она не можетъ быть болѣе тою вещію. *На пр:* въ опредѣленіи человѣка довольно сказать, что онъ есть *животное разумное*, ибо быть животнымъ разумнымъ есть такое свойство человѣка, безъ котораго человѣкъ не можетъ быть болѣе человѣкомъ: отнимите первое т. е. *животное*, то чело-

вѣка, оставшагося съ послѣднимъ своимъ свойствомъ *разумностію*, можно будетъ почесть духомъ: отнимите же у него *разумность*, то оставшись однимъ *животнымъ* безъ разума, будетъ какимъ нибудь безсловеснымъ.

(Ъ) Напротивъ сего описаніе вмѣщаетъ все то, что объ вещи можно сказать, хотя и невсегда *на пр:* сонъ есть облегченіе печали, награда дневныхъ трудовъ, изображеніе смерти и пр. Такими описаніями исполнены сочиненія ораторовъ и стихотворцевъ.—

Рижскій.

Опредѣленіе *Риторическое*, составляющее одну изъ фигуръ предложеній, есть расположеніе свойствъ или дѣйствій вещи такимъ образомъ, чтобъ можно было дать объ ней ясное и отличительное понятіе. Отъ *Логическаго* опредѣленія разнится тѣмъ, что въ немъ не требуется самый ближній родъ и крайнее различіе опредѣляемой вещи отъ прочихъ существъ. Оно составляется изъ мѣстъ риторическихъ, какъ то: отъ дѣйствія, отъ утвержденія и отрицанія, отъ сравненій и пр. на прим: краснорѣчіе есть искуство, состоящее

въ изобрѣтеніи, расположеніи, израженіи и произношеніи. — Наука есть ясное познаніе истины; просвѣщеніе разума, непорочное увеселеніе въ жизни, похвала юности, старости подпора, строительница градовъ, полковъ крѣпость, утѣха въ несчастіи, въ счастіи украшеніе, вездѣ вѣрный и безотлучный спутникъ. — Онъ въ домѣ отецъ, во градѣ Ликургъ, въ полѣ Гекторъ, въ морѣ Тифисъ.—*См. Риторики Ломоносова и Никольскаго.*

Опредѣленіе Поэтовъ и Ораторовъ показываетъ предметы согласно съ предполагаемымъ ими намѣреніемъ; изъ чего происходитъ, что одной вещи можно имѣть множество различныхъ опредѣленій, изъ коихъ каждое будетъ имѣть свою истину и точность. Двадцать живописцевъ, стоящіе вокругъ избранной ими модели, сдѣлаютъ двадцать разныхъ изображеній отъ разности представляющихся имъ видовъ: разнообразность въ положеніяхъ нравственныхъ производитъ такую же разность въ опредѣленіяхъ Ораторовъ и Поэтовъ. Напротивъ того опредѣленіе *Логическое* должно быть полно, всегда одинаково, единственно.

Примѣромъ *Піитическаго* опредѣленія могутъ служить слѣдующіе стихи:

Опредѣленіе Вельможи.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній,
Должны быть—польза, слава, честь.

Державинъ.

У него же въ одѣ *Богъ* находимъ прекрасное опредѣленіе человѣка:

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю,
Я Царь—я рабъ—я червь—я Богъ....

Жуковскій, въ стихотвореніи подъ названіемъ *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*,

показалъ также весьма удачное опредѣленіе друга:

Блаженъ, кому Создатель далъ
Усладу жизни—друга;
Съ нимъ счастье вдвое, въ скорбный часъ
Онъ сердцу утѣшенье;
Онъ наша совѣсть, онъ для насъ
Второе Провидѣнье.

ОРАТОРІЯ. Гармонія, состоящая: 1) въ согласованіи словъ и слоговъ съ выражаемыми предметами, 2) въ сообразованіи слога съ предметомъ. Первое—есть согласованіе частей выраженія съ частями выражаемаго предмета; второе — согласованіе цѣлаго съ цѣлымъ.

Ораторіею называется родъ небольшой Драмы, писанной для положенія на музыку. Хотя въ ней есть также *разговоры* и *явленія*, какъ и въ другихъ театральныхъ сочиненіяхъ, но *роли* читаются или поются въ ней просто, безъ обыкновенныхъ принадлежностей къ представленію.—Содержаніе *Ораторій* почти всегда берется изъ Священной исторіи. — Въ *Ораторіи* могутъ быть употреблены разные размѣры.—Примѣромъ служатъ слова на Гайд-

нову Ораторію *Сотвореніе міра* и Ораторія, написанная Державинымъ, *цѣленіе Саула*.

ОТВѢТСТВІЕ или *отвѣтствованіе; Subjectio, Responsio, Anteoccupatio.*—Въ Риторикѣ фигура предложеній; состоитъ въ томъ, когда сочинитель самъ на свой вопросъ отвѣчаетъ, или когда самъ спрашиваетъ и вводитъ другое лице отвѣчающее; или заставляетъ другое лице спрашивать, а самъ отвѣчаетъ. На пр. въ словѣ Цицерона за Квинтія: — не было времени призвать его на судъ? но онъ съ тобою жилъ больше года. Нельзя было дѣлать того въ Галліи? но въ провинціи судъ производился.

Въ Псалмѣ 138: камо пойду отъ духа Твоего? и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси......

Преосвященный Анастасій въ словѣ на погребеніе Бецкаго употребилъ сію же фигуру:

Потомство сплететъ ему вѣнецъ хвалы? но глава, увядшая подъ смертнымъ серпомъ, носить его уже не можетъ. Бытописанія возвѣстятъ дѣла его? но сему не внемлетъ болѣе слухъ, прилегшій къ сердцу земли, котораго и гласъ

грома не потрясаетъ. Воздвигнутъ въ честь его мѣдь или марморъ? но подъ тяжестію его изнемогаютъ кости, кои природа тихимъ маніемъ преклонила въ мирѣ уснуть и почить.—

или

Въ поляхъ ли брань? ты тмишь сводъ звѣздный.
Въ моряхъ ли бой? ты пѣнишь бездны.

У Ленкевича въ имнѣ *Благотворительности:*

Что власть, гдѣ нѣтъ тебя? — лишь бремя,
Подъ коимъ стонетъ правота;
Что острой умъ?—разврата сѣмя;
И мудрость мудрыхъ?—слѣпота;
И сила сильныхъ? — бичь для слабыхъ,
И вѣра вѣрнаго? — мертва.

П.

ПАЛИНВАКХІЙ. То же самое, что *Антивакхій.*—См. сіе слово.—Происходитъ отъ *πάλιν*, назадъ или снова, ибо не иное что есть, какъ обращенный назадъ *Вакхическій* стихъ, *Вакхій.*

ПАЛИНДРОМЪ или **ПАЛИНДРОМОНЪ.** Palyndromon. Родъ стиховъ или рѣчи, которые, ежели читаются отъ лѣвой руки къ правой или отъ правой къ лѣвой, имѣютъ одно произношеніе.

Въ Константинополѣ, въ церкви Св. Софіи на купели вырѣзаны слѣдующія слова, могущія быть читаны и назадъ:

νισπονανωμιματα μι-μωνανοπσιν

т. е. не одно лице, но и грѣхи ваши омывайте. — *См. Всемір. путешествователь. Томъ I. изд. 2. письмо XIII. стрн. 298.*

Еще приводятъ въ примѣръ *Палиндромона* слѣдующіе стихи:

Odo tenet mulum, madidam mappam tenet Anna.—

Sator arepo tenet opera rotas.

Послѣдній употребляется въ одной карточной загадкѣ: смысла не имѣетъ.

И сіи произнесенные будто бы діаволомъ:

Signa te, Signa, temere me tangis et angis;
Roma tibi subito motibus ibit amor.

На Русскомъ языкѣ въ примѣръ *Палиндромона* можно привести изрѣченіе

Я иду съ мечемъ судія.

Палиндромономъ называется еще и то, когда рѣчь, читаемая сзади, производитъ сама по себѣ или съ помощію перемѣны препинательныхъ знаковъ, другой смыслъ. На пр. изъ сихъ стиховъ, поднесенныхъ Папѣ Пію I.

Laus tua, non tua fraus; virtus, non copia rerum
Scandere te fecit hoc decus eximium.

Выходитъ

Eximium decus hoc fecit te scandere rerum
Copia non virtus; fraus tua, non tua Laus.

Слово *Палиндромонъ* составлено изъ παλιν назадъ, и δρομοσ, бѣгущій.

ПАЛИНОДЪ. Пѣснь духовная, которую сочиняли прежде въ честь Богоматери.

ПАЛИНОДІЯ. Отрицаніе, отпирательство отъ того, что прежде самъ авторъ говорилъ. Пѣть Палинодію, *Palinodiam canere,* значитъ отступать отъ прежнихъ своихъ словъ. Происходитъ отъ παλιν назадъ или снова, и ωδη пѣснь; по Латинѣ *Recantatio.*

Первую *Палинодію* приписываютъ Стезихору. Говорятъ, что онъ какою-то поэмою оскорбилъ Елену. Касторъ и Поллуксъ вступились за сестру свою и лишили его зрѣнія; для возвращенія онаго Стезихоръ долженъ былъ написать другую поэму въ похвалу Еленѣ — долженъ былъ по необходимости *пропѣть Палинодію.*

ПАНЕГИРИКЪ. Похвальное слово, или стихотвореніе, прославляющее достоинства и добродѣтели. Авторъ, написавшій оное, называется *Панегиристъ*, а сочиненіе *Панегирическимъ*, или *Епидиктическимъ*, или наконецъ *Придиктическимъ*, ибо сіи три слова означаютъ одно и тоже.

ПАНЕГИРИЧЕСКІЙ см. *Панегирикъ.*

ПАНКРАТОВЪ размѣръ. Стихи сіи состоятъ изъ двухъ хореевъ съ однимъ долгимъ слогомъ. На пр.

Auctor optimus — ◡ — ◡ —

Nulla jam fides —

φεῦγε λοιδορων —

Какой Панкратъ былъ изобрѣтателемъ сихъ стиховъ и когда именно жилъ онъ— неизвѣстно.

ПАНТОМИМА. Языкъ дѣйствія, искусство говорить глазамъ, нѣмое выраженіе.

У Римлянъ назывались *Пантомимами* актеры, которые однѣми тѣлодвиженіями, безъ рѣчей, выражали страсти, характеры и даже происшествія.

Зосимъ, Свида и многіе другіе относятъ изобрѣтеніе *Пантомимъ* ко времени Августа; по крайней мѣрѣ извѣстно, что при семъ Императорѣ, страстно любившемъ такой родъ представленія, находились два славные Пантомима *Пиладъ* и *Бафиллъ*. Первый отличался въ представленіяхъ трагическихъ, а послѣдній въ Комическихъ.

Хотя и Греческія пляски также были выразительны, но Римляне первые начали изображать въ *Пантомимахъ* цѣлыя происшествія, заключающія нѣкоторое пространство.

Достойно замѣчанія, что *Пантомимы*, также какъ и другіе актеры, имѣли на себѣ маски; слѣдовательно лице ихъ не могло участвовать въ изображеніи страстей и характеровъ.

Причины, по которымъ древніе предпочитали маски открытому лицу, были слѣдующія: 1) что Амфитеатры ихъ содержали покрайней мѣрѣ шесть тысячъ зрителей, и что актеры принуждены были въ *разговорныхъ* представленіяхъ употреблять нѣкоторый родъ трубы для сильнѣйшаго произнесенія словъ: съ маскою это было не примѣтно. 2) Что въ отдаленіи, движенія лица и глазъ не были бы видны и безъ маски—а сіи всегда дѣлались нѣсколько болѣе обыкновеннаго лица съ выразительнѣйшими чертами.

ПАРАБОЛА. Притча, повѣствовательная Аллегорія.—См. *Басня*.

ПАРАГОГЪ. Вставка, прибавленіе — третій родъ Метапласма. (См. *Метапласмъ*). Состоитъ въ перемѣнѣ слова чрезъ прибавленіе одной или нѣсколькихъ буквъ, какъ на пр. *amarier*, *dicier* вмѣсто amari, dici; *egomet*, *tute*, *hicce* вм. ego, tu, quis, hic. — Въ

древнихъ Русскихъ стихахъ встрѣчаются *вставки* въ косвенныхъ падежахъ именъ прилагательныхъ: гдѣ бы слѣдовало окончанію быть на *ымъ*, *ихъ*, *ой*, тамъ употреблялись *ыимъ*, *іехъ*, *ыя*, и пр.

И тѣмъ попамъ всѣмъ соборн*ыимъ*....
И Русскихъ богатырей могу*чіехъ*....
Ко тоя ко церкви ко соборн*ыя*.....

Парагогъ, *παραγογὴ*, deductio, начало, производство; отъ *παρὰ* и *αγω*, duco—перепроизводство, перемѣна.

ПАРАДЪ. Такъ называется у Французовъ нѣкоторый родъ шуточной комедіи или *фарсы*. Парадъ можно причислить къ комедіямъ, именуемымъ у Римлянъ *platariae* и *tabernariae*.—См. *Комедія*.

ПАРАФРАЗИСЪ. Въ Риторикѣ тропъ предложеній: есть представленіе многими рѣченіями того, что однѣмъ или немногими изображено быть можетъ. На пр: *храбрый раззоритель Карфагена* вм. Сципіона.

Къ составленію *Парафразисовъ* могутъ служить слѣдующія правила: 1) когда къ существительному придается приличное

прилагательное, и оное перемѣнивъ на существительное же, первое изъ нихъ положите въ родительномъ падежѣ или перемѣните въ прилагательное на пр. вм. села, *безмолвіе селъ* или *безмолвіе сельское;* 2) когда глаголъ преложится на имя, а съ нимъ поставится иной глаголъ къ тому приличной: *въ страхъ привести* вм. устрашить; *обагрить кровію* вм. окровавить; 3) когда имя полагается въ родительномъ падежѣ съ другимъ именемъ, произведеннымъ отъ глагола къ первому принадлежащаго. На пр: *теченіе воздуха* вм. вѣтра; *разлученіе съ жизнію* вм. смерти; *ночное успокоеніе послѣ трудовъ* вм. сна; 4) чрезъ метафору, когда имя полагается въ родительномъ падежѣ съ другимъ именемъ значащимъ подобіе, или въ прилагательное перемѣняется, на пр: *юность лѣта* вм. весны, *старость дня*, вм. вечеръ, *волненіе мыслей* вм. сомнѣніе; *волнистыя поля Балтійскія* вм. Балтійскаго моря.

ПАРОДІЯ. Слово *Пародія* есть Греческое: *παρώδια* или *παρωδὴ* составлено изъ предлога *παρα* чрезъ (пере . . .) и существительнаго имени *ώδὴ*, пѣснь, пѣніе (перепѣснь.)—Сіе соединеніе производитъ въ од-

но время понятіе о сходствѣ и объ отличіи, такъ что чрезъ глаголъ παρῳδεῖν можно разумѣть, по словопроизведенію, сочиненіе такихъ стиховъ, которые уподобляясь другимъ стихамъ въ размѣрѣ, различаются съ ними въ смыслѣ и въ предметѣ, къ которому относятся.

Греческіе и Латинскіе Риторы полагали нѣсколько родовъ *Пародіи.* Цицеронъ почти все означилъ въ томъ мѣстѣ второй книги объ Ораторѣ, гдѣ показываетъ источникъ и правила замысловатой шутливости. Можно, говоритъ онъ, съ пріятностію включать въ своемъ сочиненіи полный стихъ или полстиха, взятые изъ другаго поэта, съ малою перемѣною, или совсѣмъ безъ перемѣны.

Пародія бываетъ:

1. Когда во взятомъ стихѣ перемѣняется одно слово и чрезъ то раждается другой смыслъ. Слѣдующіе стихи изъ Корнелева Сида всѣмъ извѣстны:

Pour grands que soient les Rois, ils sont ce que nous sommes,
Ils peuvent se tromper, comme les autres hommes.

Небольшая перемѣна въ нихъ сдѣлала перемѣну и въ смыслѣ:

Pour grands que soient les Rois, ils sont ce que nous sommes
Ils se trompent en vers, comme les autres hommes.

Вотъ переводъ обоихъ стиховъ, приводимый единственно для показанія разности въ подлинникѣ:

Велики хоть Цари, но намъ во всемъ подобны;
И къ заблужденіямъ, какъ люди всѣ, способны.

Пародія же имѣетъ такой смыслъ:

Велики хоть Цари, но намъ во всемъ подобны,
И къ заблужденіямъ въ стихахъ они способны.

2. Иногда перемѣна одной буквы производитъ *Пародію*. Катонъ, говоря о Маркѣ Фулвіи, перемѣнилъ его прозваніе *Nobilior*, благороднѣйшій, въ *Mobilior*, непостояннѣйшій, самый перемѣнчивый.

3. Приведеніе нѣсколькихъ извѣстныхъ стиховъ, или одного изъ нихъ, безъ всякой перемѣны, составляло третій родъ *Пародіи*. — Въ Трагедіи А. П. Сумарокова *Гамлетъ*, пришедшая въ разкаяніе Гертруда говоритъ второму своему супругу:

Вы всѣ свидѣтели моихъ безбожныхъ дѣлъ,
Того противна дня, какъ ты на тронъ возшелъ,

Тѣхъ пагубныхъ минутъ, какъ честь я потеряла
И на супружню смерть *нетронута* взирала.

Ломоносовъ, которому послѣдній стихъ не понравился, отъ понятія заключающагося въ словѣ *нетронута*, сдѣлалъ изъ него самое Сатирическое употребленіе. — См. Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка. стран. 149.

Аристофанъ изъ одного стиха Еврипидовой Трагедіи *Ипполитъ* сдѣлалъ Пародію въ своей Комедіи *Лягушки*. Ипполитъ, которому кормилица Федры объявила страсть къ нему сей Государыни, приходитъ въ ужасъ и объявляетъ негодованіе; кормилица напоминаетъ ему клятву его, не сказывать никому о сей тайнѣ; Ипполитъ отвѣчаетъ: *языкъ мой далъ клятву, а сердце не брало въ томъ участія* (Ипп. стх. 612). Аристофанъ нашелъ сей стихъ противнымъ нравственности. Онъ представилъ въ означенной Комедіи Бахуса, который, желая доставить Афинянамъ хорошаго Трагическаго писателя, нисходитъ въ адъ для того, чтобы вывести оттуда Есхила, или Еврипида. Оба Трагика спорятъ между собою; наконецъ Еврипидъ напоминаетъ Бахусу, что онъ обѣ-

щалъ возвратить его въ Афины, и Бахусъ отвѣчаетъ: *Языкъ мой далъ клятву, а сердце не брало въ томъ участія.* (стихъ 1513.) Я избираю Есхила.

4. Еще находится въ Аристофанѣ, въ Діонисіи Галикарнаскомъ и въ Ефестіонѣ четвертый родъ Пародіи, состоящій въ писаніи стиховъ во вкусѣ и слогомъ извѣстныхъ худыхъ стихотворцевъ.

Г. Николевъ сочинилъ двѣ оды въ подражаніе слогу Тредіаковскаго. Здѣсь помѣщаются нѣкоторыя строфы:

Сколько дивиться вдругъ станешь прилично,
Видя Фелицей прославленный вѣкъ!
Вѣкъ, въ коемъ тако предиворазлично
Даръ свой для пользы стремитъ человѣкъ.

О лѣпомудра богиня Фелица!
Выше дѣлами ты Фебскихъ высотъ;
Всѣмъ неизключно сердцамъ ты Царица,
Сердцемъ родяся красивѣй красотъ.

Томъ 4. стр. 10.

Гордый Султане! мрачный владыко!
Что не въ причину тако купилъ?
Тя-ль не постигло бѣдство велико?
Турчу ли нынѣ Русъ не скрушилъ?

Ну же быстренько вонъ изъ Европы!
Съ вольною волей менѣ бѣды.
Иль тя загонитъ Русъ въ Ефіопы!
Ей, преупруглый! жди сей чреды.

Томъ 4. стр. 3.

5. Наконецъ послѣдній и главный родъ *Пародіи* есть сочиненіе, написанное по расположенію другаго *извѣстнаго* творенія, съ обращеніемъ на другой предметъ, и съ произведеніемъ, чрезъ перемѣну нѣкоторыхъ выраженій другаго смысла. Древніе наиболѣе говорятъ о семъ родѣ *Пародіи.*— Такова на примѣръ *Пародія* стиховъ Державина *на рожденіе въ сѣверѣ Порфиророднаго отрока*, обращенная къ одному сочинителю, въ которой между прочимъ то мѣсто, гдѣ слѣтаются геніи и предвѣщаютъ Августѣйшему младенцу будущее, передѣлано такимъ образомъ:

Будешь, будешь сочинитель
И читателей тиранъ;
Будешь нѣкогда учитель,
Будешь долго Капитанъ;
Будешь, и судьбы гласили,
Ростомъ двухъ аршинъ съ вершкомъ;

Старцы всѣ тутъ повторили,
Будешь вѣкъ ходить пѣшкомъ и пр.

Таковы же и слѣдующіе отрывки изъ Трагедіи въ одномъ дѣйствіи подъ названіемъ *Прелеста*, служащей *Пародіею* втораго дѣйствія Трагедіи Г. Озерова *Димитрій Донской*. Содержаніе: мать *Прелесты* предъ смертію своею обѣщала выдать ее за *Любезина*, въ котораго и сама Прелеста влюблена; отецъ желаетъ выдать Прелесту за *Мерзона* и для бракосочетанія привезъ ее на ярмарку. Трагедія оканчивается тѣмъ, что Любезинъ закололъ своего соперника, и взятъ подъ стражу.

Явленіе 1.

Прелеста и Груша.

Груша.

Какое зрѣлище! какъ души тронетъ сильно!
Средь ярмарки, гдѣ столь народу изобильно,
Куда всѣ съѣхались для танцевъ и игры,
Отъ вашей свадебки умножатся пиры,
И наша улица отъ плошекъ озарится.

Прелеста.

Нѣтъ, Груша! никогда сей бракъ не совершится.
Стаканчиковъ, свѣчей и плошекъ яркій свѣтъ
Покажетъ вѣчнаго дѣвичества обѣтъ
И будетъ лишь зарей желаннаго спокойства.
Приѣздъ на ярмарку послѣдній долгъ покорства,
Я коимъ батюшкѣ обязана была.
Но руку чтобъ мою Мерзону въ храмъ снесла,
И тамо клятвою съ душою несогласной
Я бъ утвердила бракъ для обоихъ несчастной;
Сказалабъ, что люблю, что буду ввѣкъ любить,
Какъ сердце о другомъ не престаетъ твердить,
Когда Любезина сіе мнѣ сердце страстно
Не престаетъ являть повсюду и всечасно...
Нѣтъ, съ голоду умру, повѣшусь я скорѣй,
Чѣмъ клятвою солгать предъ небомъ и землей,
И произнесть ее во мнѣ не будетъ силы.
Въ обитель тихую, подобіе могилы,
Въ деревню удалюсь.... ахъ! лучше ткать и прясть!

Груша.

Повѣрьте, что нигдѣ не покидаетъ страсть.
Амуръ и по избамъ, какъ по чертогамъ, бродитъ.

Но будьте веселѣй, Любезинъ къ вамъ подходитъ.

Прелеста.

Какъ страшно для меня сказать ему отказъ!

Явленіе 2.

Тѣ же и Любезинъ.

Любезинъ.

Прелесту вижу я! и сей свиданья часъ
Печаленъ, молчаливъ, и насъ онъ утомляетъ,
Тебя моимъ очамъ смущенною являетъ!
Такъ нѣтъ сомнѣнія? отвергнутъ пламень мой?
Проститься я пришелъ — скачу сей часъ домой.... и пр.

*

Изобрѣтателемъ *Пародіи* почитаютъ Иппонакса, жившаго около 540 лѣтъ до Христіанскаго счисленія. Иные, согласно съ Афинеемъ, приписываютъ честь сію Архилоху, а другіе Гегемону, жившему на Фазосѣ, островѣ Егейскаго моря, около 88 Олимпіады. Гегемонъ прославился наиболѣе своею *Гигантомахіею.* — Надлежитъ замѣтить, что ни одинъ поэтъ не былъ столь-

ко пародированъ, какъ Гомеръ; собственную его *Ватрахоміомахію* (поема, война мышей съ лягушками) почитаютъ *Пародіею* нѣкоторыхъ мѣстъ Иліады и Одиссеи. Тимонъ, написавшій четыре книги Пародій, бралъ основаніе оныхъ изъ твореній сего великаго поэта. Онъ жестоко нападалъ на философовъ того времени и сравнивалъ ихъ съ тѣми пещерами, въ коихъ Эоломъ заключены были вѣтры: они, говорилъ Тимонъ, суть пузыри, надутые пустыми мыслями. И вотъ какимъ образомъ сдѣлалъ онъ въ одной своей Пародіи призываніе, въ подражаніе началу Иліады: повѣдай мнѣ, Муза, кто воспламенилъ между ними (философами) сію ужасную войну? Богиня Эхо, раздраженная людьми *молчаливыми*, разсѣяла повсюду болѣзнь многорѣчія; сія страшная болѣзнь большую часть изъ нихъ погубила. — Пародіи Тимона были называемы Силліями, Silli, отъ введенія въ нихъ Силена.

Предметомъ *Пародіи* должно быть непремѣнно извѣстное твореніе. Въ подражаніи надлежитъ сохранять вѣрность и точность; шутки должно употреблять съ бережливостію и такимъ образомъ, чтобы онѣ казались непринужденными: шут-

ки на лице пародируемаго автора не терпимы. Также надлежитъ остерегаться площадныхъ и неблагопристойныхъ выраженій.

Пародія должна заключать въ себѣ пріятность и пользу, какъ и всѣ прочія отрасли поэзіи;—иногда она выставляетъ на позоръ подверженное осмѣянію; иногда выказываетъ ложныя красоты какого либо сочиненія; открываетъ глаза автору, ослѣпленному самолюбіемъ и лестію, и чрезъ то способствуетъ къ его исправленію; иногда же служитъ къ одному только увеселенію читателя, ибо случается, что пародируемое сочиненіе не имѣетъ такихъ недостатковъ, кои бы заслуживали малѣйшее порицаніе — каковы на примѣръ вышеупомянутые стихи Державина.

Прим. Иные несправедливо принимаютъ за Пародію тѣ сочиненія, кои называютъ *выворотенными на изнанку*, какъ на примѣръ Енеиду, преложенную такимъ образомъ на Французскомъ языкѣ Скаррономъ, а на Русскомъ Осиповымъ и Котельницкимъ. Сей *выворотъ на изнанку* есть не иное что, какъ описаніе шуточнымъ слогомъ тѣхъ происшествій, кои прежде описаны были слогомъ высокимъ; а *Па-*

родія, какъ видно изъ приведенныхъ въ сей статьѣ примѣровъ, состоитъ наиболѣе въ примѣненіи того же сочиненія къ другимъ происшествіямъ, съ перемѣною нѣкоторыхъ выраженій, и потому должно заключить, что *изнанка* не есть *Пародія*, да и древніе объ ономъ родѣ сочиненій ничего не упоминаютъ.—См. *Изнанка*.—Выворотъ на изнанку есть произведеніе новѣйшихъ временъ.

ПАСТОРАЛЬНЫЙ. — См. *Пастушескій*.

ПАСТУШЕСКІЙ. Pastoralis. Пастушеская, Буколическая или Пасторальная поэзія, есть подражаніе сельской жизни, представленное со всѣми возможными пріятностями.

Пасторальнымъ сочиненіямъ даютъ имена *Идиллій* и *Еклогъ*.—(См. *Еклога*, *Идиллія*, также Буколическій.) — Правила объ Идилліи и Еклогѣ, вмѣстѣ взятыя, составятъ все нужное для познанія свойствъ Пасторальной или Буколической поэзіи.

Изобрѣтателемъ сей поэзіи почитаютъ пастуха *Дафниса*; иные приписываютъ сіе изобрѣтеніе *Буколію*, старше-

му сыну *Лаомедона*; другіе *Оресту*, во время бѣгства его въ Сицилію, иные *Лакедемонянамъ*, иные *Аполлону*, когда онъ по изгнаніи съ неба пасъ у Царя Адмета стадо, и наконецъ *Меркурію*. Доматъ въ описаніи Виргиліевой жизни упоминаетъ о множествѣ подобныхъ мнѣній, не имѣющихъ нималѣйшаго доказательства. И такъ ограничимъ статью сію сказаніемъ о древнихъ и новыхъ писателяхъ, наиболѣе прославившихся *пастушескими* сочиненіями.

Феокритъ первый началъ писать въ семъ родѣ. Онъ родился въ Сиракузахъ за 280 лѣтъ до Р. Х. — Описывалъ въ *Идилліяхъ* своихъ простую и пріятную природу. Въ его твореніяхъ можно видѣть самые лучшіе характеры для пастушеской поэзіи. Стихи его исполнены прелестнѣйшихъ изображеній и особенно отличаются столь пріятною для слуха плавностію, что даютъ ему неоспоримое преимущество предъ всѣми другими Пастоpальными писателями.

Мосхъ и *Віонъ* явились на семъ поприщѣ спустя нѣсколько времени послѣ Феокрита. Первый прославился въ Сициліи, а другой въ Смирнѣ, что въ Іоніи.

Судя по малому числу сочиненій, оставшихся послѣ *Мосха*, можно сказать, что онъ далъ Еклогѣ новое образованіе, начавъ употреблять въ ней болѣе искуства и менѣе небрежности; по чему кажется, что ежели онъ писалъ и въ одномъ родѣ съ Феокритомъ, то покрайней мѣрѣ того же рода въ особенномъ видѣ. Его *Идиллія похищеніе Европы* заслуживаетъ всеобщее удивленіе.

Віонъ еще болѣе удалился отъ Феокрита, нежели Мосхъ; въ его сочиненіяхъ вездѣ видно желаніе нравиться, даже иногда съ принужденіемъ.—*Могила Адониса*, изящнѣйшее его твореніе, имѣетъ нѣкоторые Антитезы, составляющія только одну игру ума.

Сравнивая сихъ Греческихъ поэтовъ можно сказать, что *Феокритъ* описывалъ природу простую и описывалъ съ небрежностію; что *Мосхъ* въ изображеніяхъ своихъ старался употреблять искуство, а *Віонъ* украшалъ природу. У Феокрита Идиллія въ лѣсу или на зеленомъ лугу, у Мосха въ городѣ, у Віона почти на театрѣ.

Виргилій родившійся близъ Мантуи за 70 лѣтъ до Р. Х. прославился также пастушескими сочиненіями. Изъ всѣхъ Ла-

тинскихъ поэтовъ онъ одинъ отличился въ семъ родѣ: онъ съ успѣхомъ подражалъ Феокриту.

Калпурній и *Немезіанъ* славились Пасторальными произведеніями въ царствованіе Діоклитіана; одинъ былъ Сициліанецъ, другой Карфагенецъ. Они не могли сравниться съ Виргиліемъ.

Изъ новѣйшихъ отличились наиболѣе Пасторальными твореніями: во Франціи *Раканъ*, жившій при Лудовикѣ XIII, послѣ него *Сегре*, но госпожа *Дезульеръ*, (родившаяся въ Парижѣ въ 1633 году), превзошла обоихъ.—Въ Германіи извѣстенъ *Геснеръ*.—На Русскомъ языкѣ болѣе прочихъ произведеній въ семъ родѣ заслуживаютъ общее уваженіе два перевода *Еклогъ* Виргилія, одинъ *Воейкова*, а другой *Мерзлякова*. (У послѣдняго помѣщены и нѣкоторыя Пасторальныя произведенія вышепоказанныхъ Греческихъ писателей, его перевода); *Идилліи* Г-ж. Дезульеръ, переведенныя *Мерзляковымъ* же и Идилліи *Панаева*, изданныя въ 1820 году.—См. *Идиллія*.

На Италіанскомъ языкѣ находятся двѣ *пастушескія* повѣсти, Favelle pastorale: 1) *вѣрный пастухъ*, il pastor fido, написанная Гвариніемъ, 2) *Аминтъ*, Aminta, сочи-

ненная Торкватомъ Тассомъ.—Дабы познакомить читателей съ сими произведеніями, предлагается здѣсь начало послѣдней повѣсти, переведенное съ подлинника:

Дафна и Сильвія.

Дафна.

Еще ли, Сильвія, ты въ юности твоей
Отъ удовольствій будешь удаляться?
Не хочешь именемъ супруги украшаться,
Ни видѣть миленькихъ дѣтей,
Рѣзвящихся передъ тобою?
Ну, посовѣтуйся прилѣжнѣе съ собою!
Пора обычай свой тебѣ перемѣнить!
Къ чему годится жизнь такая?

Сильвія.

Пріятностямъ любви пусть слѣдуетъ другая,
Когда пріятности въ ней можно находить;
Моя забава: съ лукомъ и стрѣлами
Преслѣдовать звѣрей
И сильныхъ повергать рукой моей.
Или—скажу тебѣ коротkими словами:
Покуда звѣри есть въ лѣсахъ
И стрѣлы у меня для лука —
Не будетъ мнѣ извѣстна скука.

Дафна.

Вотъ удовольствія!—въ твоихъ лѣтахъ?
Ты любишь то и всѣмъ пренебрегаешь
За тѣмъ, что ничего пріятнѣе не знаешь.
Такъ первый смертныхъ родъ, отъ дѣтской
простоты,
Не зная услаждать вкусъ пищею другою,
Ѣлъ только жолуди съ водою;
А нынѣ жолуди съ водой ѣдятъ скоты,
А мы питаемся и хлѣбомъ и плодами.
О! еслибъ, Сильвія, ты испытать могла,
Что ощущается сердцами,
Въ которыя любовь свой огнь влила,
Которымъ платятъ нѣжной страстью,
То вѣрно бы умнѣй была
И не почла любви напастью!
Тогдабъ въ разкаяньи, со вздохомъ, со слезой
Ты призадумавшись сказала:
„Все счастіе—въ любви одной!
„Ахъ! сколько времени я тщетно провождала!
„Я лучше бы могла его употребить!
„Что дѣлалось тогда со мною?„
Такъ посовѣтуйся прилѣжнѣе съ собою:
Пора обычай свой тебѣ перемѣнить!

Сильвія.

Когда въ разкаяньи, со вздохомъ и слезами
Я буду говоришь такими же словами—
Къ источникамъ своимъ всѣ рѣки потекутъ,
Отъ агнцовъ волки побѣгутъ
И зайцы робкіе погонятся за псами,
Медвѣдь на днѣ морскомъ берлогъ свой заведетъ,
Дельфинъ—на горы жить пойдетъ.

Дафна.

Я знаю, молодость не смотритъ на совѣты!
И я была въ такія лѣты,
И у меня бывалъ такой же цвѣтъ волосъ,
Румянецъ на устахъ, въ щекахъ пріятность розъ
Съ лилеями соединялась.....
Но чѣмъ же, глупая, тогда я занималась?
Точила стрѣлы я, иль рядъ сѣтей
Приготовляла на звѣрей,
Искала ихъ жилищъ, по ихъ слѣдамъ гонялась!
А ежели какой нибудь пастухъ
Посмотритъ на меня, то вдругъ
Съ досадой и стыдомъ глаза я потупляла;
Сердилась, что собой плѣняла,

Какъ будтобъ кто нибудь поставилъ мнѣ виной,
Когда любуются моею красотой! —
Но все со временемъ проходитъ.
И, ахъ! къ чему
Любовникъ хитрый не приводитъ!
Откроюсь я тебѣ какъ другу моему:
Увидѣла себя я скоро побѣжденной,
И—знаешь ли оружіемъ какимъ?....
Слезами, вздохами, покорностью смиренной.
Я уступила имъ!
Тогда я разцвѣла душою,
Тогда узнала я, сколь я слѣпа была
Съ моею простотою!
Я Цинтію и лукъ и стрѣлы отдала
И не хотѣла жить, какъ прежде.—
О Сильвія! могу я быть въ надеждѣ,
Что ненависть твою Аминтъ поуменьшитъ,
И раноль, поздно ли, смягчитъ
Упорное твое сердечко.
Жестокая! скажи, скажи одно словечко:
Собой ли онъ не милъ? не любитъ ли тебя?
Иль отдаетъ другимъ себя
Твоей жестокости въ отмщенье?
Иль ниже твоего
Имѣетъ онъ происхожденье?

Объ этомъ ты сказать не можешь ничего.
Тебѣ отецъ Сидиппъ, котораго родитель
Былъ богъ ручья сего;
Аминта же отецъ Сильванъ, а у него
Отецъ былъ Панъ—и богъ и покровитель
Всѣхъ нашихъ пастуховъ.
Взгляни ты въ зеркало прозрачныхъ ручейковъ!
Увидишь, что тебя не хуже Аммарила;
Она давно уже Аминта полюбила,
Его ласкаетъ все, а онъ бѣжитъ отъ ней—
Къ несносной грубости твоей!
И такъ представь себѣ—но я молю всевѣчныхъ,
Чтобъ это никогда съ тобою не сбылось—
Представь, что если бы Аминту привелось,
Озлобясь отъ твоихъ отказовъ безконечныхъ,
Влюбиться наконецъ въ соперницу твою,
Которая его такъ любитъ страстно,
Не будешь ли тогда винить судьбу свою?
И не покажется ль тебѣ ужасно,
Когда въ ласкающихъ объятіяхъ другой
Онъ будетъ, Сильвія, смѣяться надъ тобой?

Сильвія.

Пускай и чувствами и даже самъ собой
Какъ хочетъ онъ располагаетъ;

Мнѣ это все равно. Не будучи моимъ,
Пускай принадлежитъ, кому онъ самъ желаетъ!
Ему и быть моимъ нельзя—за тѣмъ, что имъ
Владѣть я не хочу; и если бы владѣла,
Ему принадлежать тогдабъ не захотѣла.

Дафна.

Какая ненависть! и отъ чего?

Сильвія.

Родилась—отъ любви его. *и проч.*

Оригинальнымъ же на Русскомъ языкѣ въ семъ родѣ произведеніемъ мы имѣемъ написанную Графомъ С. П. Салтыковымъ пастушескую повѣсть въ трехъ пѣсняхъ, подъ названіемъ *Нина.* Содержаніе самое простое: *Нина*, пятнадцатилѣтняя дѣвушка, видитъ во снѣ Купидона, который возраждаетъ въ ней любовь. Она пробуждается отъ пѣсни влюбленнаго въ нее пастушка Дельфиза—подходитъ къ окошку —взоры ихъ встрѣчаются—и взаимная любовь увѣнчавается неразрывнымъ союзомъ. Авторъ замѣнилъ простоту содержанія пріятнѣйшими описаніями, вѣрнымъ изображеніемъ чувствованій и, можно сказать, украсилъ избранными цвѣтами поэзіи.

Здѣсь помѣщается нѣсколько отрывковъ. —Вотъ начало поэмы:

Не главъ увѣнчанныхъ державу
И не героевъ пышну славу,
Пою любовь и Нину я.
Моя негромогласна лира
Концевъ не потрясаетъ міра;
Но тихой, томной звукъ ея
Въ сердцахъ единыхъ раздается,
И то въ чувствительныхъ сердцахъ.
На легкихъ мысль моя крылахъ
Не къ солнцу, какъ орелъ, несется;
Но по смѣющимся лугамъ,
По рощамъ носится, полямъ,
Куда изъ града убѣгаютъ
Невинность, простота, любовь,
И въ видѣ юныхъ пастуховъ
Стада на пастау выгоняютъ

Описаніе сна прелестной Нины начинается сими стихами:

Зефиръ съ подругою своей
Пятнадцатой лишь разъ для Нины
Цвѣтами испестрилъ долины.
Амуръ во снѣ явился ей

Пока пернатую станицу
Будила утрення заря,
И въ золотую колесницу
Часы для дневнаго Царя
Коней крылатыхъ запрягали,
На островѣ ей мнилось быть,
Межь розовыхъ кустовъ ходить,
Гдѣ въ путь Амуры ей бросали
Пучки ясминовъ и лилей,
И передъ ней какъ рой летая,
Твердили всѣ не преставая:
Мила, мила, всего милѣй!
Пріятнымъ сномъ обвороженна,
Пастушка видитъ изумленна
Трехъ дѣвъ прекраснѣйшихъ собой;
Онѣ къ ней руки простираютъ,
Ее съ улыбкой называютъ
Своей подругой дорогой,
И каждая вѣнокъ сплѣтенный
Изъ свѣжихъ розъ ей подаетъ.
Вдругъ слышитъ голосъ отдаленный,
Какъ будто кто ее зоветъ,
И Эхо вторитъ: Нина! Нина!
И ужъ Амуровъ половина
Съ ней въ миртовой лѣсокъ летитъ;

Другая жъ вкругъ ее порхаетъ, ...

Купидонъ, убѣждая Нину къ любви, говоритъ:

. Но счастіе на толь дается,
Одной чтобъ наслаждаться имъ?
Нѣтъ, чтобъ дѣлить его съ другимъ.
Оно съ небесъ на смертныхъ льется—
На смертныхъ избранныхъ одних.
Чтожъ составляетъ счастье ихъ?
Не паство тучное съ стадами,
Не злато, не сребро любовь!
Горитъ въ чьихъ жилахъ ею кровь,
Кто награжденъ ея дарами,
Тому и малой холмикъ—тронъ,
Тому и рубище — порфира,
Цвѣтуще поле—царство міра,
А жизнь—твой настоящій сонъ.
Повѣрь мнѣ, что сначала вѣка
Влюбленный человѣкъ всегда
Былъ что-то больше человѣка!

Оканчиваемъ выписку нашу скромнымъ и пріятнымъ разсужденіемъ Нины:

Бѣда мнѣ, Нина говорила,
Мнѣ кажется, что я люблю,

Что вся я, какъ въ огнѣ, горю;
Бѣда мнѣ! Нина повторила.
Я помню матушкину рѣчь:
Она твердила мнѣ всечасно,
Что сердце надобно беречь,
Что дурно, стыдно и опасно
Не брата дѣвушкѣ любить....

ПАТЕТИЧЕСКІЙ. Иностранное слово сіе, pathétique, происходящее отъ Греческаго *πάθο* (страсть), употребляется иногда и въ Россійскомъ языкѣ, а по сему и требуетъ объясненія. Оно значитъ *страстный*, или *возбуждающій страсти.*

Возбужденіе страстей можетъ быть *прямое* и *косвенное.*

Прямое: когда сообщаетъ душамъ слушателей такое же чувство, каковымъ сами исполнены—какъ то чувствіе любви, ненависти, мщенія, удивленія, жалости, страха и пр. такъ на примѣръ, супругъ, оплакивающій невозвратную потерю супруги, заставляетъ и насъ плакать.

Косвенное: когда дѣлаемое впечатлѣніе бываетъ отлично отъ своей причины. *На прим:* Ифигенія, *утѣшающая* отца своего въ предстоящей ей смерти, производитъ въ насъ *жалость.*

Но первѣйшее средство, чрезъ которое Ораторъ и поэтъ могутъ возбудить страсти, состоитъ въ томъ, чтобъ они сами живо ощущали то, чѣмъ хотятъ потрясти наши души. Это правило Горація:

. Si vis me flere, dolendum est
Primum ipsi tibi.

ПЕАНЪ, *παίαν*, paean. У древнихъ назывался симъ именемъ нѣкоторый родъ *Имна* или *Канта*.

Фукидидъ даетъ сіе названіе единственно Имнамъ, пѣтымъ въ честь Аполлона; однакожъ *Пеаны* были сочиняемы и во славу Минервы, Марса, Плутона. Въ Самосѣ пѣвали таковой Имнъ въ честь Лизандра.

Слово *Пеанъ* имѣетъ начало отъ одного происшествія, переданнаго Афинеемъ, по сказанію Клеарка, ученика Аристотелева. Онъ говоритъ, что Латона, отправляясь съ Евбейскаго острова, проходила съ двумя своими дѣтьми Аполлономъ и Діаною мимо той пещеры, въ которой находился змій Пифонъ; чудовище готово уже было напасть на нихъ; Латона схватила Діану на руки и кричала Аполлону *ἴε παίαν*, бей. Окрестныя Нимфы сбѣжалисѣ

къ нимъ и для ободренія юнаго бога, кричали также съ Латоною ἴε παίαν. Сіе слово сдѣлалось въ послѣдствіи припѣвомъ во всѣхъ Имнахъ Аполлону.

„*Пеанъ*, говоритъ Державинъ въ своемъ разсужденіи о Лирической поэзіи, заимствовалъ содержаніе свое наипаче отъ Мифологіи, и особливо относился къ похваламъ, молитвамъ и побѣднымъ пѣснямъ Аполлона. Были они воспѣваемы въ честь и другихъ боговъ, а равно и человѣковъ, но всѣ пропали. Полагаютъ, что болѣе сочинялъ ихъ Пиндаръ. Они суть пѣсни, выражающія кроткія чувства, вліянныя единственно религіею. Въ нихъ нѣтъ ни высокихъ замысловъ, ни паренія, ни извитій, ни глубокомыслія, происходящаго отъ разсудка. Они просты. Предметы ихъ: однѣ благодѣтельныя вліянія вѣры, истекающія отъ души чистой, спокойной, исполненной благочестія. Достоинство ихъ: усердіе, ясность и плавность. Впрочемъ могутъ Пеаны быть и другаго содержанія, въ которыхъ любовь къ отечеству, воинскіе подвиги и всякія гражданскія добродѣтели воспѣваются и ободряются. Для примѣра отъ древности намъ примѣровъ не осталось; но одинъ похожій на

нихъ, помѣщенный у Гагедорна между Сколіями, прилагаю:

О ты, что у рѣки Тритона
Узрѣвшая впервые свѣтъ,
Афинъ владычица, Паллада!
Храни сей градъ, гражданъ его
Отъ бѣдъ, крамолъ и ранней смерти,
И ты, отецъ сея богини!

Коль днесь побѣдой увѣнчанный
Хочу тебя, о мать! воспѣть,
Плутона, и Цереру пѣснью —
Благословенна будь и ты,
О дщерь великаго Зевеса,
Богиня мрака, Прозерпина!
И обѣ сей блюдите градъ.

Въ Делосѣ нѣкогда Латона
Двухъ чадъ произвела на свѣтъ:
Еленегонную Діану
И злапіовласа, свѣтла Фива.

О ты, Аркадьи покровитель,
Хорегъ! и самъ плясавецъ, богъ
Хохочущихъ, гонецъ бѣгущихъ
Въ слѣдъ нимфъ, и обрѣтатель ихъ

Въ сокрытьи отъ тебя—являйся,
О Панъ! средь нашихъ здѣсь ты пѣсней
И бодръ всегда будь, свѣтлъ лицемъ.

Враговъ своихъ мы побѣдили,
И по желанью торжество
Намъ нынѣ даровали боги.
Такъ, такъ, Афины! боги вамъ
Отечество днесь Пандрозены
Пріобрѣли въ безцѣнный даръ.,,

ПЕНТАКРОСТИХЪ. Родъ *Акростиха*, съ тою только разностію, что въ *Пентакростихѣ* начальная литера стиха должна употреблена быть непремѣнно въ томъ же стихѣ пять разъ.—*πεντε* значитъ *пять*. —См. *Акростихъ*.

ПЕНТАМЕТРЪ. Стихъ, состоящій изъ пяти стопъ или мѣръ. Слово сіе составлено изъ *πεντε*, пять, и *μετρον*, мѣра.

У древнихъ *Пентаметръ* или Дактило-Спондеическій стихъ обыкновенно составляемъ былъ такимъ образомъ: первыя двѣ стопы могли быть или Дактили или Спондеи, а двѣ слѣдующія за полустишіемъ непремѣнно Дактили. Послѣ стопъ второй и четвертой остается по одному слогу,

которые и считаются за пятую стопу, на пр.

Tempora| si fue|*rint*|| nubila,| solus e|*ris*.

Пентаметръ, вмѣсто 32 измѣненій, свойственныхъ *Екзаметру*, имѣетъ только четыре измѣненія, потому что, какъ сказано выше, въ немъ перемѣняются однѣ первыя двѣ стопы:

— ◡ ◡ | — ◡ ◡
— ◡ ◡ | — —
— — | — ◡ ◡
— — | — —

У древнихъ *Пентаметръ* былъ употребляемъ вмѣстѣ съ *Екзаметромъ* (см. сіе слово) въ Елегіяхъ, Епистолахъ, Епиграммахъ и другихъ мѣлкихъ сочиненіяхъ; однимъ же *Пентаметромъ* древніе не писали.

Примѣръ Екзаметра съ Пентаметромъ можно видѣть въ сей Епиграммѣ, переведенной съ Латинскаго Г. Востоковымъ, съ сохраненіемъ размѣра подлинника:

Правымъ глазомъ Ванюша, Надинька лѣвымъ не можетъ;
Впрочемъ плѣняютъ они оба пригожствомъ своимъ.

Ваня голубчикъ! отдайка сестрицѣ глазъ твой
здоровый:
Будешъ Венерой она—будешь Амуромъ
слѣпымъ.

На Россійскомъ языкѣ *Пентаметру* соотвѣтствуетъ стихъ *пятистопный.* — См. сіе слово.

ПЕОНЪ, paeon. Стопа Латинской и Греческой поэзіи: состоитъ изъ трехъ краткихъ и одного долгаго слоговъ; ее употребляли въ Имнахъ Аполлону, называемыхъ *Пеаны,*—См. *Пеанъ.*

Стихотворцы раздѣляютъ *Пеонъ* на четыре рода:

Первый заключаетъ одинъ долгій и три краткіе слога, какъ на прим. въ словахъ colligere, *δαμναμενοσ,* нѣкоторый (— ᴗ ᴗ ᴗ).

Второй состоитъ изъ одного краткаго, одного долгаго и двухъ краткихъ, какъ въ resolvere, *εβδλετο,* мученіе (ᴗ — ᴗ ᴗ).

Третій имѣетъ два краткихъ, одинъ долгій и одинъ краткій, на пр: sociare, *λαλεοντα,* заревѣли (ᴗ ᴗ — ᴗ).

Четвертый родъ изъ трехъ краткихъ

и одного долгаго слога, какъ въ temeritas,
⏑ ⏑ ⏑ —
αναμενον, соединитъ.

ПЕРЕВОРОТЪ, переломъ, перипетія. —Когда при окончаніи поэмы Епической или Драматической случается такое происшествіе, которое неожидаемымъ образомъ перемѣняетъ счастіе главнаго лица въ несчастіе, или несчастіе въ благополучіе: сіе называется *переворотъ* или *перипетія*.—См. *Драма, развязка*.

Хотя бы рѣшительный *переворотъ* заключалъ въ себѣ счастіе или несчастіе, но чѣмъ будетъ нечаяннѣе, тѣмъ совершеннѣе; особливо въ первомъ случаѣ, ибо ежели читатели или зрители напередъ догадаться могутъ, что такое-то дѣйствующее лице непремѣнно избѣгнетъ своихъ бѣдствій, то не столько уже могутъ чувствовать къ нему жалости или состраданія.

ПЕРЕМѢНА. Commutatio. — Родъ Метапласма.—См. сіе слово.—Состоитъ въ перемѣнѣ литеръ слова, какъ на примѣръ у Виргилія сказано *olli* вмѣсто *illi*. — Въ нашемъ стихотворствѣ таковыя перемѣны не встрѣчаются.

ПЕРЕНОСЪ. Погрѣшность въ сложеніи шестистопныхъ, особенно Ямбическихъ, стиховъ; состоитъ въ томъ, когда недоконченный смыслъ въ одномъ стихѣ оканчивается *въ началѣ* послѣдующаго, не достигнувъ пресѣченія или когда, прейдя за пресѣченіе, прерывается не въ самомъ *концѣ* втораго стиха: отъ такого *переноса* дѣлается тогда два пресѣченія, двѣ остановки.

Въ слѣдующихъ стихахъ видны обѣ погрѣшности:

Невинность часто здѣсь подвержена бываетъ
Гоненью, бѣдствіямъ отъ сильныхъ; всякой знаетъ
Сколь могутъ сильные здѣсь способовъ имѣть
Ко злу; невинности осталось лишь терпѣть.

Въ такомъ случаѣ, когда смыслъ *непремѣнно* должно перенести въ послѣдующій стихъ, надобно стараться, чтобы онъ продолжился до конца втораго стиха, или покрайней мѣрѣ до пресѣченія. На пр:

Поди, любезная, и дома скорбь разсѣй
Трудами нѣжныхъ рукъ. Гласъ трубный, звукъ мечей
Зоветъ меня на брань.....

Ты тяжко воздохнешь и слезною рѣкою
Омоешь грудь свою. . . .

Карамзинъ.

или:

Я признаюсь, мой другъ,
Что мой племянникъ правъ; но намъ о дѣлѣ
нужно
Поговорить скорѣй

Кн. Шаховскій. Ком. Своя семья.

Однакожъ сію *вольность* позволительно употреблять въ однѣхъ только легкихъ или шуточныхъ стихотвореніяхъ; но въ поэмахъ важныхъ надлежитъ избѣгать ее съ великимъ тщаніемъ, ибо отъ такого *переноса* стихи всегда почти дѣлаются слабыми, прозаическими. — Французы называютъ сію погрѣшность *Enjambement* и говорятъ *un vers enjambe sur un autre*, стихъ наступаетъ на стихъ.

Еще непозволительнѣе переносить недоконченный смыслъ въ стихѣ изъ одной строфы въ другую. Хотя сіе и дѣлали древніе стихотворцы, какъ на примѣръ Горацій—что можно видѣть изъ оды его къ Іулу Антонію, переведенной Г. Востоковымъ нарочно съ сохраненіемъ всѣхъ

свойствъ подлинника; здѣсь помѣщаются двѣ строфы

Всегда Дирцейскій лебедь равенъ,
Легокъ въ пареньи, неослабенъ
Держаться въ высотахъ —
А я подоблюся пчелѣ, что на цвѣтахъ....

....По лугу злачному гуляетъ,
Со многимъ тщаньемъ собираетъ
Изъ разныхъ медъ соковъ —
Тружусь надъ мѣлочнымъ сложеніемъ стиховъ.

Но таковыя *переносы* въ новѣйшей поэзіи почитаются погрѣшностями. — См. *Лирическій* и *подражаніе*.

Примѣч. Въ однѣхъ только произведеніяхъ Комическихъ, особенно въ часто прерываемомъ разговорѣ, позволительно бываетъ дѣлать переносы изъ стиха въ стихъ безъ соблюденія вышепоказанныхъ правилъ; но такое изключеніе не даетъ права на подобную вольность въ другихъ стихотвореніяхъ.

ПЕРІОДЪ. Періодъ есть рѣчь, выражающая совершенный и полный смыслъ. Ученіе о *періодахъ* принадлежитъ къ Ри-

торикѣ. — См. *Риторики* Ломоносова, Никольскаго и др.

ПЕРИПЕТІЯ см. *Переворотъ*.

ПЕРИПЕТИЧЕСКІЙ. См. въ ст. *Драма* о развязкѣ.

ПИНДАРИЧЕСКІЙ.—См. *Ода*.

ПИРРИХІЙ. Стопа Греческой и Латинской поэзіи, состоящая изъ двухъ краткихъ слоговъ (⏑ ⏑), какъ на примѣръ въ словахъ Deus, mea, Θεοσ. Въ Русскомъ для примѣра могутъ служить частицы *пере*, *наи*, сложно съ другими словами употребленныя.

По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей слово сіе происходитъ отъ πυῤῥίχη, скорой пляски—въ сочиняемыхъ для которой пѣсняхъ стопа сія болѣе прочихъ употреблялась; а имя пляски произошло отъ имени ея изобрѣтателя, Пирра Сидонскаго, или, какъ другіе полагаютъ, Пирра сына Ахиллесова.

Въ Русскомъ стихосложеніи *Пиррихій* не иначе можетъ быть употребителенъ, какъ въ срединѣ словъ, потому что нѣтъ ни одного такого отдѣльнаго слова, кото-

рое, будучи составлено изъ двухъ слоговъ, не имѣло бы изъ нихъ одного долгаго. Когда же встрѣчается онъ въ другихъ стопахъ, какъ на примѣръ въ Дактилѣ (— ◡ ◡), или въ Анапестѣ (◡ ◡ —), то лишается своего названія. — *Пиррихій* производитъ большое разнообразіе въ стихахъ Ямбическихъ. См. Ямбъ.

ПЛАНЪ. См. Расположеніе.

ПЛЕОНАЗМЪ. Abundantia. Когда въ рѣчи находится какое нибудь слово, не нужное для содержащагося въ ней смысла, и когда сіе слово, будучи исключено, не уменьшаетъ въ смыслѣ нисколько ясности, то оное излишнее слово называется *Плеоназмомъ*. Въ слѣдующихъ изрѣченіяхъ: *я видѣлъ моими глазами, я слышалъ моими ушами, я самъ пойду*, слова *моими глазами*, *моими ушами, самъ*, суть Плеоназмы, потому что если бы и не было ихъ, смыслъ нисколько бы не перемѣнился.

Слово Плеоназмъ взято изъ Греческаго языка. Πλεονασμὸς происходитъ отъ πλεονάζειν, redundare, abundare, *излишествовать*, и также *изобиловать*, а сіе имѣетъ корнемъ πλέος, полный. По сему Плеоназмъ значитъ

излишество, а въ другомъ случаѣ *изобиліе*, *полноту*.

И такъ, ежели взять слово *Плеоназмъ* въ первомъ смыслѣ, то есть принять за *излишество*, то можно будетъ почесть его совершенною погрѣшностію; въ послѣднемъ же смыслѣ онъ составитъ Синтаксическую фигуру, которою прибавляютъ въ изрѣченіи такія слова, кои хотя и кажутся излишними по строгости Грамматической, но служатъ однакожъ *дополнительными* понятіями, или для бо́льшей ясности рѣчи, или для бо́льшей силы.

Въ изрѣченіи: *я видѣлъ это моими глазами*, слова *моими глазами* хотя и кажутся излишними, потому что не иначе можно видѣть какъ глазами и притомъ своими; но сіе дополненіе придаетъ смыслу нѣкоторую силу, и заставляетъ разумѣть, что смотрѣли на вещь со вниманіемъ, и что говорятъ по собственному опыту. Слѣдсвательно тутъ *Плеоназмъ* нуженъ и не есть погрѣшность.

Примѣръ *Плеоназма*, относящагося къ излишеству, то есть принадлежащаго къ погрѣшности слога, можно привести сей стихъ изъ Россіады, въ описаніи Безбожія:

Есть бездна темная, куда не входитъ свѣтъ.

Слово *темная* здѣсь совершенно излишнее; и безъ сего выраженія всякой читатель могъ бы догадаться, что то мѣсто, куда *не входитъ свѣтъ*, должно быть *темное*.

И сіи отрывки изъ разныхъ басенъ также принадлежатъ къ послѣднему *Плеоназму*:

На свадьбу ѣхала богатая карета,
Предъ нею *съ факеломъ* два вершника *для свѣта*. —

Одинъ влюбился
Безумно какъ дуракъ. —

Два друга по саду гуляли,
Благоуханіемъ цвѣты ихъ забавляли;
То было въ лѣтни дни —

Всѣ сіи выраженія *для свѣта*, *безумно*, *то было въ лѣтни дни* суть Плеоназмы, принадлежащія къ погрѣшностямъ.

ПОВТОРЕНІЕ. Repetitio. — Въ Риторикѣ фигура рѣченій: состоитъ въ томъ, когда одно слово или многія нѣсколько разъ въ періодѣ или въ продолженіи всего

сочиненія повторяются. Бываетъ слѣдующихъ родовъ:

1. Когда въ началѣ каждаго стиха, или въ началѣ многихъ краткихъ періодовъ *одно слово* повторяется. На пр:

Брега Невы руками плещутъ,
Брега Балтійскихъ водъ трепещутъ.

или

Тобой поставлю судъ правдивый,
Тобой сотру сердца кичливы,
Тобой я буду злость казнить,
Тобой заслугамъ мзду даришь.

Ломоносовъ.

Возрастай дитя прекрасно,
Возрастай нашъ полубогъ!
Возрастай уподобляясь
Ты родителямъ во всемъ.

Державинъ.

У Озерова въ Трагедіи *Фингалъ*:

О мужественный Старнъ! ты зришь опять Фингала,
Котораго предъ симъ лишь слава занимала,
Котораго на брань кипѣла въ сердцѣ кровь,
Котораго сюда ведетъ теперь любовь.

2) Когда *два* и больше рѣченій повторяются. На пр:

Десница Господня сотвори силу, *десница Господня* вознесе насъ.

или

Егда бѣхъ младенецъ, *яко младенецъ* глаголахъ, *яко младенецъ* мудрствовахъ, *яко младенецъ* смышляхъ: егда же бѣхъ мужъ, отвергохъ младенческая.

У Ломоносова:

Онъ такъ взиралъ къ врагамъ лицомъ,
Онъ такъ бросалъ за Бельтъ свой громъ,
Онъ сильну *такъ* взносилъ десницу....

Херасковъ говоритъ въ Россіадѣ о великой ЕКАТЕРИНѢ:

Пріидутъ къ ней Цари, какъ въ древній Виѳлеемъ,
Не злато расточать, не зданіямъ дивиться;
Пріидутъ къ ней Цари — но царствовать учиться.

3) Когда на концѣ многихъ предложеній одно рѣченіе повторяется:

Жалѣете о убіенныхъ трехъ воинствахъ народа Римскаго? убилъ *Антоній*. Не стало у насъ именитыхъ гражданъ?

похитилъ *Антоній*. Утѣснена власть сего Сената? утѣснилъ *Антоній*.—Цицеронъ.

4) Когда одно рѣченіе въ началѣ, а другое на концѣ предложенія повторяется; На пр:

Кто законъ уставилъ? *Руллъ*. *Кто* у большей части народа отнялъ голоса въ совѣтахъ? *Руллъ*. *Кто* на сеймѣ былъ главнымъ? *Руллъ*.—Цицеронъ.

Или у Феофана Прокоповича въ рѣчи, произнесенной 21 Октября 1717 года:

Кто наипервѣе потщался необоримыми регулярными крѣпостьми оградити царство Россійское? *ПЕТРЪ первый*. *Кто* изобрѣте толь крѣпкое и угодное расположеніе мѣста къ населенію сего царственнаго града? *ПЕТРЪ первый*. *Кто* его украшаетъ новосозидаемыми архитектурными многокрасными зданіями? *ПЕТРЪ первый*. И пр.

5) Когда два рѣченія, которыя стоятъ вмѣстѣ, порознь повторяются съ присовокупленіями:

Мудрый человѣкъ можетъ всегда плакать и смѣяться: *смѣяться* какъ Демокритъ надъ глупостію человѣческою; *плакать* какъ Гераклитъ о суетѣ сего міра.

Преосвященный Анастасій, въ словѣ на погребеніе Бецкаго, говоритъ:

Онъ оставляетъ память о себѣ въ имени и дѣлахъ. *Въ имени?* написанномъ въ книгѣ вѣчнаго живота. *Въ дѣлахъ?* увѣнчанныхъ небесною славою.—См. *Усугубленіе*.

6) Когда повторяются тѣ же самыя слова въ другомъ порядкѣ. — У Капниста въ одѣ на *Счастіе*:

....И все что въ мірѣ оживленно
Дань платитъ счастью и любви. —
Все дань любви и счастью платитъ!
Лишь человѣкъ.....

7) Когда слово въ одномъ періодѣ употребляется два раза, и въ послѣднемъ случаѣ съ противоположною мыслію, *на пр.* Онъ *привлекаетъ* всѣхъ сердца не страхомъ и нестрогостію, но любовію и благонравіемъ ихъ къ себѣ *привлекаетъ*. — Сей родъ повторенія часто употребляется въ священномъ писаніи:

На путь языкъ не *идите*, и во градъ Самарянскій не внидите, *идите* же паче ко овцамъ погибшимъ дому Ісраилева. — Матѳ. 10. гл.

Любы долготерпитъ, милосердствуетъ; любы не завидитъ, любы не превозносит-

ся, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своя си, не раздражается, не мыслитъ зла, *не радуется* о неправдѣ, *радуется же* о истинѣ.—Коринф. гл. 13.

8) Иногда повторяется цѣлый стихъ безъ всякой перемѣны, и сіе немалую производитъ пріятность. Такъ у Карамзина въ сказкѣ *Илья Муромецъ*:

Время быстрою стрѣлой летитъ,
Часъ проходитъ за минутами,
И за утромъ полдень слѣдуетъ —
Незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Солнце къ западу склоняется;
И съ Ефирною прохладою
Вечеръ сходитъ съ неба яснаго
На луга и поле чистое —
Незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Ночь на облакѣ спускается,
И густыя тьмы покровами
Одѣваетъ землю тихую;
Слышно ручейковъ журчаніе,
Слышно эхо отдаленное,
И въ кусточкахъ соловей поетъ —
Незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

У К. Долгорукаго въ стихахъ подъ названіемъ *Споръ*:

Лучъ солнца грѣетъ и питаетъ,
Что можетъ быть его свѣтлѣй?
Онъ съ неба въ бездны проникаетъ...
„*Все такъ! да мнѣ луна милѣй.*

Когда весной оно проглянетъ
И верхъ озолотитъ полей;
Все вдругъ цвѣсти, раждаться станетъ...
„*Все такъ! да мнѣ луна милѣй.*

Огнемъ его животворится
Вся связь естественныхъ вещей;
Стихій душа имъ веселится....
„*Все такъ! да мнѣ луна милѣй.*

Съ какимъ желаньемъ тотъ, кто боленъ
Въ избѣ своей ждетъ ясныхъ дней!
Увидитъ солнышко—доволенъ!
„*Все такъ! да мнѣ луна милѣй.* и пр.

ПОВѢСТВОВАНІЕ. Narratio. Повѣствованіе есть изображеніе происшествій, какъ описаніе есть изображеніе вещей.

Повѣствованіе можетъ быть во всякомъ родѣ поэзіи; но оно составляетъ всю сущность поэзіи Епической.

Каковъ бы предметъ ни былъ, но тотъ, кто разсказываетъ, имѣетъ всегда обязанностію научать и удостовѣрять. По сему первыя правила *повѣствованія* суть ясность и правдоподобіе.

Повѣствованія можно раздѣлить на четыре рода: 1) повѣствованіе, употребляемое въ басняхъ или притчахъ; 2) повѣствованіе историческое; 3) повѣствованіе піитическое, и 4) повѣствованіе ораторское или витійственное.

Повѣствованіе, употребляемое въ басняхъ есть Аллегорическое изложеніе дѣйствія, приписываемаго обыкновенно животнымъ. Оно должно быть кратко, ясно и правдоподобно; слога требуетъ простаго, веселаго; его украшенія состоятъ въ изображеніяхъ и описаніяхъ лицъ и мѣстъ; обороты его должны быть живы и разительны, выраженія смѣлы.—См. *Басня.*

Повѣствованіе Историческое есть вѣрное изложеніе истинныхъ происшествій; оно требуетъ слога яснаго — подобнаго обыкновенному разговору, съ приличными украшеніями.

Повѣствованіе Ораторское или Витійственное есть та часть Ораторскаго слова, которая обыкновенно слѣдуетъ послѣ

вступленія. Здѣсь позволительно употреблять всѣ возможныя украшенія, показываемыя Риторикою.

Повствованіе Піитическое есть изложеніе стихами истинныхъ или вымышленныхъ происшествій со всѣмъ блескомъ Піитическаго искусства. Поэзія въ повѣствованіяхъ своихъ сохраняетъ порядокъ совершенно отличный отъ порядка историческаго. Повѣствованіе *Піитическое* начинается иногда со средины происшествій, какъ будто бы читатель извѣстенъ былъ уже о томъ, что происходило прежде; иногда же почти съ конца происшествія—и тогда поэтъ оставляетъ говорить о преждебывшихъ приключеніяхъ въ благопріятнѣйшій для него случай. Такъ Еней вдругъ удаляется отъ бреговъ Сициліи; онъ приближается уже къ Италіи, но буря увлекаетъ его въ Карфагенъ; тамъ находитъ онъ Царицу Дидону, которая желаетъ знать о его несчастіяхъ; онъ разсказываетъ ихъ, и чрезъ сіе средство поэтъ имѣетъ случай объявить читателю, что происходило прежде отъѣзда изъ Сициліи.

Поэзія можетъ повѣствовать тремя образами. *Первый*: когда поэтъ самъ не

показывается, а заставляетъ дѣйствовать вводимыя имъ лица. *Вторый:* когда поэтъ показывается, но не показываетъ вводимыхъ имъ лицъ, т. е. говоритъ отъ своего имени о дѣйствіяхъ сихъ лицъ. *Третій* образецъ есть сложный и состоитъ въ томъ, когда поэтъ, не показывая вводимыхъ лицъ, приводитъ ихъ рѣчи, повѣствуя о прочихъ приключеніяхъ, или, кратко сказать, когда смѣшиваетъ показанные выше два рода.

ПОВѢСТВОВАТЕЛЬНЫЙ. Слово сіе придается поэзіи или стихамъ, заключающимъ въ себѣ какое либо повѣствованіе съ соблюденіемъ надлежащихъ къ оному правилъ.—См. *Повѣствованіе*.

ПОГРѢШНОСТИ. Погрѣшности въ стихосложеніи бываютъ слѣдующія:

1.) Когда рифмы оканчиваются на *ати* или *ити*. На пр. читати, блистати; трубити, любити и пр.

2.) Когда слова полагаются противъ принятаго ударенія въ слогахъ, на пр. когда вмѣсто *было*, имѣющаго удареніе на первомъ слогѣ, пишется *былò*, съ ударе-

ніемъ на второмъ слогѣ; *должно́* вм. *до́лжно*; *цвѣ́ты* вм. *цвѣты́*.

3.) Когда полагается нѣсколько гласныхъ либо согласныхъ сряду, на пр: *милую я уязвилъ; чувствъ встрѣчаемыхъ*; или какъ въ семъ стихѣ:

Къ отмщенью твоему *я*, *Іоа*ннъ, стремлюсь.

4.) Когда въ стихѣ часто употребляются одинакія литеры или одинакіе слоги. — Такъ въ нѣкоторомъ посвященіи сказано:

Едва успѣлъ ступ*ить ты трона на* ступень.

или

Твое внушенье чту, о муз*а, за зак*онъ.

И у Хемницера въ Баснѣ *буквы:*

Ужъ *то-то толки тутъ* пойду*тъ*

5.) Когда въ стихѣ стекаются многія односложныя слова, отъ чего не можетъ быть плавности. — У Хемницера въ баснѣ *Медвѣдь плясунъ* написано:

Иной *со всѣхъ ногъ такъ тутъ* о землю хватился....

6.) Когда пресѣченіемъ стиха отдѣляется предлогъ отъ имени существительнаго или прилагательнаго на пр.

Луна смотрѣла сквозь| развѣсистыхъ древесъ...

Или въ Трагедіи *Гамлетъ* :

Пусть Данія среди| побѣдъ, среди покоя
Отца отечества въ Царѣ своемъ узритъ....

7.) Когда частица *что*, или какой нибудь односложный союзъ, или междометія *о! ахъ!* стоятъ передъ пресѣченіемъ. На пр:

Зевесъ всемощный! о!| рази своимъ перуномъ...

или

Могуль я вѣрить, что| ты будешь мнѣ вѣрна...

8.) Когда слова поставляются не въ Грамматическомъ порядкѣ. — Майковъ, въ поэмѣ *Елисей*, приводитъ слѣдующіе два стиха:

Подъ воздухомъ простеръ свой ходъ веселый чистымъ,
Поѣхалъ какъ Нептунъ по водъ верхамъ пѣнистымъ.

9.) Когда полагаются слова безъ всякой нужды, единственно для наполненія стопъ.—См. *Плеоназмъ*.

10.) Когда въ продолженіи стиха встрѣчаются слова одинакимъ образомъ оканчивающіяся и производящія рифмы;

или когда слогъ, дѣлающій пресѣченіе, соглашаются въ рифмѣ съ послѣднимъ слогомъ стиха. На пр:

И на главѣ его корона!
И *трона* спалъ онъ *оборона*!

или

Я пошелъ *тогда туда*

или

О ты, всего *творецъ*, небесный нашъ *отецъ*!
Когда ты ниспошлешь симъ бѣдствіямъ конецъ?

11.) Когда неоконченный въ одномъ стихѣ смыслъ переносится въ другой, прекращаясь прежде пресѣченія и пр.—См. *Переносъ стиха*.

12.) Когда полагается сряду нѣсколько мужескихъ или женскихъ стиховъ въ сочиненіи, въ которомъ соблюдаемо было *сочетаніе*.—У Княжнина въ Комедіи *Хвастунъ* находятся сряду четыре женскихъ стиха, имѣющихъ слѣдующія рифмы:

Или въ большой ты свѣтъ вступилъ? чѣмъ чортъ не шутитъ!—
Я только прискакалъ, да ужъ и въ Сенаторы

13.) Когда къ первообразному слову рифмою полагается другое слово, отъ онаго происходящее и на оборотъ; на примѣръ когда къ слову *жить* рифмою ставится *пережить*, къ слову узрѣть — *зрѣть* и пр. авторъ Трагедіи *Електра и Орестъ* погрѣшилъ противъ сего правила, написавъ:

Нѣтъ, Клитемнестра, нѣтъ, твой духъ не зналъ *злодѣйства*,
Жестокости твои лишь пылкой страсти *дѣйства*....

Дѣйст. III. явл. 5.

А въ другомъ мѣстѣ говоритъ сама Клитемнестра:

Довольно я была участницей *злодѣйства*
И поздно вижу я его кровавы *дѣйства*.

Дѣйст. V. явл. 2.

Чрезмѣрная легкость писать такимъ образомъ стихи (также какъ и рифмы на *ити* и *ати*) заставила назвать сіе погрѣшностію.

14.) Когда рифмы часто оканчиваются на глаголы.—Сіе производитъ утомительное однообразіе и дѣлаетъ стихи вялыми.—Хемницеръ болѣе многихъ стихо-

творцевъ подверженъ былъ сей погрѣшности.

15.) Когда однѣ и тѣ же рифмы весьма часто повторяются въ одномъ стихотвореніи. Впрочемъ повтореніе одного или нѣсколькихъ словъ производитъ иногда большую пріятность — таковы у Жуковскаго въ Балладѣ *Свѣтлана* выраженія: *блѣдвнъ и унылый*.

16.) Когда (особливо въ Александрійскомъ стихѣ) каждая стопа состоитъ изъ отдѣльнаго слова. Въ такомъ случаѣ чистыя пресѣченія или остановки голоса лишаютъ сочиненіе плавности. На пр:

Едва| вступилъ| ты, Князь,| на тронъ| своихъ| отцовъ|
Уже| съ мечемъ| въ рукѣ| идешь| каратъ| враговъ.

17.) То же самое бываетъ, когда *весьма часто* встрѣчаются въ стихахъ слова слишкомъ длинныя, занимающія цѣлое полустишіе; ибо тогда удареніе въ стопахъ выходитъ принужденное на пр:

◡ —
Своекорыстіе во зло употребляетъ.

или

Благопріемлющій признательность сердецъ.

Однакожъ подобныя слова, *изрѣдка* въ Ямбическихъ стихахъ употребляемыя, производя заключающимся въ нихъ Пиррихіемъ разнообразность въ произношеніи, чрезъ то доставляютъ слуху, утомляемому безпрерывными Ямбами, немалое удовольствіе.

18.) Также почитается погрѣшностію, когда въ сочиненіи каждый стихъ, или даже каждые два стиха, составляютъ отдѣльный смыслъ безъ связи съ прочими, отъ чего стихи лишаются живости и утомляютъ однообразіемъ вниманіе читателя. Такое стихотвореніе показываетъ еще, что авторъ не имѣлъ силы пройти съ бодростію предлежащее поприще, но подобно лѣнивому или утомленному путнику, кое-какъ, съ остановками, дотащился до конца онаго.

ПОДОБІЕ, уподобленіе, similitudo. *Уподобленіе* или подобіе есть приличное объясненіе сходства сравниваемыхъ между собою предметовъ. На пр: у Державина въ одѣ на *взятіе Измаила:*

Везувій пламя изрыгаетъ,
Столпъ огненный во тмѣ стоитъ,

Багрово зарево зіяетъ,
Дымъ чорный клубомъ въ верхъ летитъ;
Краснѣетъ понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ въ слѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ,
Клокочутъ рѣки рдяной лавы:
О Россъ!—таковъ твой образъ славы,
Что зрѣлъ подъ Измаиломъ свѣтъ.

или

Я видѣлъ войско супостатъ:
Какъ змій хребетъ свой изгибаетъ —
Главой уже коснулось вратъ,
Хвостомъ все поле покрываетъ.

Дмитріевъ.

У Хераскова въ поэмѣ *Плоды наукъ* такъ уподобляются стрѣльцы Гигантамъ, а ПЕТРЪ Великій Зевесу:

Зевесъ противъ себя возставшу видѣлъ тварь:
Здѣсь подданныхъ своихъ мятежныхъ видитъ Царь.
Невѣжествомъ текутъ Гиганты ополченны:
Стрѣльцы невѣжествомъ подобнымъ ослѣпленны;

Мгновенно молніи Зевесъ къ врагамъ пустилъ;
Петръ два смятенья зрѣлъ, и дважды имъ не
мстилъ.

И у Пушкина въ поэмѣ: Русланъ и Людмила:

Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмиралъ;
И вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣе гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливой,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится отъ пса.

ПОДРАЖАНІЕ. Imitatio. Подражать оратору или поэту не значитъ переводить его, или рабски списывать; это значитъ, въ тѣсномъ смыслѣ, взять мысль его и представить ее съ вольностію, *по своему*; это значитъ, въ смыслѣ обширнѣйшемъ, образовывать свой умъ, языкъ, учиться оборотамъ, изображеніямъ, гармоніи подлинника, и обогативъ память красотами его, исполнивъ душу его воображеніемъ, упражняться въ томъ же самомъ родѣ; выбирать не погрѣшности его, если онъ

имѣетъ ихъ, но то, что у него лучшаго, изящнѣйшаго въ духѣ и слогѣ.—Такъ Виргилій въ своей поэмѣ Аргонавтовъ помѣстилъ Епизодъ Дидоны, подражая Апполонію Родоскому. Прозьба Минервы и Юноны къ Венерѣ, и требованіе послѣдней отъ Амура, чтобы онъ поразилъ стрѣлами Медею и Язона; огнь, отъ котораго Медея тайно сгараетъ, разговоръ ея съ сестрою своею Халціопою; смятеніе души ея во время ночнаго безмолвія; стыдъ измѣнить отцу и желаніе спасти Язона: все сіе не иное что, какъ слабая *обрисовка*, изъ которой составилъ Виргилій прекраснѣйшую картину. Но слѣдующій примѣръ яснѣе покажетъ, сколько сей поэтъ въ подражаніяхъ своихъ превосходилъ самые подлинники. Вотъ литтеральный переводъ Аполлоніева текста:,, ночь покрывала землю тѣнію, и въ открытомъ морѣ кормчіе упражнялись на судахъ въ наблюденіи звѣздъ Гелиссы и Оріона. Путешественники и стражи вратъ предалися сну. Самая печаль нѣкоторыхъ матерей, лишившихся дѣтей своихъ, во время сна позабывалась. Во градѣ не слышно было ни лая псовъ, ни шума людей. Безмолвіе царствовало среди мрака. Одна Медея не вку-

шала пріятностей спокойной ночи: столь душа ея колеблема была безпокойствами, причиненными Язономъ.,,

У Виргилія въ сихъ стихахъ:

Nox erat; et placidum carpebant fessa soporem
Corpora per terras, sylvaeque et saeva quierant
Aequora *и прот.*

Видно не только превосходство дарованія, но и превосходство вкуса. На примѣръ, въ изображеніи поэта Греческаго: наблюденія кормчихъ во время ночи показываютъ бдительность и беспокойство и не дѣлаютъ противоположности съ состояніемъ Медеи, вмѣсто того, что въ картинѣ Виргилія вездѣ соблюдено единство. У него вся природа наслаждается спокойствіемъ и сномъ, между тѣмъ, какъ одна несчастная Дидона предается лютѣйшимъ терзаніямъ любви. Наконецъ въ поэтѣ Греческомъ лай псовъ и сонъ стражей суть такія мѣлкія подробности, кои недостойны Епопеи; въ Виргиліи же, напротивъ того, все превосходно и разительно.

У насъ весьма искусно подражали: *Княжнинъ* трагикамъ Французскимъ, *Державинъ* Горацію, *Дмитріевъ* и *Крыловъ* Лафонтену.

Начало слѣдующей оды Державина *на смерть Графини Румянцовой* есть прекрасное подражаніе упомянутому Латинскому стихотворцу:

Не безпрестанно дождь стремится
На классы съ черныхъ облаковъ,
И море не всегда струится
Отъ премѣняемыхъ вѣтровъ; *и проч.*

Латинскій Лирикъ такъ начинаетъ:

Non semper imbres nubibus hispidos
Manant in agros, aut mare Caspium
Vexant inaequales procellae
Usque; nec Armeniis in oris,
Amice Valgi, stat glacies iners
Menses per omnes; aut Aquilonibus
Querceta Gargani laborant,
Et foliis viduantur orni....

См. кн. 2. ода 6. *Ad Valgium.*

Его же стихи подъ названіемъ *Памятникъ* суть подражаніе сей оды:

Exegi monumentum aere perennius,
Regalique situ pyramidum altius *и проч.*
Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный вѣчный,

Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ,
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстро-
течный
И времени полетъ его не сокрушитъ *и проч.*

Сверхъ сихъ примѣровъ находится у Державина множество и другихъ *подражаній*, и какъ оныя въ изданіи сочиненій его не означены, то мы за нужное почитаемъ для упражняющихся въ словесности сдѣлать здѣсь подробное указаніе. — Всѣ слѣдующія стихотворенія, суть подражанія:

I. Царю и Пророку Давиду.

1. Властителямъ и Судіямъ. — См. Псаломъ 81.
2. Величество Божіе. — Пс. 103.
3. Праведный Судія. — Пс. 100.
4. Истинное счастіе. — Пс. 1.
5. Побѣдителю. — Пс. 90.
6. Помощь Божія. — Пс. 120.
7. Уповающему на свою силу. — Пс. 146.
8. Счастливое семейство. — Пс. 147.
9. На тщету земной славы. — Пс. 48.
10. Желаніе въ Горняя. — Пс. 83.
11. Радость о правосудіи. — Пс. 74.
12. Введеніе Соломона въ судилище. — Пс. 71.

13. Братское согласіе.—Пс. 132.

14. Утѣшеніе добрымъ.—Пс. 36.

15. На безбожниковъ.—Пс. 55.

II. Пиндару.

Кромѣ двухъ пѣсней *Пифической* и *Олимпической*—стихотвореніе подъ названіемъ *Афинейскому Витязю.*

III. Горацію.

1. О удовольствіи.—Гор. кн. 3. ода I.
2. На ворожбу.—кн. 1. ода II.
3. Похвала сельской жизни.—Кн. Еподъ. Ода 2.
4. Къ Капнисту.—Кн. 2. Ода 16.
5. Пиррѣ.—Кн. 1. Ода 5.
6. Къ Скопихину.—Кн. 2. Ода 2.
7. Время.—Кн. 2. Ода 14.
8. Весна.—Кн. 1. Ода 4.
9. Лебедь.—Кн. 2. Ода 20.

Примѣч. За излишнее почитаемъ упоминать, что всѣ *Анакреонтическія* стихотворенія Державина писаны въ подражаніе Анакреону—или по слогу, или по содержанію.

Сихъ образцевъ достаточно, кажет-

ся, для того, чтобы оставить безъ всякаго вниманія упреки тѣхъ строгихъ людей, которые называютъ *подражанія* или слабостію собственныхъ дарованій, или рабствомъ, уничтожающимъ собственныя дарованія. Имъ безъ робости скажемъ въ отвѣтъ, что Стезихоръ, Архилохъ, Иродотъ, Платонъ, подражали Гомеру, который самъ безъ подражанія предшественникамъ своимъ не могъ бы столь скоро довести поэзію до такого совершенства. Виргилій почти во всѣхъ своихъ твореніяхъ подражалъ и Гомеру и Феокриту и Гезіоду, и другимъ Греческимъ поэтамъ, и отъ того, что онъ имѣлъ много изящныхъ образцевъ, самъ сдѣлался образцемъ достойнымъ удивленія. Скажемъ, что всѣ почти новѣйшіе иностранные писатели, и наши соотечественники, наиболѣе извѣстные по своимъ твореніямъ, также во многомъ подражали древнимъ и новымъ писателямъ и во многомъ превосходили самые подлинники. Предосудительны однѣ только *подражанія*, такъ сказать *механическія*, то есть такія, въ которыхъ встрѣчаемъ не красоты оригинала, не духъ автора, но единственно рабское послѣдованіе даже погрѣшностямъ его. О сихъ-то

подражателяхъ сказалъ Горацій: O imitatores! servum pecus!.....

ПОДРАЖАТЕЛЬНЫЙ.—*Подражательная или звуко-подражательная поэзія.*

Всякой языкъ имѣетъ множество такихъ словъ, которыхъ произношеніе совершенно, или покрайней мѣрѣ, весьма много соотвѣтствуетъ самимъ дѣйствіямъ природы, сими словами изображаемымъ. На примѣръ, выговаривая слова: *громъ*, *трескъ*, *свистъ*, *визгъ*, *карканье*, *клокотанье*. *шипѣнье* и пр. мы чувствуемъ, что они сообразны съ описываемыми ими дѣйствіями. И потому искусный стихотворецъ всегда старается облекать мысли свои такими словами, которыхъ *звуки* и самое *расположеніе* рѣченій бываютъ приличны свойству оныхъ мыслей. Отъ сего *подражательная* поэзія раздѣляется на два рода:

1) Подражаніе *въ звукахъ*.
2) Подражаніе *въ размѣрахъ*.

Подражаніе *въ звукахъ* происходитъ единственно отъ употребленія или лучше сказать отъ подбора буквъ, соотвѣтствующихъ въ произношеніи описывае-

мому дѣйствію. На примѣръ въ сихъ стихахъ:

Какъ громъ гремящій по горамъ. —
Урча и клокоча со щеглой поглощаетъ.—
Со бомбой бомба, съ громомъ громъ,
Ядро жужжа сшибается съ ядромъ.

У Сумарокова въ Баснѣ говорятъ лягушки:

О какъ, о какъ намъ къ вамъ, къ вамъ, боги, не гласитъ.

Можно ли лучше изобразить кваканье лягушекъ?—и у Крылова кричитъ волъ:

. И *мы*
Грѣшны, тому давно, когда зимой *кормы* . . .

Это повторенное на концѣ двухъ стиховъ *мы*, и самое составленіе послѣдняго стиха, изъ отдѣльныхъ Ямбовъ, весьма удачно изображаютъ *мычанье*.

Гомеръ и Виргилій исполнены такихъ *звукоподражаній*. Всякому извѣстенъ Виргиліевъ стихъ, которымъ описываетъ онъ Полифема:

Monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen ademptum.

Стихъ сей дѣйствительно кажется чудовищнымъ, когда выключая по правиламъ Латинскаго стихотворства нѣкоторыя литеры, часто произносимъ звукъ *ц* (*и*)

Слѣдующій же прекрасно изображаетъ конскій топотъ:

Quadrupedante putrem sonitu quatit ungula campum.

Персій сказалъ о человѣкѣ, говорящемъ въ носъ:

Rancidulum quiddam balbâ de nare loquutus.

Не безполезно будетъ привести и слѣдующій стихъ Расина, изображающій шипѣніе или свистъ змея:

Pour qui sont ces serpents, qui sifflent sur vos têtes?

Что же касается до *звукоподражанія* въ размѣрахъ, то сіе дѣлается ощутительнымъ, когда составленіе стиховъ, по расположенію словъ или стопъ, бываетъ сообразно заключающемуся въ нихъ содержанію. Дабы показать подробнѣе, въ чемъ состоитъ сей родъ звукоподражательной поэзіи, приведемъ здѣсь нѣсколько иностранныхъ и нашихъ примѣровъ, изображающихъ различныя дѣйствія природы:

1) *Скорость.* Она предполагаетъ *легкость,* хотя бы сія легкость была только относительна. Стихъ, выражающій легкость и скорость, долженъ быть, по словамъ Шиллера, *гибкимъ и легкимъ, какъ будто изъ ничего выпрыгнувшимъ:*

Schlank und leicht, wie aus dem Nichts gesprungen.

У Державина весьма удачно описаны подвиги Рымникскаго героя, въ стихахъ начинающихся сими словами:

Вихрь полунощный летитъ богатырь *и проч.*

У Гнѣдича въ Иліадѣ описаніе быстроты коня:

Бурный бѣжитъ по полямъ, поражая копытами землю.

2) *Мѣдленность* или *тяжелость.* Она противоположна легкости, и слѣдственно требуетъ нѣсколько трудныхъ для произношенія слоговъ, къ чему много способствуютъ слова составныя. Делиль такъ объ этомъ изъясняется, подавая въ правилѣ и примѣръ превосходный:

Que d'un pas lent et lourd le boeuf fonde la plaine.
Chaque sillabe pèse et chaque mot se traine.

Сюда принадлежатъ слѣдующіе стихи Виргилія, описывающіе усиліе Циклоповъ:

Illi inter sese magna vi brachia tollunt,
In numerum versantque tenaci forcipe ferrum.

У Крылова въ Баснѣ *муха и дорожные:*

Въ Іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.....

3) *Стукъ и паденіе.* Для перваго мы имѣемъ прекраснѣйшій образецъ въ стихахъ Державина *Мой Истуканъ:*

Быть можетъ, что и мой кумиръ
Черезъ рѣшетки золотыя,
Слетитъ и разсмѣшитъ весь міръ;
Стуча съ крыльца, ступень съ ступени
И скатится въ прохладны тѣни.

Произнося четвертый стихъ, какъ будто слышимъ стукъ бюста по ступенямъ, а въ пятомъ живо изображается мѣдленная катскость его по ровному мѣсту.

Вразсужденіи паденія, прочитайте Басню Дмитріева *Дубъ и трость.* Съ ка-

кимъ искуствомъ представилъ поэтъ сіе дѣйствіе въ послѣднемъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

Летитъ, кружится листъ, тростъ гнется—
дубъ стоитъ.
Вѣтръ, пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи—
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ —
Упалъ.

По правиламъ же *подражательной* поэзіи надлежитъ наблюдать, чтобы размѣръ стиховъ соотвѣтствовалъ избранному предмету: Хорей, на примѣръ, можетъ выражать веселость; Ямбъ или Анапестъ горесть, унылость *и пр.* Прочитайте оба перевода Руссовой оды *На счастіе*, (Ломоносова и Сумарокова), и вы увидите, который размѣръ приличнѣе содержанію оной.

ПОЭЗІЯ. Poësis. — Изъ всѣхъ нижеприведенныхъ разсужденій, заимствованныхъ по большей части отъ древнихъ и новыхъ писателей, можно извлечь слѣдующее опредѣленіе поэзіи, которое, въ сравненіи съ прочими, кажется вѣрнѣйшимъ:

Поэзія есть вымыслъ, основанный на *подражаніи* природѣ изящной и выраженный словами, расположенными по извѣстному размѣру—такъ какъ проза или красноречіе есть *изображеніе* самой природы рѣчью свободною.

Ораторъ говоритъ только *истину* съ убѣдительною силою и простотою, а поэтъ изображаетъ *правдоподобное* съ такою поразительною пріятностію, которая плѣняетъ и съ тѣмъ вмѣстѣ потрясаетъ душу. Если же на сіе возразятъ, что есть сочиненія прозаическія, заключающія одно только *правдоподобное*, есть и стихотворенія, въ коихъ находится одна *истина*, то на сіе можно отвѣчать, что проза и поэзія, будучи одна къ другой столь близки, передаютъ взаимно и форму ихъ различающую и всѣ свойственныя каждой принадлежности. Ихъ можно, кажется, уподобить непримѣтной цѣпи тѣлъ, видимыхъ въ различныхъ царствахъ цриpоды, гдѣ звѣно, отдѣляющее ископаемыхъ отъ растѣній, и растѣній отъ животныхъ, скрывается отъ взоровъ самаго ревностнаго наблюдателя: мы встрѣчаемъ вымыслы піитическіе, представленные въ простой одеждѣ прозы, каковы

суть романы и все писанное въ ихъ родѣ; встрѣчаемъ также предметы истинные, кои бываютъ украшены всѣми прелестями поэзіи—таковы поэмы историческія и дидактическія. Но сіи вымыслы въ прозѣ и сіи повѣствованія или поученія въ стихахъ, не заключаютъ въ себѣ ни настоящей прозы, ни настоящей поэзіи; это смѣсь двухъ различныхъ сущностей, это суть изключенія изъ общаго правила, не могущія опровергнуть показаннаго здѣсь опредѣленія поэзіи. По сему одинъ Италіанскій Литтераторъ (Maggio) весьма справедливо раздѣляетъ поэзію на три рода или степени. Первая и высочайшая, по словамъ его, степень состоитъ въ томъ, когда въ сочиненіи вымыслъ соединяется съ стихотворствомъ: образцы ея Иліада, Одиссея, Енеида и пр; вторая степень содержитъ вымыслъ безъ стихотворства, каковы на примѣръ сочиненія Платона, Бокаччія; третья заключаетъ стихотворство безъ вымысла; къ сей можно отнести произведенія Лукана, Лукреція, *и проч.*

Поэзія, говоритъ Нѣмецкій Естетикъ Буттервекъ, должна называться первоначальнымъ искуствомъ; ибо каждое изящ-

ное произведенiе искуства должно перво-начально быть вымысломъ (Gedichte), пре-краснымъ произведенiемъ Фантазiи прежде, нежели перейдетъ въ видимую форму, во внѣшнiй свѣтъ. Поэзiя находится въ тѣснѣйшей связи со всѣми изящными искуствами и надъ всѣми имѣетъ власть превосходнѣйшую.

О сущности поэзiи множество было различныхъ мнѣнiй. Одни полагали ее въ вымыслахъ; но каковы бы ни были вымыслы, они могутъ принадлежать и прозѣ.

Другiе утверждали, что поэзiя состоитъ въ стихосложенiи, въ размѣрахъ, въ стопахъ, и сей предразсудокъ едва ли не столь же древенъ, какъ и самая поэзiя. Но если бы для поэзiи достаточно было однихъ стопъ и размѣровъ, то она была бы тогда не иное что, какъ дѣтская игрушка, ибо разрушалась бы отъ самомалѣйшаго перемѣщенiя словъ. Аристотель говоритъ, что проза и стихи не отличаютъ историка отъ поэта: хотя бы вы переложили, продолжаетъ сей философъ, всѣ Иродотовы сочиненiя въ стихи, не вышло бы изъ нихъ ни одной поэмы.

Иные—какъ-то Блеръ и его послѣдователи—называютъ поэзiю языкомъ стра-

сти, и живаго воображенія! но сіе качество не равномѣрно ли свойственно и прозѣ, потому что страсть со всѣми своими постепенностями, столь же видна у Ораторовъ, какъ и у поэтовъ. Когда Периклъ гремѣлъ, поражалъ, низлагалъ къ стопамъ своимъ Грецію, менѣе ли тогда было *страсти* въ рѣчахъ его, какъ и въ одахъ Пиндирическихъ? или--воспользуемся образцами отечественными—менѣе ли находите вы *страсти* и *воображенія* въ рѣчи Преосвященнаго Анастасія на смерть Бецкаго, нежели въ стихахъ Державина на смерть К. Мещерскаго? менѣе ли *страсти*, менѣе ли *воображенія* въ написанной Карамзинымъ *Марфѣ Посадницѣ*, нежели въ Епическихъ твореніяхъ Хераскова?— —И если бы однѣ только страсти были признакомъ поэзіи, то бы многія хорошія поэмы престали быть поэмами: Трагедія, Епопея, самая Ода, составляли бы поэзію только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; остатокъ же, заключающій въ себѣ обыкновенное повѣствованіе, или изъясненіе тихихъ чувствованій, не принадлежалъ бы къ поэзіи.

И такъ утвердимъ, что *сущность поэзіи состоитъ въ вымыслѣ или творчествѣ, подражающемъ изящной природѣ.* Таковое

подражаніе заключаетъ въ себѣ и страсти и живое воображеніе, и даже самое составленіе стиховъ, какъ необходимое для совершеннаго изображенія предметовъ средство.

Но что же есть *изящная природа?* что значитъ *подражать* изящной природѣ?

Изящная природа не есть истинное *существующее*, но истинное *могущее существовать*, истинное избранное, изящное, и представленное такъ, какъ бы оно въ самомъ дѣлѣ существовало—со всѣми совершенствами, какія только принять оно можетъ. *Подражаніе* изящной природѣ есть представленіе предмета въ такомъ совершенномъ видѣ, въ какомъ только можемъ его вообразить, не смотря на то, существуетъ ли онъ дѣйствительно, или только можетъ существовать. Слѣдовательно сіе подражаніе совершенно отлично отъ подражанія *простой* природѣ, которое не иное что есть, какъ вѣрное представленіе предмета въ такомъ точно видѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно существуетъ.—Способъ, которымъ достигаетъ поэтъ къ приведенію предметовъ до степени потребнаго совершенства, состоитъ въ слѣдующемъ: онъ собираетъ

лучшія, прекраснѣйшія черты одного и тогоже вида (species), разсѣянныя въ природѣ, и образуетъ изъ нихъ цѣлое, совершенное въ своемъ родѣ (genus). Цицеронъ въ книгѣ *Ораторъ*, въ главѣ *о изобрѣтеніи*, объясняетъ сіе слѣдующимъ примѣромъ: знаменитый живописецъ Зевксисъ, намѣреваясь изобразить совершенную красавицу, твердо былъ увѣренъ, что въ природѣ не найдетъ для нее образца — и потому онъ замѣчалъ лучшія черты у разныхъ красавицъ, собиралъ ихъ, составлялъ цѣлое, и чрезъ то достигъ до изображенія красоты въ высочайшемъ ея совершенствѣ. Изъ сего можно уразумѣть, что и поэтъ употребляетъ такія же средства съ равнымъ успѣхомъ. Желаетъ ли онъ, на примѣръ, воспѣть героя, совершившаго знаменитое предпріятіе? онъ придаетъ ему всѣ добродѣтели великихъ людей; смѣшиваетъ съ сими добродѣтелями нѣкоторыя слабости, неразлучныя съ человѣчествомъ, и чрезъ нихъ сближая героя своего съ нами, дѣлаетъ его еще привлекательнѣе. Сверхъ того *изображаетъ*, или, такъ сказать, *выискиваетъ* для него всѣ возможныя опасности, несчастія — съ тѣмъ, чтобы въ тоже самое время на-

градитъ героя своего и бодростію и силою и терпѣніемъ, нужными для одержанія побѣды надъ всѣми встрѣчающимися ему препятствіями. Наконецъ заставляетъ его оказывать всѣ тѣ досшославные подвиги, каковые оказали бы въ подобныхъ обстоятельствахъ другіе великіе люди, и такимъ образомъ провождаетъ до совершеннаго окончанія главнаго дѣйствія. — Въ другомъ родѣ: Мизантропъ, Скотининъ, Простакова, безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствительно не существовали, когда Мольеръ и фонъ Визинъ изображали ихъ; но знаменитые комики собирали разныя черты изъ разныхъ относящихся къ ихъ цѣли характеровъ, и чрезъ то образовали свои собственные *оригиналы*, плѣнившіе всѣхъ своею странностію. — Однимъ словомъ, какой бы предметъ ни избралъ стихотворецъ: повѣствованія, чувствованія, изображенія — все обязанъ брать съ природы *изящной*. Равномѣрно же поступаетъ онъ при описаніи предметовъ ужасныхъ: онъ собираетъ все то, что находится въ природѣ ближайшаго къ предпринимаемому имъ изображенію, и составляетъ цѣлое — восхищающее даже своимъ безобразіемъ. Таковы, на примѣръ, описанія у Виргилія

Циклопа Полифема, у Мильтона *Сатаны* и проч. Подобные вымыслы придают болѣе блеска изображеніямъ, назначеннымъ обращать на себя вниманіе наше своею красотою.

Впрочемъ если бы природа показывалась людямъ во всей своей славѣ, то есть со всевозможнымъ совершенствомъ въ каждомъ твореніи, физическомъ и нравственномъ, то всѣ правила, съ такимъ усиліемъ изобрѣтенныя и которымъ трудно послѣдовать, были бы для искуства совсѣмъ безполезны; тогда бы художники должны были только съ точностію списывать находящіеся предъ глазами ихъ виды, безъ всякаго выбора; тогда бы вся изящность произведенія зависѣла отъ одного простаго подражанія, и судить бы объ ономъ не иначе можно было, какъ чрезъ сравненіе. Но какъ природа часто смѣшиваетъ прелестнѣйшія черты свои съ безчисленнымъ множествомъ другихъ, то по сему и надлежитъ дѣлать выборъ, а дабы дѣлать сей выборъ съ бо́льшимъ успѣхомъ и съ бо́льшею увѣренностію, то для сего нужно *вымышлять*, *составляя цѣлое изъ лучшихъ частей природы*, или, другими словами, *подражать изящной природѣ*.

Цѣль поэзіи — нравиться, возбуждая страсти. Но чтобы доставить намъ удовольствіе совершенное и постоянное, то она обязана возбудить только страсти, одобряемыя благоразуміемъ. Отвращеніе отъ преступленій, за которыми послѣдуетъ стыдъ, страхъ, раскаяніе и другія внутренния безпокойства; состраданіе къ несчастнымъ, уваженіе славныхъ подвиговъ, насаждающее въ сердцѣ сѣмена добродѣтели; любовь невинная, Героическая —вотъ страсти, принадлежащія поэзіи! Когда же поэты одобряютъ порокъ, преступленіе, или не наблюдаютъ благопристойности въ своихъ твореніяхъ, тогда навлекаютъ сами на себя безславіе: всѣ очаровательныя прелести поэзіи не замѣнятъ того неудовольствія, которое производятъ они въ душахъ людей благомыслящихъ. Поэзія можетъ только имѣть пріятную шутливость, ибо Музы всегда были подругами Грацій.

Впечатлѣніе, дѣлаемое *подражаніемъ*, сказано въ Енциклопедіи, не столь сильно, какъ впечатлѣніе, *самимъ предметомъ* производимое: первое скоро изглаживается и изчезаетъ безъ продолжительныхъ послѣдствій, но удовольствіе, ощущаемое

при видѣ *подражаній*, есть самое чистое удовольствіе: оно не смѣшивается съ тѣми непріятностями, которыя могъ бы произвести *самый предметъ*. На примѣръ, когда видимъ въ Трагедіяхъ страдальческую смерть добродѣтельнаго старца или молодой дѣвицы—мы страждемъ вмѣстѣ съ ними, но мы чувствуемъ, что слезы наши прекратятся съ окончаніемъ представленія, и сіе самое доставляетъ намъ удовольствіе; но еслибы дѣйствительно увидѣли такое происшествіе, то не только бы не получили отъ того нималѣйшей пріятности, но оно было бы для души нашей и прискорбно и слишкомъ ужасно.

*

Вообще поэзію можно раздѣлить на четыре или на пять родовъ. Иногда поэты разсказываютъ о томъ, что происходило, какъ историки, но историки вдохновенные Музами; иногда заставляютъ они дѣйствовать самихъ тѣхъ, которые участвовали въ происшествіи; иногда же совершенно предаются воспламенившей ихъ страсти и переносятся въ волшебную страну воображенія; наконецъ случается имъ оставлять вымыслы и украшать всѣ-

ми пріятностями ихъ искуства предметы поучительные, или такіе, которые подлежатъ даже нашимъ чувствамъ. Отъ сего происходятъ: поэзія *Епическая*, поэзія *Драматическая*, *поэзія Лирическая*, и поэзія *Дидактическая*, (см. сіи слова). Буттервекъ прибавляетъ еще пятый родъ *дополнительный*, который заключаетъ Пиитическія произведенія, не принадлежащія ни къ одному изъ показанныхъ родовъ.

Изъ такого раздѣленія не должно однакожъ заключать, чтобы показанные различные роды поэзіи когда нибудь между собою не соединялись; напротивъ, почти никогда не случается, чтобы въ какой бы то нибыло поэмѣ одинъ *родъ* находился отъ начала до конца. Бываютъ повѣствованія въ родѣ Лирическомъ, бываютъ изображенія страстей пылкихъ въ поэмахъ Епическихъ: вездѣ басня соединяется съ исторіею, истинное съ вымышленнымъ, правдоподобное съ существеннымъ. Поэты, будучи обязаны *доставлять пользу и нравиться*, всѣмъ для сего жертвуютъ.

*

Оканчивая статью сію, покажемъ описаніе поэзіи, сдѣланное Аббатомъ Батте. Поэзія, говоритъ онъ, воспѣваетъ знаменитые подвиги; стремится въ небеса для описанія теченія свѣтилъ; погружается въ бездны для обозрѣнія таинствъ природы; достигая до жилища мертвыхъ, изображаетъ награды, предоставляемыя праведникамъ, и мученія, уготованныя преступникамъ: она объемлетъ вселенную. Если же и сего міра для нее недостаточно, она творитъ новые міры, населяетъ ихъ существами совершенными, и чрезъ то показываетъ, какими могутъ быть люди. Поэзія составляетъ высочайшую степень волшебства; она очаровываетъ и умъ и сердце, и приноситъ чрезъ химерическіе вымыслы удовольствія существенныя.

О происхожденіи поэзіи и стиховъ. Въ Баснословіи приписывается изобрѣтеніи поэзіи Аполлону, послѣ убіенія имъ змія Пифона, вскорѣ по Девкаліоновомъ потопѣ; но изъ сего мнѣнія, неоснованнаго на истинахъ историческихъ, не можно вывести даже правдоподобнаго заключенія. Иные приписываютъ начало ея Дельфиче-

скимъ отвѣтамъ Аполлона; однакожъ какъ отвѣты сіи произносимы были устами жрицы и стихами, то и сіе несправедливо, ибо поэзія долженствовала быть прежде отвѣтовъ, кои начались тогда уже, какъ люди составили общества. Полагается также основателемъ поэзіи Бахусъ или Вакхъ, ибо онъ еще прежде Аполлона давалъ отвѣты; другіе приписываютъ честь сію Египетскому Озириду, который по словамъ Евсевія и Діодора Сицилійскаго, долженъ быть почитаемъ за Греческаго Феба или Аполлона, слѣдовательно сказанное объ немъ надлежитъ относить къ сему послѣднему. Повѣствуютъ также, что поэзію изобрѣлъ нѣкто Македонянинъ Піеридъ, и научилъ оной дочерей своихъ, за что названъ отцемъ Музъ, именуемыхъ по немъ Піеридами; но болѣе ничего объ немъ неизвѣстно. Можетъ быть, онъ только ввелъ поэзію въ Македоніи въ бо́льшее употребленіе. Орфей и Амфіонъ, изъ которыхъ первый есть законодатель и священно-начальникъ Фракійской, а другой строитель города Фивъ, также почитаются изобрѣтателями поэзіи. При пѣснопѣніяхъ одного, говорятъ баснословные повѣствователи, плясали тигры и прочіе

дикіе звѣри, а вторый заставлялъ камни всходить на стѣны. Но сіе значитъ, что они краснорѣчіемъ своимъ убѣдили жившихъ по лѣсамъ людей соединиться, смягчили грубые ихъ нравы своими наставленіями, просвѣтили умы и ввели посредствомъ законовъ благоустройство.

Однакожъ все сіе ничего не доказываетъ кромѣ того только, что поэзія должна имѣть начало отдаленнѣйшее.

Другіе писатели сводятъ поэзію съ неба, утверждая, что она, такъ сказать, вливается въ души наши при самомъ рожденіи—и сіе конечно справедливѣе. По сему Енній называетъ поэтовъ *святыми*, какъ свидѣтельствуетъ Цицеронъ въ словѣ за Архія. Овидій признаетъ въ нихъ нѣкоторое вдохновеніе свыше, говоря

Est Deus in nobis, agitante calescimus illo,
Impetus hic sacrae semina mentis habet.

Lib 6. Fastorum

„Есть Богъ въ насъ, его дѣйствіемъ мы воспламеняемся, и сіе вдохновеніе имѣетъ сѣмена святой мудрости.„

Древніе согласно съ симъ утверждали, что поэзія была священнѣйшею философіею, что она всегда научала образу жи-

тія, показывала путь къ добродѣтели и по оному провождала, а особливо прославляла Бога, его величіе и свойства. Платонъ въ третьей книгѣ законовъ своихъ говоритъ, что *родъ поэтовъ есть божественный*; Августинъ пишетъ, что *первые поэты назывались богословами*, *ибо много воспѣвали о безсмертномъ Богѣ*, и Луканъ восклицаетъ: *о священный и великій трудъ поэтовъ.*—Но все сіе показываетъ уже поэзію изобрѣтенную и соединенную со стихосложеніемъ. Конечно справедливо, что она вложена въ человѣческія души Богомъ, но кто первый изъ человѣковъ ощутилъ въ себѣ сіе небесное вдохновеніе?.....

Утвердительно можно сказать, что поэзія возымѣла начало свое вмѣстѣ съ человѣческимъ родомъ, и потому, какъ невозможно сказать, кто именно положилъ основаніе науки счисленія, кто первый замѣтилъ и произнесъ, что *два* болѣе нежели *одинъ*, или что *два* и *одинъ* составляютъ *три*, также невозможно наименовать и того, кто первый началъ воспѣвать предметы его окружающіе, и потомъ, находя ихъ недостаточными, сталъ вымышлять, *подражая природѣ изящной*. Начало поэзіи, подобно началу прочихъ

свободныхъ искуствъ и наукъ, теряется въ таинственной отдаленности—и отыскать оное не имѣемъ нималѣйшей возможности.

Постараемся же, покрайней мѣрѣ, показать, ежели также недостовѣрное, то хотя сходное съ истиною начало *стиха!*—

Когда люди, размножась, стали скитаться по степямъ, тогда каждое семейство жило особенно, и слѣбѣйшее изъ оныхъ истребляемо было отъ сильнѣйшаго безъ всякой для послѣдняго опасности. Старѣйшины и люди имѣвшіе болѣе ума увидѣли, сколь сіе вредно; они захотѣли оказать всѣмъ вообще пользу соединеніемъ разныхъ семействъ въ одно общество. Чтобы преклонить къ сему, надлежало убѣждать такими словами, которыя были бы и сильнѣе и пріятнѣе обыкновенныхъ. Силу могла придать поэзія, но пріятность не могла быть въ словахъ безъ нѣкотораго отличія. Сіе, можетъ быть, послужило поводомъ къ различенію въ рѣченіяхъ *долгихъ и краткихъ* слоговъ для лучшаго возвышенія и пониженія голоса, а чрезъ то и къ нѣкоторому роду *размѣрной* рѣчи. Такая пріятность слова, до того времени еще неслыханная, могла на-

иболѣе тронуть человѣческія сердца, преклонить скитающихся къ соединенію, и смягчить суровые ихъ нравы.

Когда же образовались первыя общества и учредилось богослуженіе, то люди, стали собираться для праздниковъ или жертвоприношеній; при сихъ случаяхъ главнѣйшія упражненія состояли въ музыкѣ и пѣсняхъ. Для сего потребно было иное расположеніе словъ и смѣлость выраженій. Отсюда начинается стихосложеніе, распространившееся потомъ мало по малу и между всѣми поколѣніями, разныя страны населившими.

Пѣснопѣнія, въ первыя времена, имѣли великое между собою сходство у всѣхъ народовъ, потому что обстоятельства, побуждавшія къ онымъ, почти вездѣ были одинаковы. Хвала богамъ и героямъ, побѣдныя пѣсни, сѣтованіе въ бѣдствіяхъ, были всѣмъ свойственны, ибо всѣ народы сходствуютъ одинъ съ другимъ при началѣ соединенія въ общества. Въ послѣдствіи уже времени разныя важныя происшествія сообщаютъ каждому изъ нихъ особенный характеръ.

Что же принадлежитъ до изобрѣтенія различныхъ метровъ, нынѣ въ стихосло-

женіи употребляемыхъ, то можно полагать, что много способствовали къ тому жрецы, дававшіе въ храмахъ отвѣты вмѣсто обожаемыхъ ими и народами истукановъ; они, можетъ быть, по разности матерій, заключающихся въ дѣлаемыхъ имъ вопросахъ, за нужное почитали и отвѣчать различными стихами. Слушатели, принимая таковыя вѣщанія за священныя, старались содержать ихъ въ памяти, пересказывали другимъ, а нѣкоторые, статься можетъ, осмѣливались и подражать вытверженному ими порядку словъ или слоговъ, и такимъ образомъ мало по малу могли установиться въ размѣрахъ извѣстные законы.—См. *Размѣръ*, *Стопа*, *Стихосложеніе*.

Объ отдѣленіи музыки и исторіи отъ поэзіи.—Изъ соч. Блера. —До изобрѣтенія письма всѣ роды словесности, исторія, краснорѣчіе, поэзія, были между собою смѣшаны. Желавшій поучать, убѣждать или только забавлять своихъ согражданъ, сочинялъ на тотъ случай пѣсню (что называется нынѣ вообще произведеніемъ Лирическимъ)—и пѣлъ ее всенародно. Послѣ изобрѣтеннаго уже письма, люди занимавшіеся общественными дѣлами, стали

искать не одного удовольствія: баснословныя сказки показалися имъ нелѣпыми, и они начали почитать достойными своего вниманія однѣ происшествія истинныя. Тогда историки оставили поэзію и всѣ ея украшенія, стали писать прозою и старались представлять справедливыя и вѣрныя извѣстія о временахъ протекшихъ; философъ началъ говорить одному разсудку; Ораторъ, желая убѣждать своими доводами, удержалъ болѣе или менѣе пылкость слога, смотря по предметамъ своимъ и цѣли, которую предполагалъ себѣ. Съ тѣхъ поръ поэзія сдѣлалась особеннымъ искусствомъ, которое стремилось по большей части къ тому, чтобы нравиться, дѣйствуя надъ воображеніемъ и страстями. Съ нею разлучилась тогда же и музыка, подруга ея дѣтства.

ПОЭМА. Poëma. — Поэмою назваться можетъ всякое сочиненіе, написанное стихами, съ подражаніемъ изящной природѣ. По сему поэма бываетъ: *Повѣствовательная* или *Епическая*, *Драматическая*, *Лирическая*, *Дидактическая* или *Поучительная*, *Буколическая* или *Пастушеская*, *Елегическая*, *Епиграмматическая*, *Сатирическая*,

Епистолярная, *Генетліаческая*, *Епиталамическая*, *Апобатерическая*, *Епибатерическая*, *Пропемптическая*, *Синхаристическая*, *Епиникическая*, *Сотерическая*, *Панегирическая*, *Евхаристическая*, *Еоническая*, *Схолистическая*, *Просевтическая*, *Описательная*.

Всѣ упомянутые термины объяснены въ семъ Словарѣ съ показаніемъ и однозначущихъ съ ними словъ.

ПОЛИКОЛОНЪ или **ПОЛИМЕТРЪ**. Polycolon, Multiforme. Многомѣръ или Разномѣръ.—Сочиненіе, содержащее разные размѣры стиховъ.—*πολυσ*, многій; *κῶλον* стихъ извѣстной мѣры. — Таковы, на примѣръ, сочиненія: Державина *На взятіе Варшавы*, *Любителю художествъ* и пр. къ сему же роду стихотворенія принадлежитъ напечатанная въ 6 части *Трудовъ Общества Любителей Росс. Словесности при Импер. Моск. Университетѣ* Лирическая пѣснь А. Степанова подъ названіемъ *Сила ума*.....

Поликолономъ не можно называть такого сочиненія, въ которомъ употреблены хотя разномѣрные стихи, на примѣръ шестистопные съ четырестопными и пр. но принадлежащіе къ одному метру или размѣру, какъ то къ Ямбу, Дактилю, Ана-

песту, либо Хорею: онъ долженъ быть составленъ непремѣнно изъ разныхъ стопъ и размѣровъ. При томъ авторъ обязанъ наблюдать, чтобы перемѣна размѣра или стопы происходила кстати, и прилично описуемому предмету, а непросто для показанія того только, что ему извѣстны всѣ роды стопъ. Такъ у Державина въ сочиненіи *На взятіе Варшавы* послѣ стиховъ

Какъ шумъ морей, какъ гулъ воздушныхъ споровъ
Изъ дола въ долъ, съ холма на холмъ,
Изъ дебри въ дебрь, отъ рода въ родъ,
Прокатится, пройдетъ,
Промчится, прозвучитъ,
И въ вѣчность возвеститъ,
Кто былъ Суворовъ!
По бранямъ Александръ, по доблести Стоикъ,
Въ себѣ ихъ совмѣстилъ и въ обоихъ великъ.

Весьма удачно сдѣлана перемѣна размѣра при описаніи быстроты побѣдъ знаменитаго полководца:

Чорная туча мрачныя крыла,
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла,
Вихрь полуночный летитъ богатырь *и пр.*

Но въ *пѣсни* Господина К. *О первомъ сраженіи Русскихъ съ Татарами при рѣкѣ Калкѣ* и пр.—по замѣчанію, напечатанному въ Журналѣ *Сынъ Отечества* (1820. N. XII.) — весьма не кстати сдѣлана такая перемѣна. „Мстиславъ, изнемогши отъ ранъ, упадаетъ безъ чувствъ; авторъ объ немъ сѣтуетъ; обстоятельства, кажется, требуютъ мѣдленнаго разсказа, но.... стихи поскакали:

Смертный о́мракъ,
Сну подобный,
Силу Князя
Оковалъ и пр.

Музыка безъ поэзіи бездушна, продолжаетъ рецензентъ; но поэзія безъ музыки скучна—и какъ бы стихотворецъ ни настроивалъ разумъ слушателя — плакать по плясовымъ размѣрамъ не возможно.„

ПОЛИМЕТРЪ. Многомѣръ. Πολύσ, многій; μέτρον, мѣра.—См. *Поликолонъ*.

ПОЛУСТИШІЕ. Hemistichium.—Половина стиха. Средина же между двумя половинами или *полустишіями* именуется *пресѣченіемъ*. См. сіе слово и *Цезура*.

Правила о составленіи полустиший подробно описаны въ статьяхъ *Анапестъ*, *Дактиль*, *Хорей* и *Ямбъ*.

ПОПРАВЛЕНІЕ. Epanorthosis. Correctio.— Въ Риторикѣ фигура предложеній. Состоитъ въ томъ, когда рѣчь повторяется для присовокупленія къ ней другой, которая той больше или сильнѣе.

Цицеронъ въ словѣ за Мурену говоритъ: такое зло думаютъ о своемъ отечествѣ граждане—граждане, ежели смѣть назвать ихъ такимъ именемъ.

И въ словѣ за Секста Росція Америна: какія пированія, думаете вы, были въ таковомъ домѣ? ежели домомъ назвать можно, а не училищемъ плутовства и пристанищемъ всѣхъ пороковъ.

Авторъ, желающій употребить сію фигуру, долженъ показать, будто сдѣлалъ упущеніе какого либо слова или мысли нечаянно, и желаетъ тотчасъ исправить свою ошибку.

Къ сей же фигурѣ принадлежитъ и то, когда авторъ отвергаетъ прежнюю свою мысль и замѣняя оную другою, возвышаетъ чрезъ то описываемый имъ предметъ—

какъ на пр. въ спихахъ Державина *Водопадъ*.

Вся наша жизнь не что иное
Какъ лишь мечтаніе пустое.
Иль нѣтъ! тяжелый нѣкій шаръ
На нѣжномъ волоскѣ висящій,
Въ который бурь, громовъ ударъ
И молніи небесъ ярящи
Отвсюду беспрестанно бьютъ —
И ахъ! Зефиры легки рвутъ.

ПОРТРЕТЪ. См. *Описаніе*.

ПОСЛАНІЕ. См. *Епистола*.

ПРАВДОПОДОБІЕ. Цѣль, которую непосредственно предполагаетъ себѣ Поэтъ въ вымыслахъ, есть удостовѣреніе, а удостовѣрить насъ неиначе онъ можетъ, какъ соображаясь съ находящимся въ насъ понятіемъ о томъ, чему подражаетъ. И такъ *правдоподобіе* состоитъ въ вымыслахъ сообразныхъ съ нашимъ понятіемъ, и слѣдственно съ природою; то есть: когда Поэтъ представляетъ намъ какое нибудь происшествіе, или какую нибудь вещь, которой образца мы не видали, то

сіе происшествіе, сія вещь, должны непремѣнно имѣть сообразныя съ натурою и свойствами своими дѣйствія и качества. На примѣръ: не мудрено выдумать животныхъ ужасныхъ или героевъ чрезмѣрной величины и силы, но надобно сохранить соразмѣрность въ ихъ частяхъ и дѣйствіяхъ; въ семъ заключается *правдоподобіе.*—Прочитавши описаніе Полифема, мы почитаемъ уже за возможное, когда стихотворецъ разсказываетъ, что онъ перебрасываетъ горы.

Сочинитель книги *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка* весьма справедливо замѣчаетъ у Ломоносова ошибку противъ правдоподобія въ слѣдующихъ стихахъ:

Воззри въ лѣса на Бегемота,
Что мною сотворенъ съ тобой;
Колючій тернъ его охота
Безвредно попирать ногой.

Послѣ сихъ строкъ мы воображаемъ настоящаго Бегемота, нимало не увеличивая его, въ нашемъ воображеніи, ибо знаемъ, что сіе животное въ состояніи произвести приписываемое ему дѣйствіе. Но Ломоносовъ продолжаетъ:

Какъ верьви сплетены въ немъ жилы,
Отвѣдай ты своей съ нимъ силы!
Въ немъ ребра какъ литая мѣдь:
Кто можетъ рогъ его сотрѣть?

Тутъ нѣтъ *правдоподобія!* по дѣйствію Бегемота мы легко можемъ сомнѣваться въ истинѣ сдѣланнаго объ немъ описанія —и потому сочинитель упомянутой книги такъ о семъ разсуждаетъ:

„Изображеніе крѣпости и силъ толь огромнаго животнаго, недовольно соотвѣтствуетъ изображенію дѣйствія или употребленія тѣхъ же самихъ силъ его; ибо о такомъ звѣрѣ, у котораго *жилы какъ сплетенныя верьви*, *ребра какъ литая мѣдь* мало сказать, что онъ *колючій тернъ безвредно попираетъ ногами;* надлежало бы сказать нѣчто болѣе, нѣчто удивительнѣе сего.„

Наибольшая трудность состоитъ въ сохраненіи *правдоподобія* при изображеніи существъ духовныхъ. Какъ ни сильно воображеніе поэта, сколь ни старается онъ придавать симъ неорганическимъ существамъ премудрости, чувствительности и пр. но сіи свойства не иначе онъ можетъ представить, какъ въ высочайшей

степени мудростію и чувствительностію человѣческими, ибо, говоритъ Тассъ, человѣкъ не можетъ *подражать* Божеству. La Divinità non puo da lui essere imitata. И потому ежели Поэтъ вводитъ въ свое сочиненіе какихъ бы то ни было духовъ, то дабы не погрѣшить противъ правдоподобія, долженъ заставлять ихъ болѣе дѣйствовать и менѣе говорить. Для сей-то причины они почти никогда не бываютъ видимы въ Трагедіи, а ежели иногда и вводятся, то говорятъ только нѣсколько словъ, и тотчасъ изчезаютъ. Такъ въ Трагедіи *Макбифѣ*, послѣ того, какъ сей злодѣй убилъ своего Короля, вдругъ является ему страшный призракъ и сказавъ, *ты никогда не уснешь*, скрывается. Что можетъ быть сего простѣе и ужаснѣе?

Для сохраненія совершеннаго правдоподобія въ поэмѣ Епической надлежитъ наблюдать, чтобы сверхъестественное соединялось съ естественнымъ и производило общее дѣйствіе. Сему примѣръ видимъ въ Иліадѣ. Вся поэма основана на любви Кризида къ своей дочери. У него похитили ее; онъ требуетъ возвращенія и получаетъ отказъ отъ Царя, содержащаго ее въ плѣну. Кризидъ, какъ жрецъ

Аполлона, обращается съ прозьбою къ сему богу. Аполлонъ покровительствуетъ ему и въ отмщеніе за него пускаетъ въ Греческой станъ ядомъ напитанныя стрѣлы. Язва распространяется въ ономъ и Калкасъ обьявляетъ, что Аполлонъ не прежде умилостивится, какъ по удовлетвореніи жреца его за причиненную ему обиду. Ахиллесъ соглашается возвратить его дочь; но Агамемнонъ, которому досталась она по жребію, требуетъ за нее другаго выдѣла изъ добычи. Ахиллесъ упрекаетъ его въ корыстолюбіи и неблагодарности. Отсюда начинается вражда между ними, столь пагубная для Грековъ. — Не возможно связать происшествій съ бо́льшею легкостію и простотою; и въ семъ-то соединеніи чудеснаго съ естественнымъ заключается главнѣйшее правило *правдоподобія*.

ПРЕВРАЩЕНІЯ. Metamorphoses, transformatio. Родъ притчи (см. сіе слово), ибо въ ней дѣйствуетъ всегда человѣкъ, превращаемый въ животное, въ дерево, въ источникъ, въ камень и пр. Содержаніе обыкновенно берется изъ Мифологіи. Можно соединять въ сей поэмѣ смѣлые фигуры,

разительныя описанія, даже слогъ высокій съ простотою Апологa (Басни), не упуская изъ виду, какъ и во всякомъ другомъ сочиненіи, пользы, которая состоитъ въ избраніи такихъ предметовъ, гдѣ *превращеніе* служитъ наказаніемъ преступленія, или воздаяніемъ добродѣтели.

Овидій, рожденный въ Сульмонѣ, что въ Неапол. Корол. за 10 лѣтъ до Р. Х. оставилъ прекраснѣйшіе и всѣмъ извѣстные въ семъ родѣ образцы.

ПРЕДЛОЖЕНІЕ. Propositio. Такъ называется въ поэмахъ начало, где Поэтъ предлагаетъ кратко о томъ, о чемъ писать намѣренъ.—*См. Епическій.*

ПРЕМѢНЕНІЕ. Epanodos, antimetabole. Въ Риторикѣ фигура предложеній. Состоитъ въ томъ, когда чрезъ преложеніе рѣченій раждаются противныя мысли. На пр: весьма погрѣшаете вы (говоритъ Демосфенъ къ Афинянамъ), что чрезъ то надѣетесь произвести счастіе изъ несчастія, чрезъ что изъ счастія несчастіе сдѣлалось.

Сюда же принадлежитъ и слѣдующее:

Ежели ты что хорошее сдѣлаешь съ трудомъ, трудъ минется, а хорошее оста-

нется; когда же сдѣлаешь что худое съ услажденіемъ, услажденіе минется, а худое останется.

Не для того мы живемъ на свѣтѣ, чтобы насыщаться, но для того насыщаемся, чтобы жить.

Фигура сія имѣетъ сходство съ другою, называемою *Антитезисъ*.—См. с. с.

ПРЕРВАНІЕ. Abruptio.—См. *Умолчаніе.*

ПРИДИКТИЧЕСКІЙ. То же самое значитъ, что Панегирическій или Епидиктическій.—С. с. слова.—Имя сіе придается стихотвореніямъ, прославляющимъ добродѣтель и знаменитые подвиги.

ПРИЗЫВАНІЕ. Въ Риторикѣ фигура предложеній.—См. *Обращеніе.*

Симъ именемъ называется еще та часть поэмы, которая слѣдуетъ за *предложеніемъ*, и въ которой поэтъ призываетъ божество или другое какое нибудь лице и проситъ помощи или наставленія къ продолженію своей поэмы.—*См. Епическій.*

ПРИНУЖДЕННОСТЬ. Affectatio.—Погрѣшность въ сочиненіи. Она происходитъ

отъ *безмѣрнаго* желанія нравиться, и состоитъ въ изысканныхъ, *принужденныхъ* мысляхъ, выраженіяхъ, оборотахъ; въ излишнемъ стараніи казаться *натуральнымъ*, шутливымъ, или чувствительнымъ. Такой писатель часто употребляетъ для сего странныя Метафоры, слова и рѣченія необыкновенныя, и портитъ то, чтобы могло быть пріятно, если бы написано было простѣе.

Въ самомъ дѣлѣ весьма странно, когда авторъ вмѣсто того, чтобы объяснить мысль свою просто, употребляетъ выраженія и обороты необыкновенныя — вмѣсто того, на примѣръ, чтобы сказать Луна свѣтитъ, говоритъ *блѣдная Геката отражаетъ тусклые отсвѣтки*....

Вмѣсто: плѣняющій душу сочинитель сей тѣмъ больше нравится, чѣмъ больше его читаешь — *Елегическій авторъ сей побуждая къ чувствительности назидаетъ воображеніе къ вяшшему участвованію*....

Вмѣсто: *жаркій* солнечный лучь, посреди лѣта, понуждаетъ искать прохладной тѣни — *въ средоточіе лѣта жгущій левъ уклоняетъ обрѣсти свѣжесть*....

Вмѣсто: какой благорастворенный воз-

духъ!—*что я обоняю вб развитіи красотб вожделеннѣйшаго періода!* и пр. и пр.

Примѣры сіи показаны въ книгѣ извѣстнаго нашего любителя и знатока отечественной словесности А. С. Шишкова, подъ названіемъ *Разсужденіе о старомб и новомб слогѣ Россійскаго языка.* — Здѣсь кстати почитаемъ сказать, что сія книга принесла нашимъ писателямъ немаловажную пользу: весьма примѣтно, что послѣ ея появленія въ свѣтъ, рѣже стали встрѣчаться подобныя вышепоказаннымъ нелѣпости.

Французскій писатель Вуатюръ, разсуждая объ одномъ странномъ выраженіи младшаго Плинія, говоритъ: несправедливо ли, что это мѣлкаго ума дѣло, отбрасывать слово, которое тотчасъ представляется и которое приличнѣе прочихъ, а отыскивать съ неутомимостію другое, худшее перваго и не столь выразительное?

Принужденность почти всегда бываетъ признакомъ такого человѣка, который имѣя дарованія весьма посредственныя, а можетъ быть и лишенъ будучи надлежащаго образованія, не увѣренъ въ томъ, что дѣйствительно хорошо, и по сему выдуманное съ трудомъ предпочитаетъ

простому и натуральному, могущему всегда и каждому нравиться.

Примѣры *принужденности* въ стихахъ найдетъ читатель въ статьѣ *Елегія.*

ПРИРАЩЕНІЕ.—См. *ниже.*

ПРИРОДА изящная. — См. *Натура* и *Поэзія.*

ПРИСОВОКУПЛЕНІЕ *или* приращеніе. Adjunctio, zeugma.—Въ Риторикѣ фигура рѣченій. Состоитъ въ томъ, когда къ одному имени многіе глаголы, или къ одному глаголу многія имена относятся. На пр:

Сего Тигранъ, Царь Арменскій, принялъ, и уже на себя больше не уповающаго утвердилъ, оскорбленнаго возставилъ и совсѣмъ отчаяннаго утѣшилъ.

Цицер. за Манил.

Помпея ни лакомство къ полученію какой добычи, ни сластолюбіе къ роскоши, ни веселіе къ услажденію, ни великолѣпіе Афинъ къ познанію, ниже самый трудъ къ упокоенію отъ принятаго намѣренія не отозвали.

Цицер. тамъ же.

ПРИТЧА. Родъ Басни, въ которой вводятся люди.—См. *Басня*.

ПРОЗА. Prosa. Проза есть обыкновенный языкъ, которымъ говорятъ люди; въ ней нѣтъ ни размѣровъ, ни рифмъ, находящихся въ стихахъ.

Латинское слово сіе *prosa* нѣкоторые производятъ отъ Греческаго *πϱόσω*, впередъ; другіе отъ *prorsa* и *prorsus*, идущій прямо, по противоположности къ *versa*, назадъ— потому что писатель въ прозѣ, такъ сказать, идетъ всегда впередъ, а стихотворецъ, прошедъ нѣкоторое извѣстное пространство (въ нѣсколькихъ слогахъ состоящее) принужденъ обращаться назадъ для повторенія прежняго своего пути, то есть, прежняго ладу, размѣра.

Прозѣ не поэзія противополагается, а стихосложеніе, ибо поэзія состоитъ не въ механическомъ совокупленіи словъ. — См. *Поэзія*.

Проза относится къ краснорѣчію, (eloquentia,) такъ, какъ стихи къ поэзіи. Можно говорить и не быть краснорѣчивымъ; можно писать стихи не будучи поэтомъ.

Хотя проза всегда была обыкновеннымъ наречіемъ, но не всегда употребляли ее для произведеній ума, ни для сохраненія въ памяти происшествій. У Грековъ всѣ исторіи, законы и самая философія писаны были стихами, и не извѣстно, кто первый изъ нихъ осмѣлился сложить сіе иго, начавши для таковыхъ твореній употреблять прозу. — По словамъ Плинія, у Грековъ первое философическое сочиненіе въ прозѣ написано было Ферекидомъ, современникомъ Кира, но изъ сего не слѣдуетъ, чтобы Ферекидъ былъ первый прозаистъ; ибо Павзаній упоминаетъ объ одной Коринфской исторіи въ прозѣ, приписываемой какому-то Румелусу, и сочиненной за 740 лѣтъ до Р. Х. то есть за 200 лѣтъ до Ферекида и Кира.

Писатель въ прозѣ называется *Прозаистъ*.

ПРОЗАИЧЕСКІЙ. Prosaicus. Имя сіе придается сочиненію, написанному въ прозѣ.

Прозаическими называются еще стихи, въ которыхъ нѣтъ ни пріятнаго слога, ни мыслей, ни картинъ. Таковы слѣдующіе, взятые изъ Трагедіи *Димитрій*

Донской, которая впрочемъ заключаетъ въ себѣ много хорошаго. Димитрій говоритъ Ксеніи:

Но презрить страсть мою тебѣ казалось мало:
Жестокости твоей того недоставало,
Чтобы свидѣтелемъ Димитрію здѣсь быть,
Какъ будешь ты собой соперника дарить.
Но столькожъ правъ какъ онъ я надъ тобой имѣю.
Онъ избранъ сталъ отцемъ, я избранъ былъ твоею
Умершей матерью передъ концемъ ее.

Особливо послѣдніе два стиха ни мало не соотвѣтствуютъ трагическому стихотворству: въ нихъ нѣтъ ни силы Піитической, ни гармоніи, и мысль такъ растянута, такъ неудачно перенесена изъ одного стиха въ другой, что по всей справедливости могутъ они назваться *прозаическими*—не говоря уже о погрѣшности Грамматической въ словахъ *передъ концемъ ее*, ибо слѣдовало сказать *ея*.

ПРОЗОПОГРАФІЯ. См. *Описаніе*.

ПРОЗОПОПЕЯ. См. *Заимословіе*.

*

ПРОКЕЛЕВСМАТИКЪ. Терминъ Греческой и Латинской поэзіи. Стопа, состоящая изъ четырехъ краткихъ слоговъ или, что все равно, изъ двухъ Пиррихіевъ; какъ въ словахъ: animula, hominibus, renuere, φιλοσοφος, или какъ выговариваются въ

— ᴗ ᴗ ᴗ ᴗ

словѣ *нѣкоторые* четыре послѣднихъ слога. — Слово сіе происходитъ отъ πρὸ, ante, предъ, и κέλευσμα, hortatio, убѣжденіе, поощреніе, а сіе отъ κελεύω, jubeo, hortor; почему Прокелевсматикъ значитъ *поощряющій идти впередъ*, ибо четыре краткихъ слога кряду ускоряютъ произношеніе, и какъ будто принуждаютъ читающаго идти далѣе. — Стопа сія называется еще *Дипиррихій*. См. с. с.

ПРОЛОГЪ. Prologus. Прологъ былъ въ употребленіи на древнемъ театрѣ; онъ содержалъ въ себѣ изложеніе послѣдующаго за нимъ Драматическаго сочиненія и произносимъ былъ опредѣленнымъ къ тому актеромъ; иногда же такіе прологи произносимы были предъ каждымъ актомъ.

Нѣкоторые *прологи* не иное что были, какъ рѣчь къ зрителямъ: ими испрашивали благоволенія или заставляли чрезъ разныя шутки смѣяться.

Въ новѣйшемъ театрѣ таковые *прологи* не употребляются, а бываетъ подъ симъ именемъ нѣкоторый родъ Драматическаго представленія, имѣющаго отношеніе къ настоящему всенародному торжеству. Такой прологъ, подъ названіемъ *Новые Лавры,* сочиненъ былъ А. П. Сумароковымъ въ 1759 году, на случай одержанной Россіянами при Франкфуртѣ побѣды, и представленъ въ день Тезоименитства Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ. Дѣйствующія лица въ ономъ: *Истина*, *Минерва*, *Нептунъ*, *Аполлонъ*, *Марсъ*, *другіе боги*, *Побѣда*, *Россіяне и Россіянки*. Начинается тѣмъ, что всѣ упомянутые боги и богини прославляютъ Россію и владѣтельницу ея: Истина—за правосудіе, Минерва — за введеніе наукъ, Нептунъ—за устройство флота, Аполлонъ—за покровительство поэзіи. Весь прологъ написанъ со вкусомъ и довольно чистымъ слогомъ. Вотъ слова Аполлона:

Я зрю въ Россіи Геликонъ:
Разорвалися въ ней державши разумъ узы,
И обитаютъ Музы,
Не зря словесному ученію препонъ.
Потоки Ипокрены,

Съ твоей, Нева, мѣшаяся волной
Текутъ Полночною страной!
И орошаютъ днесь твои, Петрополь, стѣны!
Не тѣмъ ужъ мѣстомъ ты, Петрополь, нынѣ зримъ,
Гдѣ прежде жили Фины:
На сихъ брегахъ поставленъ древній Римъ,
И древнія Афины.
Тутъ
Словесныя Науки днесь цвѣтутъ.
О Петръ! о ты Елисавета!
Пребудутъ Ваши въ вѣкъ на свѣтѣ имена.
Въ коротки времена
Вы то исполнили ко удивленью свѣта.

Марсъ возвѣщаетъ со всею подробностію объ одержанной побѣдѣ. За симъ слѣдуетъ хоръ Россіянъ:

Ты Россія утѣшайся,
Видя толь достойныхъ чадъ;
И побѣдой украшайся!
Веселися ты, сей градъ,
Съ полуночными странами;
Врагъ поверженъ сильно нами!

Во время сего пѣнія облака закрываютъ боговъ, а потомъ расходятся и

открываютъ храмъ славы. Тамъ видны: *Побѣда* съ лавровою вѣтвію и Россіяне, собравшіеся торжествовать день сей. Начинается балетъ и пр.

Нѣсколько подобныхъ *Прологовъ* можно видѣть въ разныхъ томахъ *Россійскаго Феатра*.

Прологи могутъ быть съ успѣхомъ помѣщаемы въ началѣ поэмъ Дидактическихъ, Историческихъ или повѣствовательныхъ и пастушескихъ: Лукрецій, Аріостъ, Тассъ и Лафонтенъ служатъ сему образцами; но въ важныхъ поэмахъ Епическихъ оные не употребительны, по крайней мѣрѣ не видимъ ихъ ни у Гомера, ни у Виргилія.

Слово *Прологъ* есть Греческое, составленное изъ *πρὸ*, предъ, и *λόγος*, слово, рѣчь, и собственно значитъ *предисловіе*, *предрѣчіе*.

ПРООДИЧЕСКІЙ. Въ древней поэзіи называли симъ именемъ одинъ или многіе большіе стихи въ сравненіи съ меньшими предъ ними, оканчивающими строфу или куплетъ. И такъ въ двустишіи, составленномъ изъ Екзаметра и Пентаметра, или шестистопнаго и пятистопнаго, пер-

вый будетъ стихъ *Проодическій*, а вторый будетъ *Еподъ*.—См. с. с.—Въ Сафической строфѣ три первыхъ стиха будутъ *Проодическіе*, а послѣдній *Адоническій* стихъ называться долженъ *Еподомъ*.

Слово сіе происходитъ отъ προ, предъ, ὠδη, пѣснь, и слѣдственно значитъ *поющійся прежде*.

ПРОПЕМТИЧЕСКІЙ. Такъ называется поэма, которою *провождающіе отъѣзжающимъ* изъявляютъ свое сожалѣніе и желаніе имъ благополучія. — *Аполлосъ*. — По сему сочиненіе Державина на *отсутствіе Имп. ЕКАТЕРИНЫ второй въ Бѣлоруссію*, (1780) можетъ назваться пропемтическимъ. Вотъ начало онаго:

Не бряцай печальна лира
Громкой пѣсни ты въ сей часъ,
Благодѣтельница міра
Удалилася отъ насъ.
Музъ Богиня удалилась,
Изъ Петрополя сокрылась
Матерь отъ своихъ дѣтей:
Солнцу красному подобно
Счастье, кажется, народно
Укатилося за ней.

И окончаніе:

О пріятный вѣтръ полдневный!
Водъ прозрачныя струи!
Нивы злачны! лѣсъ зеленый!
Сладкопѣвны соловьи!
Дни веселы! воздухъ чистый!
Сельски Нимфы голосисты!
И пріятная весна!—
Долгъ Богинѣ отдавайте,
И мѣста тѣ украшайте,
Гдѣ грядетъ теперь Она.

ПРОСЕВХТИЧЕСКІЙ. Симъ именемъ называется поэма, которою Бога молятъ, или у высокихъ лицъ милости испрашиваютъ.—*Аполлосъ.*

ПРОСФЕЗИСЪ. Родъ Метапласма. Состоитъ въ перемѣнѣ слова чрезъ прибавленіе въ началѣ одной или нѣсколькихъ буквъ. Prosthesis apponit capiti.—См. Метаплясмъ.—Отъ *πρὸς*, къ, при; *θέσις*, положеніе.

ПРОТИВОПОЛОЖЕНІЕ см. *Антитезисъ.*

ПРОХОЖДЕНІЕ, или притворство. Praeteritio. — Въ Риторикѣ фигура предложеній. Состоитъ въ томъ, когда авторъ показываетъ, будто желаетъ умолчать о томъ, о чемъ уже говоритъ, и чрезъ сіе живѣе изображаетъ свои мысли.

Флешье, Французской проповѣдникъ, въ надгробномъ словѣ знаменитому полководцу Тюреню, говоритъ:

Не ожидайте, слушатели, чтобы я вамъ открылъ здѣсь печальное позорище, и представилъ сего великаго ироя посредѣ своихъ побѣдительныхъ знаковъ бездыханна, и чтобы показалъ вамъ блѣдное и окровавленное тѣло, дымящееся еще отъ оной молніи, которая поразила его...... и пр.

Ломоносовъ въ похвальномъ словѣ Императрицѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ, также употребилъ сію фигуру:

..... Того ради не изображаю словомъ блистающія лѣпоты лица ея, являющія прекрасную душу, ни сановитаго возраста Монархинѣ приличнаго, ни величественной главы къ ношенію вѣнца рожденной, ни устъ щедроту источающихъ, ни очей воззрѣніемъ оживляющихъ *и пр.*

ПѢСНЬ. Cantus. Имя сіе придается нѣкоторому отдѣленію въ поэмахъ, гдѣ авторъ включаетъ извѣстную часть своего повѣствованія.

ПѢСНЯ. Cantus, Cantique, Chanson, Canzonetta. Родъ Лирической поэзіи: оду также называютъ иногда Лирическою *пѣснею*.

Пѣсня есть небольшая поэма, къ которой обыкновенно придѣлываютъ музыку, или, что все равно, которую полагаютъ на голосъ. Она можетъ имѣть различное содержаніе, какъ ниже будетъ сказано, однакожъ не столь важное какъ въ *одѣ*;—она не терпитъ ни отступленій, ни безпорядка, свойственныхъ послѣдней. — *См. Ода.*

Пѣсня требуетъ мыслей естественныхъ и замысловатыхъ, слога легкаго, изображеній нѣжныхъ и пріятныхъ, клонящихся къ одной и той же цѣли. Она не должна быть слишкомъ велика, потому что долго *пѣть* не возможно. Раздѣляется также какъ ода на строфы, называемыя *куплетами*. Иногда въ пѣсняхъ употребляется *припѣвъ*, который, состоя въ одинакихъ словахъ, придаваемыхъ къ каждому

куплету, долженъ быть всегда обращаемъ къ главной мысли.

Руссо говоритъ: „пѣсни всегда были свойственны человѣку. Древніе, прежде еще употребленія письмянъ, имѣли уже пѣсни; ихъ законы, исторіи, славословіе боговъ и великихъ людей воспѣвались прежде, нежели были написаны, и отъ того-то, какъ думаетъ Аристотель, Греки дали одно имя законамъ и пѣснямъ.„

О пѣсняхъ у Древнихъ. Орфей и Линъ начали поэтическое поприще свое сочиненіемъ *пѣсенъ*; Ерифанисъ пѣлъ *пѣсни* преслѣдуя звѣроловца Меналка; Греческія женщины пѣли *пѣсню* въ воспоминовеніе несчастій молодой Каликеи, умершей отъ любви къ нечувствительному Евалду; Фесписъ прославлялъ виноградъ, Силена и Вакха *пѣснями*; всѣ Анакреоновы оды не иное что суть, какъ *пѣсни*, также какъ творенія Сафы и Пиндара. Словомъ, вся Лирическая поэзія состоитъ *въ пѣсняхъ*; но мы должны ограничить себя тѣми изъ нихъ, кои особенно пользуются симъ именемъ.

У древнихъ въ бо́льшемъ употребленіи были пѣсни *застольныя*.

Въ первыя времена всѣ гости, по свидѣтельству Дицеарха, Плутарха и Артемона, пѣли вмѣстѣ и однимъ голосомъ похвалу божествамъ, почему и были сіи пѣсни настоящіе *Пеаны* (с. с. с.) или священные канты.

Въ послѣдствіи, гости или всѣ сидящіе за столомъ пѣли одинъ за другимъ по порядку, держа въ рукахъ миртовую вѣтвь, которая также переходила отъ одного къ другому.

Наконецъ, когда музыка усовершенствовалась въ Греціи, и когда стали на пирахъ употреблять лиру, тогда, говорятъ вышеприведенные три писателя, одни только искусные въ томъ люди пѣли за столомъ, а прочіе ограничивались держаніемъ миртовой вѣтьви.

Сіи пѣсни, воспѣваемыя съ пріигрываніемъ на лирѣ, и введенныя въ употребленіе Терпандромъ, назывались *Схоліи*, (слово, значащее косвенный, излучистый) для показанія трудности въ семъ искуствѣ, или, по словамъ Артемона, для того, что сидящіе пѣли не по порядку и образовали иногда косвенную линію. Предметомъ оныхъ были не только любовь и вино, но исторія, военныя происшествія

и даже нравственность. Такова слѣдующая Аристотелева *Схолія*, преложенная Мерзляковымъ:

О радость, о прелесть безсмертная смертныхъ,
Добыча безцѣнная лѣтъ,
Предметъ и награда трудовъ неизчетныхъ,
Отъ свѣта небеснаго свѣтъ!—
О доблесть, о дѣва красотъ неизмѣнныхъ,
Ты слава Еллады сыновъ возвышенныхъ.

Препоны ли рока возстанутъ ужасны:
Ничто для плѣненныхъ тобой!—
Возстанутъ ли злобы гоненья напрасны;
Спокойно грядемъ за тобой!—
Ты въ ужасахъ ночи вдвое свѣтлѣе,
Ты въ горѣ, въ ненастьѣ вдвое милѣе!

Предъ кѣмъ трепетала и гдѣ уступила
Отъ неба вліянная кровь,
Безсмертное сѣмя, божественна сила,
Къ тебѣ всемогуща любовь?....
Родители, други, спокойство—безцѣнны:
Ты взглянешь, ты скажешь—и все вдругъ забвенны!
Кѣмъ пламенны были вы, отроки Леды,
И съ кѣмъ Геркулесъ перетекъ

Дванадесять быстро ступеней побѣды? —
Въ нихъ видишъ, въ нихъ любишъ тебя человѣкъ!
Аяксъ, съ Ахиллесомъ въ могилу сокрылись:
О доблесть; — ихъ гробы въ алтарь превратились.

Нашъ добрый хозяинъ и ласковъ и друженъ:
Твой образъ ему предстоитъ.
Онъ солнца не видитъ: *) свѣтъ солнца не нуженъ
Тому, кто прелестную зритъ.
Вся жизнь его блещетъ благими дарами; —
И вѣчность богата для добрыхъ вѣнцами.

О памяти дщери, хвалами обильны!
Вы славите въ храмахъ небесъ
Гостепріимства законы всесильны,
Въ которыхъ почіетъ Зевесъ: —
Да славитсяжъ вѣчно пѣснью нелестной
Хозяина добраго пиршество честно! —

Вы любите въ старцѣ сердце младое,
Веселость и рѣзвость подъ часъ;

*) Надобно думать, что хозяинъ былъ слѣпой.

Вамъ хлѣбосольство любезно златое
И дѣдовска вѣрность, гость рѣдкой у насъ!....
Да славитсяжъ вѣчно пѣснью нелестной
Хозяина добраго пиршество честно!—

Однакожъ не всѣ ихъ *Схоліи* были такъ величественны; вотъ содержаніе другой, взятой изъ Афинея:

Здоровье—первое благо на свѣтѣ!
Вторымъ безъ стыда назовемъ красоту;
А третье благо у насъ на примѣтѣ
Богатство,—но истиннымъ то лишь почту,
Которое совѣсти нашей
Не жалитъ упрека змѣями;
Четвертое благо: вмѣстѣ съ друзьями
Сидѣть за наполненной чашей.

Голенищевъ-Кутузовъ перевелъ слѣдующую *Схолію* Сафы:

Умѣла сдѣлать я прелестный сей нарядъ,
Гдѣ блещутъ злато, шелкъ и съ ними багряница;
Алмазы огненны въ одеждѣ сей горятъ;
Прими отъ Сафы даръ, Цитерская Царица!

Потомству возвѣщу на громкихъ я струнахъ
Колико я твоей щедротой награжденна!
Приди, твоимъ дворомъ прелестнымъ окру-
женна,
Присутствуй при моихъ весельяхъ и пирахъ!

Въ златыя чаши къ намъ богининой рукою
Некта́ръ, питье боговъ, теки всегда рѣкою!
Дай новы прелести ты счастью нашихъ дней!
Богиня видишь предъ собою
Въ моихъ друзьяхъ, твоихъ друзей.

Греки имѣли также особенныя пѣсни для разныхъ состояній: пѣсни пастуховъ назывались *Буколическими*; пѣсня жне́цовъ именовалась *Литіерза*, по имени Мидасова сына, любившаго упражняться въ жатвѣ; пѣсня мѣльниковъ имѣла названіе *Имея* или *Епіолія*; пѣсню ткачей называли *Елина*; *Іула* была пѣсня работающихъ шерстяныя издѣлія; пѣсня кормилицъ именовалась *Катававкалеза* или *Нуннія*; пѣсня любовниковъ была *Номіона*; пѣсня женщинъ *Каликіею*, а пѣсня дѣвъ *Гарпаликіею* назывались.

Для особенныхъ случаевъ имѣли они: пѣсню брачную, называемую *Именія* или *Епиталама*; *Іалелія* и *Линосв* для печаль-

ныхъ происшествій. Сей *Линосъ* былъ также въ употребленіи у Египтянъ и назывался *Манеросъ*, по имени одного изъ ихъ Царей.

Наконецъ были у нихъ еще Имны или Священныя пѣсни въ честь героевъ и боговъ: *Іулы* для Цереры и Прозерпины, *Филелія* для Аполлона, *Упинги* для Діаны и пр.

Сей родъ поэзіи перешелъ отъ Грековъ къ Римлянамъ. Многіе Гораціевы оды не иное что суть, какъ любовныя или Вакхическія пѣсни.

О пѣсняхъ у новѣйшихъ народовъ. Новѣйшія пѣсни раздѣляются нынѣшними Литтераторами по большей части на *Еротическія*, т. е. любовныя, на *Вакхическія* т. е. веселыя, застольныя, и на *Сатирическія* т. е. шутливыя или насмѣшливыя, называемыя у Французовъ *Водевилями*.— См. с. с.

Русскія пѣсни вообще можно раздѣлить на *любовныя*, *военныя*, *плясовыя*, *хороводныя*, *святочныя*, *подблюдныя*, *свадебныя* и *застольныя*.

I. *Любовныя* пѣсни, кромѣ той страсти, отъ которой получили онѣ свое название, изображаютъ еще гнѣвъ, мщеніе, ненависть, ревность, какъ дѣйствія любви.

Онѣ раздѣляются на *старинныя* или *простонародныя* и на *новѣйшія*.

А.) *Старинными* или *простонародными* называются тѣ, которыя давно уже (начало ихъ можно положить съ XVI столѣтія) сочинены старымъ складомъ или размѣромъ въ числѣ слоговъ состоящимъ и которыя нынѣ по большей части между простымъ народомъ употребляются; многія изъ нихъ не имѣютъ даже въ стихахъ опредѣленнаго числа слоговъ, почему недостатокъ или излишество въ оныхъ, въ сравненіи одной строки съ другою, скрадывается голосомъ, какъ то можно видѣть въ слѣдующихъ:

Садъ ли мой садъ, садъ зеленой виноградъ!
Хорошо въ саду мѣлки пташечки поютъ,
А меня ли молоденьку грусть, тоска, печаль берешъ!
За что свѣтикъ мой не любишь ты меня?
За что жизнь моя не знаешься со мной? и пр.

или

Ужъ какъ полно, моя сударушка, тужишь, плакать!
Не наполнить тебѣ синя моря слезами,
Не утѣшить тебѣ мила друга словесами и пр.

*

Другія же изъ *простонародныхъ* пѣсенъ имѣютъ размѣръ постояннѣе и отличаются особенными красотами — на примѣръ слѣдующая:

Ты безсчастный добрый мо́лодецъ,
Безталанная головушка!
Со младыхъ ты лѣтъ въ несчастьи взросъ,
Со младыхъ дней горе мыкаешь.
Въ колыбелкѣ родной матери,
Пяти лѣтъ отсталъ мила отца;
Во слезахъ прошелъ твой красный вѣкъ,
Во стенаньи молоды лѣта.

Ты зазноба, ты зазнобушка,
Ты прилука молодецкая,
Кра́сна дѣвица, отецка дочь!
Твои очи соколиныя,
Твои брови соболиныя,
Руса коса, красота твоя,
Приманила къ себѣ мо́лодца,
Прилучила безталаннаго.

Въ красотѣ твоей дѣвической,
Въ твоей младости и разумѣ
Чаялъ онъ сыскать отца и мать;
Онъ увидитъ родъ и племя все,

И надѣялся размыкати
На устахъ твоихъ грусть, тоску;
Онъ въ очахъ твоихъ увѣрился
Потопить свое безсчастіе.

Ахъ! какъ ягодѣ калинушкѣ
Не бывать во вѣкъ малинушкой,
Не живать такъ горемышному
Вѣкъ во счастьи и во радости.
Красна дѣвица скончалася!
Полюбити отказалася
Горемыку добра молодца,
Сиротину безталаннаго.

Ты безсчастье, ты безгодье зло!
До чего тебѣ домыкати
Сиротинушку дѣтинушку
Безталанна, горемышнаго?
Ужъ ни въ чемъ ему удачи нѣтъ,
Ни талану на бѣломъ свѣту.
Знать таланъ его скрывается
Въ четырехъ доскахъ, въ сырой землѣ.

В.) *Новѣйшія* любовныя пѣсни пишутся опредѣленнымъ размѣромъ; въ нихъ употребляется слогъ чистой, ясной, и для удобнѣйшаго положенія на музыку онѣ

раздѣляются на куплеты или строфы. — Вотъ нѣкоторыя:

Мой другъ, хранитель-ангелъ мой!
О ты, съ которой нѣтъ сравненья!
Люблю тебя, дышу тобой!
Но гдѣ для страсти выраженья?
Во всѣхъ природы красотахъ
Твой образъ милый я встрѣчаю;
Прелестныхъ вижу—въ ихъ чертахъ
Одну тебя воображаю.

Беру перо—имъ начертать
Могу лишь имя незабвенной;
Одну тебя лишь прославлять
Могу на лирѣ восхищенной;
Съ тобой, одинъ, вблизи, вдали
Тебя любить—одна мнѣ радость;
Ты мнѣ всѣ блага на земли,
Ты сердцу жизнь, ты жизни сладость.

Въ пустынѣ, въ шумѣ городскомъ
Одной тебѣ внимать мечтаю;
Твой образъ, забываясь сномъ,
Съ послѣдней мыслію сливаю;
Пріятный звукъ твоихъ рѣчей
Со мной во снѣ не разстается;

Проснусь—и ты въ душѣ моей
Скорѣй, чѣмъ день очамъ коснется.

Ахъ! мнѣль разлуку знать съ тобой?
Ты всюду спутникъ мой незримый;
Молчишь—мнѣ взоръ понятенъ твой,
Для всѣхъ другихъ неизъяснимый;
Я въ сердце твой пріемлю гласъ;
Я пью любовь въ твоемъ дыханьѣ.....
Восторги, кто постигнетъ васъ,
Тебя, души очарованье?

Тобой и для одной тебя
Живу и жизнью наслаждаюсь;
Тобою чувствую себя;
Въ тебѣ природѣ удивляюсь;
И съ чѣмъ мнѣ жребій мой сравнить?
Чего желать въ толь сладкой долѣ?
Любовь мнѣ жизнь—ахъ! я любить
Еще стократъ желалъ бы болѣ.

Жуковскій.

Мы имѣемъ превосходнѣйшаго сочинителя любовныхъ *новѣйшихъ* пѣсенъ въ Ю. А. *Нелединскомъ-Мелецкомъ*. Всѣ его пѣсни, которыхъ къ сожалѣнію очень мало, преисполнены чувствительности, и украше-

ны всѣми прелестями поэзіи. Здѣсь помѣщается одна не лучшая, но первая, попавшаяся на глаза.

У кого душевны силы
Истощилися тоской;
Кто лишь въ мрачности могилы
Чаетъ обрѣсти покой:
На лицѣ того проглянетъ
Лучъ надежды въ первый разъ
Въ ту минуту, какъ настанетъ
Для него послѣдній часъ.

Жизнь во мнѣ тобой хранится,
Казнь и благо дней моихъ;
Духъ хоть съ тѣломъ разлучится,
Буду живъ безъ связи ихъ.
Душу что во мнѣ питало,
Смерть не въ силахъ то сразить;
Сердцу, что тебя вмѣщало,
Льзя ли не безсмертну быть?

Нѣтъ! не льзя тому быть мертву,
Что дышало божествомъ.
Отъ меня ты примешь жертву
И въ семъ мірѣ и въ другомъ.
Тѣнь моя всегда съ тобою

Неотступно будетъ жить,
Окружать тебя собою,
Вздохъ твой, взоры, мысль ловить.

Насладится, вникнувъ тайно
Въ прелести души твоей
Еслижъ будешь хоть случайно
Близь гробницы ты моей,
Самый прахъ мой содрогнется,
Твой приходъ въ немъ жизнь родитъ,
И тотъ камень потрясется,
Подъ которымъ буду скрытъ.

Слѣдующая отличается пріятностію и простотою:

Доволенъ я судьбою
И милою богатъ;
О Лиза! кто съ тобою
И бѣдности не радъ?

Съ тобою жизни бремя
Меня не тяготитъ;
Съ тобою, другъ мой, время
Какъ молнія летитъ.

Не зная, что есть слава,
Я славлю жребій свой;

Труды съ тобой забава,
Въ твоихъ глазахъ покой.

Ты взглянешь—забываю
Суровость мрачныхъ дней;
Въ болѣзняхъ оживаю
Улыбкою твоей.

Когда ты скажешь: милой!
Проходитъ грусть моя,
Свѣтлѣетъ взоръ унылой,
Спокоенъ, веселъ я.

Тотъ бѣденъ, кто въ семъ мірѣ
Живетъ лишь для себя.
Я былъ бы и въ порфирѣ
Несчастливъ безъ тебя!

Но если рокъ ужасной
Насъ, Лиза, разлучитъ:
Что буду я несчастной?.....
Сырой землей покрытъ!

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ,
Воркуя томно скажутъ:
Онъ умеръ во слезахъ.

Карамзинъ.

II. *Военныя* пѣсни прославляютъ подвиги знаменитыхъ полководцевъ, изображаютъ неустрашимость и любовь къ отечеству. Въ нихъ помѣщается иногда изъявленіе любви или дружбы, но въ такомъ только случаѣ, когда съ главнымъ предметомъ пѣсни соединяются чувствованія разлуки.

Военныя пѣсни также можно раздѣлить на простонародныя или старинныя, и на новѣйшія.

А.) *Простонародныя* или *старинныя*, т. е. писанныя старымъ складомъ, иногда заключаютъ въ себѣ пріятную простоту; наиболѣе же заслуживаютъ уваженіе наше потому, что сохраняются въ нихъ дѣянія побѣдоносныхъ войскъ нашихъ и славныхъ полководцевъ. — Вотъ одна изъ таковыхъ пѣсенъ:

Не бушуйте вы вѣтры буйные,
Не спѣши ты зима со морозами,
Не защитою вы Очакову,
Не спасеніе вы врагамъ нашимъ.
Сыны храбрые Россійскіе
Презираютъ всѣ ваши лютости;
Въ нихъ сердца горятъ правдой, вѣрностью
Ко премудрѣйшей своей матери;

Въ нихъ вся кровь кипитъ жаркимъ ревнiемъ
Ко прехраброму ко начальнику.
На зарѣ то было на утренней,
На восходѣ краснаго солнышка,
Какъ возговоритъ нашъ Потемкинъ Князь:
Ой вы гой еси храбрые воины!
Намъ пришла пора чтобъ Очаковъ взять,
Часъ приближился чтобъ Луну сорвать;
Со окоповъ бѣлокаменныхъ,
Разметать въ прахъ башни Турецкiя,
Покорить враговъ мечу Русскому,
Скиптру мудрыя Государыни.
И ты гой еси, ты нашъ батюшка!
Ты прехрабрый предводитель нашъ!
Лишь рукой махни, ужъ Очаковъ взятъ,
Слово вымолви и Стамбулъ падетъ.
Мы пойдемъ съ тобой въ огонь, въ полымя,
Пройдемъ пропасти подземельныя.
Лишь успѣли храбрые воины
Рѣчь окончить свою геройскую:
Загремѣла вдругъ Артиллерiя,
Засверкали въ мигъ штыки Русскiе,
Полилась рѣкой кровь Турецкая,
Повалились ихъ башни крѣпкiя:
Гдѣ Луна была тамъ орлы парятъ

Гдѣ бунчукъ стоялъ, тамъ штандартъ бле-
ститъ,
И Паша упавъ предъ Потемкинымъ,
Вручилъ жизнь свою и ключи града.
Тутъ воскликнули побѣдители:
Ой ты гой еси, ты невѣрный Царь!
Посмотри ты Царь на Пашей своихъ,
Ты взгляни Царь на кровь Турецкую,
Покорись ты нашей Монархинѣ,
Не тебѣ ужъ воевать съ нами.

Надлежитъ замѣтить, что всѣ почти старинныя *военныя* пѣсни принадлежатъ болѣе къ повѣствовательной, нежели къ Лирической поэзіи.

В.) Для показанія свойствъ и слога новѣйшихъ военныхъ пѣсенъ можетъ быть приведена въ примѣръ слѣдующая; въ ней съ воинскою храбростію соединяются и чувства любви и дружбы:

Мы красавицъ оставляемъ,
Оставляемъ и друзей;
Въ смутныхъ мысляхъ представляемъ
Пулей свистъ и звукъ мечей.

Прелесть, нѣга и забава.
Удаляются отъ насъ!

Въ сердцѣ слышится лишь слава
И побѣды громкій гласъ.

Скучно было бы разстаться
И любезныхъ покидать,
Если бъ мы не шли сражаться
И злодѣевъ побѣждать.....

Тѣхъ злодѣевъ, что мѣшаютъ
И любви и тишинѣ,
Что прелестныхъ насъ лишаютъ
И зовутъ отъ нихъ къ войнѣ.

О любезныя! желайте,
Чтобъ войнѣ пришелъ конецъ;
Къ намъ любви не оставляйте,
То для насъ одинъ вѣнецъ!

Вы, лишаяся спокойства,
Будете о насъ тужить;
Мы, исполненны геройства,
Будемъ вашъ покой хранить.

Гласы трубны раздаются
И оружія гремятъ;—
Ваши горьки слезы льются
А у насъ сердца кипятъ.

Ахъ, съ любезной разлучаться....
Мудренѣе всѣхъ побѣдъ!
Сердце хочетъ съ ней остаться
Слава на войну зоветъ.

N. N.

III. *Плясовыя* пѣсни, какъ означаетъ и самое именованіе ихъ, суть тѣ, по которымъ пляшутъ; онѣ отличаются веселостію и раздѣляются, по названію плясокъ, на Русскія и на Цыганскія. А какъ всякая пѣсня, удобная къ скорой и веселой музыкѣ, можетъ быть *плясовою*, то мы означаемъ здѣсь тѣ только, которыя изстари пользуются названіемъ плясовыхъ. Всѣ сіи пѣсни суть *простонародныя* и заслуживаютъ вниманіе наиболѣе по употребляемымъ въ нихъ припѣвамъ.

1. Какъ на горкѣ, на горкѣ, на горѣ,
На высокомъ на пригорочкѣ
Ай люли, люли!
Ахъ, лющеньки люли и пр.

2. Пошли наши подружки
Въ лѣсъ по ягоды гулять.
Вѣю, вѣю, вѣю, вью
Въ лѣсъ по ягоды гулять и пр.

3. Въ Государевой конторѣ
Сидитъ молодецъ въ уборѣ.
Ахъ, ка́лина! ахъ, ма́лина и пр.

4. Что дѣвушкѣ сдѣлалось,
Что красной доспѣлося?
Эй, эй, эй, эй, что красной доспѣлося?
и пр.

5. Ты поди моя коровушка домой,
Ты поди моя некормленая;
Ай диди, калинка моя,
Въ саду ягода малинка моя. и пр.

6. Улица, улица моя,
Трава, мурава зелененькая
Ой жги, ой жги, говори,
Трава, мурава зелененькая и пр.

Сіи припѣвы *люли, люшеньки, диди, ладо*, кои увидимъ и въ другихъ послѣдующихъ за сими пѣсняхъ, не иное что суть, какъ испорченныя имена Славянскихъ Боговъ *Леля, Дида* и богини *Лады*, и потому онѣ должны показывать древность сихъ пѣсенъ, бывшихъ еще во времена язычества. Впрочемъ справедливѣе, кажется, можно заключить, что сіи пѣсни суть подра-

жанія древнимъ языческимъ пѣснямъ, потому что нѣкоторыя употребляемыя въ нихъ слова не могутъ быть относимы къ столь отдаленнымъ временамъ.

Изъ новѣйшихъ слѣдующія могутъ быть почтены плясовыми:

Пой, скачи, кружись Параша!
Руки въ боки подпирай!
Мчись въ веселіи жизнь наша!
Ай, ай, ай, жги! припѣвай!

Милъ, любезенъ василечикъ:
Рви, доколѣ онъ цвѣтетъ.
Солнце зайдетъ и цвѣточикъ—
Ахъ, увянетъ, опадетъ!

Пой, скачи, кружись и пр.

Соловей не умолкаетъ,
Свищетъ съ утра до утра:
Другу милому, онъ знаетъ,
Пѣть въ году одна пора.

Пой, скачи, кружись и пр.

Кто, бывъ молодъ, не смѣялся,
Не плясалъ и не пѣвалъ,
Тотъ ничѣмъ не наслаждался;
Въ жизни не жилъ, а дышалъ.

Дмитріевъ.

Пусть кто хочетъ пишетъ оды,
Или критики на моды;
Я такъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

Пусть богатый веселится,
Пусть богатствомъ онъ гордится;
Я такъ и пр.
Пусть чиновъ кто хочетъ ищетъ
И по крыльцамъ барскимъ рыщетъ;
Я такъ и пр.
Пусть военный побѣждаетъ,
А философъ разсуждаетъ;
Я такъ и пр.
Пусть игрокъ въ бостонъ играетъ,
Время жизни убиваетъ;
Я такъ и пр.
Пусть всякъ дѣлаетъ, что хочетъ.
Пусть хоть плачетъ, хоть хохочетъ;
Я такъ пѣсенку пою
Про голубушку свою.

Кн. Гр. Хованскій.

IV. *Хороводныя* пѣсни употребляются на общественныхъ народныхъ гуляньяхъ, и названы такъ отъ того, что поются *хоромъ*, то есть вдругъ многими голосами.

Молодые люди обоего пола сходятся на улицу, или на лугъ, играютъ и поютъ; каждая игра, какъ ниже увидимъ, имѣетъ пѣсню особенную.

Прим. Сіи пѣсни, также какъ и слѣдующія за ними *святочныя*, приводятся здѣсь со всею подробностію наиболѣе для сохраненія ихъ отъ совершеннаго забвенія: издатели новѣйшихъ пѣсенниковъ вовсе почти не удостоиваютъ ихъ помѣщеніемъ! А всякая древность, какого бы ни была рода, всегда бываетъ для наблюдательнаго ума заслуживающею вниманіе.

Вотъ *хороводныя* пѣсни съ описаніемъ самихъ игръ, при которыхъ онѣ поются:

1.

Женщины и мущины становятся на двѣ разныя стороны, сходятся и не оборачиваясь назадъ отступаютъ, и поютъ поперемѣнно:

Мущины.

А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой, дидъ и лада! сѣяли, сѣяли.

Женщины.

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
Ой дидъ и ладо! вытопчемъ, вытопчемъ.

*

Мущины.

Да чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать,
Ой дидъ и лада и пр.

Женщины.

А мы коней выпустимъ, выпустимъ,
Ой дидъ и лада —

Мущины.

А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой дидъ и лада —

Женщины.

Да чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой дидъ лада —

Мущины.

А шелковымъ неводомъ, неводомъ,
Ой дидъ и лада —

Женщины.

А мы коней выкупимъ, выкупимъ,
Ой дидъ и лада —

Мущины.

Да чѣмъ же вамъ выкупить —?
Ой дидъ и лада —

Женщины.

А мы дадимъ сто рублей —
Ой дидъ и лада —

Мущины.

Не надо намъ тысячи —
Ой дидъ и лада —

Женщины.

А что же вамъ надобно —?
Ой дидъ и лада —

Мущины.

А намъ надо дѣвицу —
Ой дидъ и лада —

Мущины.

Вотъ это намъ надобно, надобно,
Ой дидъ и лада —

При семъ мущины дѣлаютъ изъ рукъ вороты, женщины проходятъ, и мущины любую изъ нихъ захватываютъ — послѣ чего поютъ:

Женщины.

Нашего полку убыло, убыло,
Ой дидъ и лада —

Мущины.

А нашего прибыло, прибыло,
Ой дидъ и лада прибыло, прибыло.

Такимъ образомъ всѣ женщины переходятъ одна послѣ другой на сторону мущинъ; наконецъ дѣлаютъ большой кругъ и начинаютъ другія игры.

2.

Мущина ходитъ за кругомъ, а дѣвушка или женщина въ кругу, и поступаютъ по нижеслѣдующей пѣснѣ:

Какъ не тотъ ли то Царевъ сынъ
По за городу гуляетъ,
Самъ Царевну смотритъ?
Какъ не та ли то Царевна
Что во городѣ гуляла,
Шелковымъ платкомъ махала,
Золотымъ перстнемъ свѣтила?
Отворяйтеся ворота!
Ты взойди, сударь, во городъ,
Подойди, сударь, поближе,
Поклонись, сударь, пониже,
Поцѣлуйтеся милѣе;
Ты возьми, сударь, за ручку,
Поведи по городочку,
Выбирай пару другую,
Что другую да любую.

Въ сей пѣснѣ можно замѣтить, что она вся почти сочинена правильнымъ размѣромъ.

3.

Мущина ходитъ въ кругу за женщиною и представляютъ мужа съ женою; онъ поетъ съ припѣваніемъ прочихъ:

Посмотрите, сосѣди!
Какъ жена мужа не любитъ,
Душа свѣтъ не навидитъ.
Я поѣду утрѣ въ городъ,
Я куплю женѣ обнову
Пару парчевую,
А жена не принимаетъ,
Глазами не взираетъ.

Пѣсня сія повторяется нѣсколько разъ съ перемѣною одного только стиха, въ которомъ именуются обновы. Наконецъ когда запоютъ:

Я куплю женѣ обнову
Шелковую плетку

Жена начинаетъ кланяться.

Ты прими, жена гостинецъ
Шелковую плетку.

Показываетъ, будто хочетъ ее бить нарочно приготовленнымъ изъ платка жгутомъ, но она поклонами умилостивляетъ; послѣ чего онъ поетъ:

Посмотрите, сосѣди,
Какъ жена мужа любитъ,
Душа свѣтъ цѣлуетъ.

Цѣлуются и выходятъ. Каждой стихъ этой пѣсни повторяется два раза съ припѣвомъ между каждымъ *дидо, лелю, лада моя.*

4.

Заплетися плетень, заплетися!
Ты завѣйся труба золотая,
Завернися камка хрущатая.
Ахъ, ты свѣтъ сѣра утица!
Потопила малыхъ дѣтушекъ
Ты въ меду и во патокѣ,
И во яствѣ во сахарномъ.

Въ продолженіи сего пѣнія разрываютъ кругъ, дѣлаютъ на одномъ концѣ, приподнявъ руки, ворота, въ которые держась за руки съ другаго конца всѣ проходятъ; вторый человѣкъ, дѣлавшій съ первымъ ворота, оборачивается держа руку по шеѣ черезъ плечо, и составляетъ

уже оныя съ третьимъ; игра сія продолжается до того, пока всѣ завьются; тогда развиваются такимъже порядкомъ и поютъ:

Расплетися плетень, расплетися!
Ты развѣйся труба золотая.
Развернися камка хрущатая.
Ахъ, ты свѣтъ, сѣра утица!
Вынимай милыхъ дѣтушекъ,
Ты изъ меда, изъ патоки,
Ты изъ яства сахарнова.

5.

Выбираютъ плясуна, который садится посреди хоровода; ходятъ кругомъ и поютъ:

Какъ на горѣ макъ, на зеленой макъ,
Мои маки маковушки,
Золотыя головушки,
Какъ былъ макъ, эдакъ такъ....

Показываютъ какъ великъ макъ.

Станемте, дѣвушки, въ рядъ,
Вотъ макъ на горѣ,
На всей красотѣ!
Станемте, спросимте,

Что макъ дѣлаетъ,
Что работаетъ?

Спрашиваютъ у сидящаго: что макъ дѣлаетъ? онъ отвѣчаетъ: показался, зеленѣетъ, наливается и пр. и пѣсни повторяютъ до тѣхъ поръ, какъ услышатъ отъ него, что макъ созрѣлъ; тогда поютъ слѣдующее: — Сидящій встаетъ и пляшетъ.—

Ужъ ты слышалъ ли воробей,
Ужъ ты видѣлъ ли молодой,
Какъ дѣвушки макъ поливали?
Какъ красныя макъ поливали?
Ужъ я не слыхалъ воробей,
Ужъ я не видалъ молодой
Какъ дѣвушки макъ поливали,
Какъ красныя макъ поливали.

Потомъ то же повторяютъ, но вмѣсто *поливали*, поютъ *пололи*, *щипали* и т. д. Таковыхъ *хороводныхъ* пѣсенъ есть еще нѣсколько, однакожъ сіи употребительнѣе прочихъ.

V. *Святочныя* пѣсни получили названіе отъ того, что употреблялись при обыкновенныхъ играхъ на святкахъ, въ то время когда по словамъ *Жуковскаго*:

.

Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи; подъ окномъ
Слушали; кормили
Счетнымъ курицу зерномъ;
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ,
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Нѣкоторыя изъ святочныхъ пѣсенъ именуются *подблюдными* по той причинѣ, что во время игры, или гаданія, у каждаго участвующаго брали кольцо, клали на *блюдо*, покрывали платкомъ, и потомъ при окончаніи каждой пѣсни смѣшавъ кольца вынимали по одному. Изъ содержанія пѣсни заключали о томъ, что впредь случится, какъ то: *прибыль, свиданіе, вступленіе въ бракъ* и пр. Всѣ слѣдующія суть подблюдныя; къ каждой въ нихъ строкѣ припѣвается *слава!*

1.

Пѣсня, означающая вступленіе въ бракъ.

Катилося зерно по бархату, *слава!*

Еще то ли зерно да бурмитское —

Прикатилося зерно ко яхонту —

Какъ и крупенъ жемчугъ съ яхонтомъ —

Хорошъ женихъ со невѣстою —

2.

— *Прибыль.*

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою, *слава!*

Живутъ мужики богатые —

Гребутъ золото лопатами —

Чисто серебро лукошками —

3.

— *То же.*

Растворю я квашонку на денышкѣ, *слава!*

Я покрою квашонку чернымъ соболемъ —

Опояшу квашонку яснымъ золотомъ —

Я поставлю квашонку на столбичкѣ —

Ты взойди моя квашонка съ краи ровна—

Со краи ровна и совсѣмъ полна —

4.

— *Отмѣнное счастіе.*

Идетъ кузнецъ изъ кузницы, *слава!*

На немъ шубенка худехонька —

Одна-то пола во сто рублей —
А другая пола въ тысячу —
Всей же шубенкѣ цѣны нѣтъ —
Цѣна-то ей у Царя въ казнѣ —
У Царя въ казнѣ, въ кованомъ ларцѣ. —

5.

— *Замужство.*

Ахъ! ты сѣй, мати, мучицу, пеки пироги, *слава!*
Къ тебѣ будутъ гости нечаянные —
Какъ нечаянные и невѣдомые —
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи —
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ—

6.

— *Возвышеніе.*

Вился, вился ярой хмѣль, *слава!*
Около тычинки серебряныя —
Такъ бы вилися бояра, Князья, —
Около Царя православнаго —

7.

— *Супружество съ чиновникомъ.*

Жемчужина окатная! *слава!*
До чего тебѣ докатится? —
Пора тебѣ вонъ выкататися —
Князьямъ и боярамъ на шапочку —

8.

— *Свиданіе.*

Покачу *я* колечко кругомъ города, *слава!*
А за шѣмъ *я* колечкомъ сама пойду —
Я сама пойду, милова найду —

8.

— *То же.*

Лешишъ соколъ изъ улицы, *слава!*
Голубушка изъ другой лешишъ —
Слешалися, цѣловалися, —
Сизыми крыльями обнималися —

10.

— *Дальнюю дорогу.*

Сшояшъ сани снаряжены, *слава!*
И полосшью подернуты —
Только сѣсть въ сани да поѣхати—

11.

— *Супружество.*

Идешъ кузнецъ изъ кузницы, *слава!*
Кузнецъ, кузнецъ, мнѣ скуй вѣнецъ
Изъ обрѣзочковъ золошъ персшень,—
Изъ осшаточковъ булавочку,—
Какъ шѣмъ вѣнцомъ мнѣ вѣнчашися, —

Какъ и тѣмъ перстнемъ обручатися —
Той булавочкой убиратися. —

Какъ удачно воспользовался Г. Жуковскій сими простыми, безыскуственными выраженіями въ прекрасной Балладѣ своей *Свѣтлана!*

„Что, подруженька, съ тобой?
Вымолви словечко!
Слушай пѣсни круговой:
Вынь себѣ колечко!
Пой, красавица: кузнецъ!
Скуй мнѣ златъ и новъ вѣнецъ,
Скуй кольцо златое!
Мнѣ вѣнчаться тѣмъ вѣнцомъ,
Обручаться тѣмъ кольцомъ
При святомъ налоѣ.„

12.

— *Богатство.*

Щука шла изъ Нова-города, *слава!*
Она хвостъ волокла изъ Бѣла озера —
Какъ на щукѣ чешуйка серебряная —
Что серебряная позолоченая, —
А головушка у щуки унизаная —

13.

— *Супружество.*

Скачетъ груздочикъ по ельничку, *слава!*
Ищетъ груздочикъ бѣляночку —
Не груздочикъ скачетъ, дворянской сынъ —
Не бѣляночки ищетъ, дворяночки —

14.

— *То же съ чиновникомъ.*

Чарочка поплывушечка! *слава!*
До чего тебѣ доплавати? —
Пора тебѣ и вонъ выплывать —
Князьямъ и боярамъ вино подносить —

Послѣ каждой изъ сихъ *подблюдныхъ* пѣсенъ и другихъ имъ подобныхъ (ежели еще таковыя находятся) при выниманіи кольца поютъ:

А кому же мы спѣли, тому добро, *слава!*
Кому вынется, тому сбудется, *слава!*

Обыкновенно же игра сія оканчивалась пѣснію въ славу Государя, а сіе служитъ доказательствомъ, что Русскіе и въ самыхъ увеселеніяхъ никогда не забывали почтенія къ своему обладателю, и

что во всякомъ случаѣ показывали свою къ нему преданность:

Ужъ какъ слава Богу на небѣ, *слава!*
Государю нашему на сей землѣ —
Государь нашъ не старѣется —
Его цвѣтное платье не носится
Его добрые кони не ѣздятся —
Его вѣрные слуги имъ счастливы —

Другая игра: дѣвушка беретъ колечко, ходитъ вокругъ, кладетъ кому нибудь тихонько въ руку; другая отгадываетъ. Къ сему принадлежитъ слѣдующая пѣсня:

Тихой напѣвъ.

И я золото хороню, да хороню,
Чисто серебро хороню да хороню;
Я у батюшка въ терему, въ терему,
Я у матушки въ высокомъ, въ высокомъ.

Плясовой.

Гадай, гадай дѣвица,
Отгадывай красная!
И я рада бы гадала
И я рада бы отгадывала
Черезъ поле идучи,

Русу косу плетучи,
Шелкомъ прививаючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ, вы кумки! вы голубки!
Вы скажите, не утайте!
Меня мати хочетъ бити
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину;
Очутился перстень
Да у дворянина
Да у молодова
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.
Дѣвушки гадали
Да не отгадали!
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло,
Призаплеснивѣло.

VI. *Свадебныя* пѣсни употреблялись при сговорахъ, въ дѣвичникъ и во все вре-

мя, продолжающееся до совершенія бракосочетанія, также и въ день свадьбы. Въ нихъ всегда упоминалось то имя, которое было предметомъ пѣсни:

1.

Изъ за лѣса, лѣса темнова,
Изъ за лѣса дремучева,
Изъ за горъ, изъ за высокихъ горъ,
Летитъ стадо лебединое,
А другое то гусиное.
Отставала лебедь бѣлая
Что отъ стада лебединова,
Приставила лебедь бѣлая
Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ.

Отставала душа *Аннушка*,
Отставала *Ивановна*
Что отъ красныхъ отъ дѣвушекъ;
Приставала *Аннушка*
Приставала свѣтъ *Ивановна*
Къ молодымъ-то молодушкамъ.

2.

Перекатно красно солнышко.
Ты звѣзда перекатная!
Далеко звѣзда катилася

Прочь отъ свѣтлова мѣсяца!
Перешла наша дѣвица
Такъ изъ горницы въ горницу,
Изъ столовыя во новую,
Перешедъ она задумалась,
Призадумавшись заплакала,
Во слезахъ слово молвила:
Государь родимой батюшка,
Государыня матушка,
Ужъ не льзя ли того сдѣлати,
Меня дѣвицу не выдати.

Свадебныхъ пѣсенъ очень много; онѣ бывали различны по разнымъ мѣстамъ Россіи. Полагаемъ, что приведенныхъ здѣсь достаточно для показанія ихъ слога и содержанія.

VII. *Застольныя* или *круговыя* пѣсни поются сидя за столомъ или въ кружокъ. Главнѣйшее свойство ихъ есть веселость; а предметомъ для нихъ служатъ вино и безпечность; иногда присоединяется къ нимъ и любовь. Лучшіе писатели наши упражнялись въ семъ родѣ пѣсенъ. Вотъ нѣкоторыя:

Братья, рюмки наливайте!
Лейся черезъ край вино!
Все до капли выпивайте,
Осушайте въ рюмкахъ дно!

Мы живемъ въ печальномъ мірѣ,
Всякой горе испыталъ
Въ бѣдномъ рубищѣ, въ порфирѣ —
Но и радость Богъ намъ далъ.

Онъ вино намъ далъ на радость,
Говоритъ святой мудрецъ:
Старецъ въ немъ находитъ младость,
Бѣдный горестямъ конецъ.

Кто все плачетъ, кто вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ Сентябремъ,
Тотъ науки жить не знаетъ,
И не видитъ свѣта днемъ.

Все печальное забудемъ,
Что смущало въ жизни насъ;
Пѣть и радоваться будемъ
Въ сей пріятной, сладкой часъ!

Да свѣтлѣетъ сердце наше,
Да сіяетъ въ немъ покой,

Какъ вино сіяетъ въ чашѣ
Осребряемо луной.

Карамзинъ.

Други! время скоротечно,
И не видишь какъ летитъ!
Молодыми быть не вѣчно,
Старость въ мигъ насъ посѣтитъ,
Что же дѣлать? такъ и быть!
Въ ожиданьи будемъ пить.

Пусть Аракъ ума убавитъ
Между насъ у остряковъ!
Онъ сердца за то заставитъ
Говорить безъ колкихъ словъ.
Лучшій способъ дружно жить:
Меньше врать, а больше пить.

Посмотрите, какъ уныла
Вся природа на земли:
Осень рощи обнажила,
Ахъ! и розы отцвѣли.
Какъ же грусть намъ усладить?
Чаще пуншъ съ Аракомъ пить.

О Аракъ, Аракъ чудесный!
Ты весну намъ возвратилъ!

Ты согрѣлъ, какъ Май прелестный,
Щеки розами покрылъ.
Чѣмъ же намъ тебя почтить?
Вдвое, втрое больше пить.

Дмитріевъ.

Весьма удивительно, что въ простонародныхъ или старинныхъ нашихъ пѣсняхъ нѣтъ ни одной, которую бы можно было назвать *застольною* или *круговою*; а ежели и находятся приближающіяся къ сему роду, то во всѣхъ видна или чрезвычайная принужденность, или грубость нравовъ. Такова на примѣръ слѣдующая:

Чарочки по столику похаживаютъ,
Рюмочки ходя поговариваютъ,
Старымъ бабамъ полѣно сулятъ;
Въ старыхъ бабахъ-то корысти нѣтъ.

Чарочки по столику похаживаютъ,
Рюмочки ходя поговариваютъ.
Молодымъ женамъ плетку сулятъ,
Съ молодой женой хлопотъ, хлопотъ!

Чарочки по столику похаживаютъ,
Рюмочки ходя поговариваютъ

Краснымъ дѣвушкамъ лозу сулятъ,
Краснымъ дѣвушкамъ играть бы все!

ПЯТИСТОПНЫЙ. Имя сіе придается стиху, состоящему изъ пяти стопъ.

Составленіе стиховъ пятистопныхъ можно видѣть въ статьяхъ *Анапестъ*, *Дактиль*, *Хорей* и *Ямбъ*.

Въ древней поэзіи, то есть въ Греческой и Латинской; нашему пятистопному стиху соотвѣтствуетъ *Пентаметръ*. См. сіе слово.

КОНЕЦЪ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Handbuchbinderei
H. B. Schiedeck 1968

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Ostolopov, Nikolaj .

Slovar' drevnej i novoj poėzii

Bd.: 2. Z - P

S. Peterburg 1821

L.eleg.g. 578 t-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10575478-2